

Дело «S.M. против Хорватии»¹

(Жалоба № 60561/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 25 июня 2020 г.

По делу «S.M. против Хорватии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Роберта Спано, *Председателя Большой Палаты Суда*,

Йона Фридрика Къэльбро,

Ангелики Нуссбергер,

Ксении Туркович,

Шеофры О'Лири,

Винсента А. де Гаэтано,

Юлии Лаффранк,

Валерия Грицко,

Эгидиуса Куриса,

Бранко Лубарды,

Карла Ранзони,

Жоржа Раварани,

Пере Пастора Вилановы,

Георгия А. Сергидеса,

Марии Элосеги,

Арифинна Бордсена,

Дариана Павли, *судей*,

а также при участии Родерика Лиддела, *Секретаря Большой Палаты Суда*,

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 15 мая 2019 г., 8 января и 25–26 марта 2020 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 60561/14, поданной против Республики Хорватия в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Республики Хорватия S.M. (далее – заявительница) 27 августа 2014 года. Председатель Большой

Палаты Европейского Суда оставил в силе решение не раскрывать имя заявительницы (пункт 4 правила 47 Регламента Европейского Суда).

2. Интересы заявительницы, которой было предоставлено право на оплату юридической помощи, представляла адвокат С. Безбрадица Елавич (*S. Bezbradica Jelavić*), практикующая в г. Загребе. Власти Хорватии (далее также – власти государства-ответчика) были представлены Ш. Стажник (*Š. Stažnik*), Уполномоченным Республики Хорватия при Европейском Суде.

3. Заявительница утверждала, в частности, что власти Хорватии не смогли эффективным образом применить соответствующие уголовно-правовые механизмы в отношении ее утверждений о торговле людьми и/или сексуальной эксплуатации с целью занятия проституцией в нарушение статей 3, 4 и 8 Конвенции.

4. Жалоба была распределена в Первую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 19 июля 2018 г. Палата указанной Секции Европейского Суда в следующем составе: Линос-Александра Сицилианоса, Кристины Пардалос, Кшиштофа Войтычека, Ксении Туркович, Армена Арутюняна, Паулине Коскело и Йована Илиевского, судей, а также при участии Абея Кампоса, Секретаря Секции Суда, – вынесла Постановление по настоящему делу. Палата Европейского Суда большинством голосов объявила жалобу приемлемой для рассмотрения по существу и пришла к выводу, что по делу было допущено нарушение статьи 4 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте. К Постановлению прилагалось особое мнение судьи П. Коскело.

5. 19 октября 2018 г. власти Хорватии ходатайствовали о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. 3 декабря 2018 г. коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила данное ходатайство.

6. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен на основании пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. В ходе второго заседания судьи Ангелика Нуссбергер, Винсент А. де Гаэтано и Юлия Лаффранк, срок полномочий которых истек, продолжали участвовать в рассмотрении дела (пункт 3 статьи 23 Конвенции и пункт 4 правила 24 Регламента Европейского Суда). Роберт Спано сменил Ангелику Нуссбергер на посту Председателя Большой Палаты Европейского Суда (правила 10 и 11 Регламента Европейского Суда).

7. Заявительница и власти Хорватии представили дополнительные письменные замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). Кроме того, были получены комментарии от Группы экспертов Совета Европы по борьбе с торговлей с людьми (далее – ГРЕТА), от Юридической клиники по вопросам междуна-

¹ Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 25 июня 2020 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

родного права в области прав человека (юридический факультет г. Экс-ан-Прованс (*Aix-en-Provence*), от Исследовательского центра «Некоммерческая организация социального назначения “Другое право”» (*L'altro diritto onlus*) (Университет Флоренции), а также от группы исследователей в составе Бенедикта Буржуа (*Bénédicte Bourgeois*) (Мичиганский университет), Мари-Ксавье Катто (*Marie-Xavière Catto*) (Университет Париж I Пантеон-Сорбонна) и Мишеля Эрпелдинга (*Michel Erpelding*) (Институт процессуального права им. Макса Планка, г. Люксембург).

8. Открытое слушание по настоящему делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 15 мая 2019 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Хорватии:

Ш. Стажник, Уполномоченный Республики Хорватия при Европейском Суде,

Н. Катич (*N. Katić*), сотрудник Аппарата Уполномоченного Республики Хорватия при Европейском Суде,

К. Николич (*K. Nikolić*), сотрудник Аппарата Уполномоченного Республики Хорватия при Европейском Суде, *советники*;

(b) со стороны заявительницы:

С. Безбрадица Елавич, адвокат, *советник*

Европейский Суд заслушал выступления С. Безбрадицы Елавич и Ш. Стажник, а также ответы С. Безбрадицы Елавич, Н. Катич и Ш. Стажник на вопросы, заданные судьями.

ФАКТЫ

9. Заявительница родилась в 1990 году и проживает в Z.

10. Из-за проблем в семье в период с 2000 по 2004 год она проживала в приемной семье. Затем она переехала в государственный интернат для детей и молодежи, где она оставалась до тех пор, пока не закончила свое профессиональное обучение в сфере организации питания. После этого она переехала жить к отцу в S. и иногда навещала свою мать в Z.

1. ТРЕБОВАНИЕ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПОСЛЕДОВАВШЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

А. ТРЕБОВАНИЕ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ Т.М.

11. 27 сентября 2012 г. заявительница обратилась в отделение полиции в Z. и с занесением ее заявления в протокол потребовала возбудить уго-

ловное дело в отношении Т.М. Она утверждала, что летом 2011 года Т.М. физически и психологически вынуждал ее заниматься проституцией.

12. Заявительница утверждала, что незадолго до начала лета 2011 года Т.М. связался с ней через социальную сеть Facebook и представился другом ее родителей. После этого первого контакта в течение месяца или двух она продолжала обмениваться с Т.М. сообщениями о повседневных проблемах. Затем в июне или июле 2011 года она встретила с Т.М. и пошла с ним выпить. В тот раз Т.М. сказал, что хочет помочь ей с поиском работы, поскольку он знал ее родителей, и для этого оставил заявительнице свой номер телефона. Уже тогда заявительница почувствовала, что Т.М. был человеком, который настаивал на том, чтобы всё делать по-своему, и ему невозможно было противоречить.

13. Заявительница также указала, что после этой встречи она продолжала обмениваться сообщениями с Т.М. через социальную сеть Facebook. Поскольку у нее не было оснований подвергать сомнению намерения Т.М., примерно через две недели после первой встречи она связалась с ним, и они решили встретиться снова. На этот раз, когда они встретились, Т.М. сказал, что отвезет ее к мужчине, которому она должна будет оказать сексуальные услуги за деньги. Т.М. объяснил, что она должна взять 400 хорватских кун (около 50 евро) за свои услуги и отдать ему половину этих денег. Она ответила Т.М., что не хочет этого делать. Тогда Т.М. сказал, что ей придется это делать до тех пор, пока он не найдет для нее подходящую работу. Как она уже поняла ранее, Т.М. не был тем человеком, которому можно было сказать «нет», из страха она согласилась поехать с ним к этому мужчине.

14. Затем Т.М. отвез ее на своей машине в место неподалеку от Зар. (город около Z.), где мужчина ждал ее в доме. Заявительница рассказала мужчине, что произошло, и он не стал настаивать на том, чтобы вступить с ней в половую связь, но сказал, что даст ей 400 хорватских кун. Т.М. подслушал этот разговор за дверью и после того, как мужчина вышел из комнаты, ударил заявительницу, сказав, что она никогда не должна разговаривать с клиентами и что она должна слушаться его и делать только то, что он ей говорит.

15. Заявительница также пояснила, что после этого случая Т.М. каждый день забирал ее у дома в Z. и отвозил ее на своей машине, чтобы оказывать сексуальные услуги мужчинам, которые отвечали на объявление в социальной сети. Через некоторое время он дал ей мобильный телефон, чтобы клиенты могли с ней связаться, и продолжал возить ее, чтобы встречаться с клиентами в различных местах. Затем Т.М. снял квартиру в Z. (заявительница указала адрес), где она продолжала оказывать сексуальные услуги мужчинам. Это позволяло Т.М. держать ее под постоянным контролем, так как он всегда находился в квартире, а также он сказал, что

установит камеры, чтобы знать, что происходит в квартире. Заявительница боялась Т.М., поскольку он рассказывал, что делал то же самое с другими девушками, которых наказывал физически, если они не слушались его. Т.М. также физически наказывал ее, если она ему возражала. Когда она отказывалась оказывать сексуальные услуги другим мужчинам, он избивал ее.

16. Заявительница также сообщила, что в начале сентября 2011 года, когда она знала о том, что Т.М. не будет в квартире в течение длительного времени, она покинула квартиру и пошла в дом своей подруги М.И. Она рассказала М.И., что произошло. Осознав, что она ушла от него, Т.М. сначала начал связываться с ней через социальную сеть Facebook, прося ее вернуться. Он писал ей, что любит ее и что ей больше никогда не придется оказывать сексуальные услуги. Поскольку заявительница не отвечала на эти сообщения, Т.М. начал угрожать ей тем, что найдет ее и что она и ее родители «заплатят» за всё. Заявительница продолжала игнорировать данные сообщения, и через некоторое время Т.М. перестал их отправлять. Через год и две недели до того, как заявительница обратилась с требованием о возбуждении уголовного дела, Т.М. снова связался с ней через Facebook, упомянув про ее мать. Это заставило заявительницу испугаться за свою безопасность и безопасность своих родителей и сестры.

17. В заключение заявительница пояснила, что в среднем у нее был один клиент в день, поскольку, когда Т.М. не было рядом, она выключала телефон и отключала рекламу, чтобы клиенты не могли с ней связаться. В общей сложности у нее было около 30 клиентов, и она заработала примерно 13 000 хорватских кун (около 1 700 евро). Половину этой суммы она отдала Т.М.

В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ, ПРОВЕДЕННОЕ ОРГАНАМИ ПОЛИЦИИ

18. В тот же день, когда заявительница обратилась с требованием о возбуждении уголовного дела, полиция проинформировала муниципальную государственную прокуратуру Z. (далее – органы прокуратуры) о подаче жалобы и о том, что полиция проводит предварительное расследование.

19. 10 октября 2012 г. по распоряжению Окружного суда Z. (далее – Окружной суд) полиция провела обыск помещений Т.М. и его машины. В машине полиция обнаружила и изъяла презервативы. Во время обыска помещений Т.М. полиция изъяла две автоматические винтовки и сопутствующие боеприпасы, ручную гранату и несколько мобильных телефонов.

20. Полиция также установила, что Т.М. значился в полицейской картотеке как лицо, совер-

шившее такие уголовные преступления, как склонение к занятию проституцией и изнасилование. В его досье, полученном органами прокуратуры, было указано, что в 2005 году Т.М. был признан виновным в склонении к занятию проституцией с применением принуждения в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 195 Уголовного кодекса Хорватии (см. ниже § 96) и в изнасиловании согласно пункту 1 статьи 188 Уголовного кодекса Хорватии, и что он был приговорен к шести с половиной годам лишения свободы.

21. 10 октября 2012 г. полиция задержала и допросила Т.М. Было установлено, что Т.М. проходил обучение для получения профессии сотрудника полиции. Он отрицал обвинения заявительницы и утверждал, что это была попытка заявительницы и ее матери отомстить ему за сложные отношения, которые у него сложились с матерью заявительницы.

22. 11 октября 2012 г. полиция передала требование заявительницы о возбуждении уголовного дела и все собранные доказательства в органы прокуратуры. Полиция классифицировала жалобу заявительницы в соответствии с пунктом 3 статьи 195 Уголовного кодекса Хорватии (склонение к занятию проституцией с применением принуждения). Т.М. также предстал перед следственным судьей окружного суда, который распорядился о его предварительном заключении под стражу. Он оставался под стражей до окончания производства по уголовному делу в отношении него в муниципальном суде.

С. РАССЛЕДОВАНИЕ, ПРОВЕДЕННОЕ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

1. Допрос Т.М.

23. 11 октября 2012 г. органы прокуратуры допросили Т.М. Он повторил доводы, изложенные в ходе допроса в полиции. Он также пояснил, что заявительница связалась с ним и попросила защитить ее от другого человека, который склонял ее к занятию проституцией. Т.М. отрицал, что он когда-либо склонял заявительницу к занятию проституцией. Он также подчеркнул, что заявительница снимала квартиру в Z. и что он одолжил ей деньги для этой цели, которые она позднее вернула. Т.М. далее пояснил, что по просьбе заявительницы он обычно возил ее на машине. Она не говорила ему, куда едет, но он подозревал, что она занимается проституцией. Т.М. утверждал, что он не проживал с заявительницей в одной квартире. Иногда он оставался с ней на ночь, когда она приглашала его, поскольку у них были отношения. Т.М. признался, что однажды ударил заявительницу, но это было вызвано тем, что она спровоцировала его. Он отрицал, что давал ей мобильный телефон, поскольку у нее был собственный телефон.

2. Допрос заявительницы

24. 16 октября 2012 г. в ходе расследования в отношении Т.М. органы прокуратуры допросили заявительницу. Она была проинформирована обо всех своих правах в качестве потерпевшей от преступления в соответствии с пунктом 1 статьи 43, статьей 45 и пунктом 4 статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Хорватии (см. ниже § 98). Она заявила, что поняла инструкции и не подавала специальных ходатайств в этом отношении.

25. В ходе допроса заявительница повторила свое утверждение относительно первого контакта, который у нее был с Т.М. (см. выше §§ 12–13). Она также пояснила, что весной 2011 года Т.М. предположил, что он мог бы найти ей работу в торговом центре. Поскольку у нее не было работы, она начала более активно общаться с ним. В такой ситуации она встречалась с Т.М. неоднократно в кафе, и он продолжал говорить, что может найти ей работу. У нее не было причин подвергать сомнению его намерения.

26. Заявительница также предоставила дополнительные сведения о происшествии, когда Т.М. отвез ее для оказания сексуальных услуг мужчине в доме недалеко от Зар. Она утверждала, что это произошло в начале июля 2011 года и что Т.М. повез ее туда, обманув, сказав ей, что везет ее к другу, который сможет найти ей работу. Заявительница повторила свое утверждение о событиях в доме и о том, что мужчина не настаивал на половой связи с ней, но, тем не менее, заплатил ей 400 хорватских кун. Она также повторила, что Т.М. ворвался в комнату, где она находилась с мужчиной, и начал кричать на нее, после чего ударил ее. Более того, по пути в З., Т.М. угрожал выбросить ее из машины на шоссе, поскольку она начала спрашивать, что происходит.

27. Заявительница далее пояснила, что на следующий день Т.М. снова связался с ней и сказал, что им нужно поговорить о том, что произошло. Она согласилась встретиться с ним, но они не обсуждали происшествие, поскольку он избегал этой темы. Через несколько дней Т.М. дал ей мобильный телефон. Он объяснил, что клиенты, обращающиеся за сексуальными услугами, будут связываться с ней по этому номеру. Т.М. также сказал заявительнице, что она должна давать свое физическое описание мужчинам, которые позвонят ей, и брать 400 хорватских кун за полчаса оказания сексуальных услуг или 600 хорватских кун (около 80 евро) за час, и что половину этих денег она должна отдавать Т.М. Заявительница согласилась на это, поскольку боялась, что Т.М. снова нападет на нее и расскажет обо всем ее родителям.

28. Заявительница также утверждала, что мужчины, которые связывались с ней, говорили, что видели ее объявление в Интернете. Примерно через 10 дней после случая в Зар. Т.М. снял квартиру (заявительница указала адрес), где заявитель-

ница и Т.М. проживали совместно. Она оказывала сексуальные услуги в этой квартире, а иногда Т.М. возил ее к клиентам. Поскольку Т.М. проживал с ней в одной квартире, он контролировал все ее действия. Когда она отказывалась вступать в половую связь с другими мужчинами либо с ним или когда она разговаривала с клиентами, Т.М. избивал ее. Он избивал ее каждые два дня. Она повторила утверждение о сумме заработанных денег и подчеркнула, что отдала половину суммы Т.М.

29. На вопрос о том, почему она раньше не обратилась в полицию, заявительница ответила, что боялась Т.М. и что он держал ее под своим контролем. Но однажды, когда Т.М. вышел из квартиры и оставил ключ, она позвонила своей подруге М.И. и попросила о помощи. М.И. знала, что она оказывала сексуальные услуги мужчинам за деньги против своей воли и что она попала в беду. После этого разговора друг М.И., Т., приехал на такси, помог заявительнице забрать вещи и отвез ее в дом М.И., где она оставалась в течение нескольких дней.

30. Заявительница также отметила, что после ее ухода Т.М. начал связываться с ней через Facebook, просил ее вернуться и говорил, что любит ее. Поскольку заявительница не отвечала на эти сообщения, Т.М. начал угрожать, что он расскажет всё ее родителям. Она действительно боялась, что он может это сделать, поэтому решила обратиться с требованием о возбуждении уголовного дела, чтобы положить конец всему произошедшему.

31. Заявительница также отметила, что, по словам Т.М., ранее у него была девушка А., с которой он обращался так же, как с заявительницей. Заявительница также узнала из Facebook, что позднее у Т.М. появилась другая девушка, которая занималась проституцией. Т.М. сказал заявительнице, что снимал на видео своих подруг и наказывал их, когда они дерзили. Он угрожал сделать то же самое в отношении заявительницы. Т.М. говорил ей всё это, чтобы сломить ее волю сопротивляться ему.

3. Допрос М.И.

32. 6 ноября 2012 г. органы прокуратуры допросили М.И. Она рассказала, что заявительница была ее подругой и что они были знакомы около двух лет. Последний раз (до того, как заявительница пришла к ней домой) М.И. связывалась с заявительницей около восьми или девяти месяцев назад.

33. М.И. пояснила, что в конце лета 2011 года заявительница внезапно пришла к ней домой, имея при себе сумку с вещами. Позднее М.И. узнала, что заявительница договорилась с матерью М.И. о том, что она останется у них какое-то время, но она (М.И.) не знала подробностей, поскольку у нее были не очень хорошие отношения с матерью. Кроме того, молодой человек М.И. (полное имя и адрес которого она назвала) сказал ей, что он говорил с заявительницей. Однако вскоре после этого М.И.

рассталась со своим молодым человеком, поэтому они не обсуждали какие-либо подробности его контакта с заявительницей.

34. М.И. также сообщила, что заявительница рассказала ей о Т.М., от которого она сбежала, поскольку больше не хотела заниматься проституцией. До того, как заявительница пришла к ней в квартиру, М.И. знала, что заявительница занималась проституцией, но не знала, где и по указанию кого она это делала. Только в тот день М.И. узнала, что заявительница занималась проституцией по указанию Т.М. По словам М.И., заявительница была очень расстроена и напугана. Она сказала М.И., что Т.М. неоднократно избивал ее, наблюдал за ней через замочную скважину, когда она оказывала сексуальные услуги клиентам, а затем избивал ее за то, что она занимала не те позы, которые он одобрял.

35. М.И. также пояснила, что, как она поняла, заявительница добровольно оказывала сексуальные услуги, потому что ей были нужны деньги. Заявительница рассказала ей, что у нее была договоренность с Т.М. работать на него и делиться с ним деньгами, что у нее был мобильный телефон, на который могли звонить клиенты, и что клиенты связывались с ней через небольшое рекламное объявление. Заявительница сказала, что Т.М. дал ей этот мобильный телефон и разместил рекламу.

36. М.И. также подчеркнула, что не может вспомнить, говорила ли заявительница о том, что она сопротивлялась Т.М. Заявительница действительно говорила, что не хотела «заниматься этим», но в понимании М.И. это скорее означало, что заявительница «занималась этим», поскольку у нее не было других способов заработать деньги. Заявительница также рассказывала ей, что Т.М. бил ее по самым незначительным поводам, которых она (заявительница) не ожидала. Заявительница также сказала М.И., что, когда она отказалась от сексуальных отношений с ним, Т.М. избил ее, и заявительница не знала, от чего он снова станет агрессивным. По сведениям М.И., Т.М. также рассказал заявительнице о том, что у него была другая девушка, с которой он обращался так же, как с заявительницей. Заявительница сказала М.И., что она воспользовалась возможностью сбежать от Т.М., когда он вышел из квартиры, где они проживали.

37. М.И. также отметила, что заявительница оставалась у нее и ее матери более полугода и что Т.М. продолжал связываться с заявительницей через Facebook. М.И. видела отправленные им сообщения, содержащие угрозы в адрес заявительницы и ее матери. Он также отправлял сообщения, в которых писал о том, что любит ее, и просил вернуться к нему.

Д. ОБВИНЕНИЕ ПРОТИВ Т.М.

38. 6 ноября 2012 г. органы прокуратуры в Муниципальном уголовном суде Z. (далее –

Муниципальный суд) предъявили Т.М. обвинения в склонении к занятию проституцией с применением принуждения в качествеотягчающего обстоятельства склонения к занятию проституцией, как предусмотрено пунктом 3 статьи 195 Уголовного кодекса Хорватии (см. ниже § 96).

39. В обвинительном заключении указывалось, что в целях извлечения материальной выгоды Т.М. обманул заявительницу, заставив ее поверить в то, что он найдет ей работу. Однако после этого он отвез ее в Зар. для оказания сексуальных услуг мужчине. Поскольку заявительница отказалась это сделать, Т.М. ударил ее, а на обратном пути в Z. угрожал выбросить ее из машины. Вскоре после этого Т.М. дал заявительнице мобильный телефон для ответа на звонки клиентов. Он также дал ей указания брать плату за сексуальные услуги и отдавать ему половину денег. Согласно обвинительному заключению заявительница согласилась на это из страха. Впоследствии Т.М. возил заявительницу по адресам клиентов, где она оказывала сексуальные услуги за деньги, а через некоторое время он снял квартиру в Z., где заявительница продолжала оказывать сексуальные услуги мужчинам. Т.М. держал заявительницу под контролем, а также сказал ей, что он избивал других девушек, которые не делали то, что он просил. Когда заявительница сопротивлялась и говорила, что больше не хочет оказывать сексуальные услуги, Т.М. избивал ее. Из-за страха перед ним она продолжала оказывать сексуальные услуги мужчинам за деньги до сентября 2011 года, когда она сбежала из квартиры.

40. В обвинительном заключении содержалась ссылка на показания заявительницы, которые были подтверждены показаниями М.И. В обвинительном заключении также было указано, что защита Т.М., хотя и отрицала совершение преступления, по сути только подтвердила показания заявительницы.

41. 22 ноября 2012 г. коллегия в составе трех судей Муниципального суда утвердила обвинительное заключение и передала дело на рассмотрение суда.

II. ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ Т.М.

А. ПЕРВОЕ СЛУШАНИЕ ПО ДЕЛУ

42. Первое слушание в Муниципальном суде, назначенное на 12 декабря 2012 г., было отложено, поскольку Т.М. утверждал, что он объявил голодовку и поэтому не может участвовать в судебном разбирательстве. Судья, ведущий производство по делу, назначил проведение экспертизы с целью установить, может ли Т.М. принимать участие в судебном разбирательстве.

43. В экспертном заключении отмечалось, что Т.М. несколько лет работал в полиции и во время войны в Хорватии в 1990-х годах входил в состав

полицейских сил особого назначения. Он уволился из полиции в 2001 году. Т.М. страдал посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) в связи с участием в боевых действиях, и у него также развилось расстройство личности. В течение ряда лет он проходил психиатрическое лечение. Согласно экспертному заключению способность Т.М. понимать природу оспариваемых действий была снижена, но не в значительной степени. В связи с этим в заключении было рекомендовано, чтобы в случае осуждения Т.М. было вынесено распоряжение о его принудительном психиатрическом лечении. Кроме того, согласно экспертному заключению Т.М. мог участвовать в судебном разбирательстве и следить за его ходом.

В. ВТОРОЕ СЛУШАНИЕ ПО ДЕЛУ (ХОДАТАЙСТВО ЗАЩИТЫ Т.М.)

44. На слушании 14 января 2013 г. Т.М. не признал себя виновным. Он отрицал, что заставлял заявительницу заниматься проституцией. Он подтвердил, что связался с заявительницей через Facebook, поскольку узнал ее фамилию, так как был знаком с ее матерью. После обмена несколькими сообщениями через Facebook Т.М. и заявительница начали встречаться, и заявительница сказала ему, что у нее нет денег, что ей нужна работа и что у нее есть долги. Она также сказала, что боится В., которого Т.М. знал по тюрьме, поэтому ему стало ясно, «чем занимается заявительница». Кроме того, она сказала, что сохранила контакты своих клиентов, которые она получила от В. Заявительница также попросила Т.М. одолжить ей деньги на аренду квартиры, что он и сделал. Позднее она вернула эту сумму двумя частями. Заявительница также сказала, что попытается найти работу.

45. Т.М. также сообщил, что через несколько недель после того, как он встретился с заявительницей, у них начались близкие отношения. Заявительница просила возить ее по определенным адресам на машине, и пять или шесть раз он это делал. Он знал, что она оказывает сексуальные услуги за деньги. Однако он не знал, сколько она на этом зарабатывает. Т.М. подтвердил, что однажды он ударил заявительницу, потому что у них возник спор по поводу «работы», и она спровоцировала его. Он уточнил, что это было связано с тем, что, по словам заявительницы, она нашла работу в пекарне, но не хотела работать. Т.М. не нравилось ее отношение, поэтому возник спор, и, поскольку он не мог контролировать себя, он ударил ее. Позднее он нашел для заявительницы работу в ресторане в Зар., но она исчезла. Это произошло в августе 2011 года, и единственное, что он обнаружил в квартире, которую она снимала, было сообщение от собственницы квартиры, адресованное заявительнице.

46. На вопрос судьи, который вел производство по делу, Т.М. пояснил, что он не проживал с зая-

вительницей в квартире, которую она снимала, а только изредка ночевал там. У него были ключи от квартиры. Иногда заявительница уходила одна к своим клиентам, к врачу или друзьям, а позже говорила Т.М. что у нее есть немного денег. Т.М. не мог объяснить, почему он соглашался с тем, что заявительница оказывала сексуальные услуги другим мужчинам, когда у них были отношения. Он подчеркнул, что заявительница хотела быть независимой и сама зарабатывать деньги, поэтому он не хотел вмешиваться в это. Он также пояснил, что использовал только один мобильный телефон, а в ходе обыска полиция обнаружила его старые телефоны, которыми он более не пользовался.

47. Отвечая на вопрос прокурора, Т.М. отрицал, что давал заявительнице какой-либо мобильный телефон. По его словам, у нее было два собственных мобильных телефона. Т.М. также указал, что два или три раза заявительница давала ему немного денег на бензин, поскольку он возил ее на машине. Однако она постоянно жаловалась на то, что у нее нет средств, поэтому он также давал ей деньги. У Т.М. сложилось впечатление, что заявительница его не боялась, так как она была не тем человеком, который кого-либо боялся.

48. После допроса Т.М. прокурор просил заслушать заявительницу и М.И. в качестве свидетелей. Защита согласилась на это и не внесла иных предложений по сбору доказательств. Суд первой инстанции принял предложение сторон и назначил следующее слушание на 29 января 2013 г.

С. ТРЕТЬЕ СЛУШАНИЕ ПО ДЕЛУ (УСТНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ И М.И.)

49. Повестка в суд, которая была вручена заявительнице, содержала подробную информацию о ее правах в качестве потерпевшей, в частности, о праве на психологическую и практическую помощь и о возможности связаться с Департаментом по организации и оказанию поддержки в Муниципальном суде свидетелям и потерпевшим. Также были указаны контактные данные этого департамента.

50. На слушании 29 января 2013 г. Муниципальный суд заслушал показания заявительницы и М.И. Заявительницу сопровождал адвокат, предоставленный ей неправительственной организацией «Центр “Роза”» (Rosa Centre).

51. Перед дачей показаний заявительница сообщила суду первой инстанции о том, что она боится Т.М. Тогда он был удален из зала суда, и заявительница давала показания в его отсутствие.

1. Устные показания заявительницы

52. В ходе допроса заявительница повторила свои показания, данные в ходе расследования

(см. выше §§ 25–31), и сообщила, что хочет уточнить некоторые аспекты своих показаний. В связи с этим она пояснила, что до инцидента в Зар. они с Т.М. три или четыре раза вместе пили кофе и обменивались сообщениями в Facebook. Он обещал сделать всё возможное, чтобы найти ей работу официантки или в магазине. Заявительница также рассказала, что, когда Т.М. вез ее к мужчине в Зар., он сказал, что они вместе попьют кофе. В доме мужчины видел, как Т.М. бил ее. Что касается событий, которые произошли на обратном пути в З., заявительница пояснила, что она хотела сбежать от Т.М., но он сумел поймать ее и заставил остаться в машине. На следующий день, когда они встретились, они не обсуждали эти события, а говорили о ее попытках найти работу. Заявительница также сообщила, что она согласилась переехать в квартиру, которую нашел Т.М., без какого-либо применения силы с его стороны. Она сделала это, чтобы защитить свою соседку по комнате, с которой она проживала в то время. Т.М. говорил, как она привлекательна, и заявительница пыталась не допустить ее участия в этой истории, чтобы она не оказалась в том же положении, что и заявительница.

53. На вопрос судьи, который вел производство по делу, заявительница ответила, что, когда Т.М. снял квартиру для нее, она догадалась, чем ей придется заниматься там, а именно оказывать сексуальные услуги. Она боялась его и по этой причине согласилась оказывать сексуальные услуги другим мужчинам. Он также угрожал, что расскажет всё ее родителям и посадит ее мать в тюрьму. Заявительница также повторила свои показания, данные в ходе расследования, о количестве клиентов и денежных суммах, которые она заработала и половину из которых она отдавала Т.М.

54. Заявительница также отметила, что Т.М. находился в квартире, когда она оказывала сексуальные услуги другим мужчинам. Иногда он наблюдал за ней через замочную скважину и бил ее, если она отказывалась быть с клиентом или вступить с ним в половую связь, как того хотел Т.М. Она также была вынуждена вступить в половую связь с Т.М. Она не обращалась за медицинской помощью или в полицию, поскольку не могла выйти из квартиры.

55. На следующий вопрос судьи, который вел производство по делу, заявительница ответила, что у нее не было сведений о Т.М., когда он впервые связался с ней. В то время он знал, что у нее нет работы, и обещал попытаться найти для нее работу. Что касается инцидента в Зар., заявительница повторила свои показания, данные в ходе расследования. Она пояснила, что добровольно передала Т.М. деньги, полученные от мужчины.

56. Заявительница также пояснила, что она взяла мобильные телефоны, которые Т.М. приобрел для связи с клиентами, потому что она его боялась. Позднее, когда она уже не жила в квартире, снятой

Т.М., заявительница узнала от Т.М., что ее мать ранее жаловалась на него в полицию (заявительница не уточнила причину) и что он ранее сидел в тюрьме. Заявительница также отметила, что только она отвечала на звонки клиентов. Иногда клиенты приходили в квартиру, а иногда Т.М. отвозил ее к ним. В квартире она проживала с Т.М., хотя она должна была платить арендную плату и делала это. У нее не было ключей от квартиры. У нее был один мобильный телефон, который дал ей Т.М. У нее также был собственный мобильный телефон, но не было денег на предоплаченной сим-карте. Она оставалась в квартире около полутора месяцев. Заявительница не пыталась убежать, потому что боялась Т.М. Она также не пыталась обращаться в полицию, поскольку Т.М. сказал, что у него есть связи в полиции и что он очень быстро узнает, если она пожалуется на него.

57. Что касается ее побега из квартиры, заявительница пояснила, что однажды она воспользовалась тем, что Т.М. какое-то время отсутствовал в квартире и что ключ был оставлен во входной двери. Затем она позвонила своей подруге М.И., с которой связалась по Интернету 15 дней назад, и рассказала, что у нее проблемы и ей требуется помощь. Когда заявительница позвонила М.И., она разговаривала с ней и ее матерью. Она не рассказывала каких-либо подробностей, а просто сказала, что живет в квартире с мужчиной и занимается проституцией и что она хочет сбежать. По договоренности бывший парень М.И., Т., приехал за ней на такси. Заявительница пояснила, что ранее она связывалась с Т. через Facebook, но ничего не рассказывала ему о своей ситуации. Когда Т. отвез ее к М.И., там были М.И. и ее мать. Заявительница оставалась с ними около 10 дней и рассказала М.И., что с ней произошло. При этом она также связывалась с собственницей квартиры, где она жила с Т.М., по вопросу арендной платы и возможности забрать некоторые из своих вещей, которые она там оставила.

58. На дальнейшие вопросы судьи заявительница ответила, что она не пыталась убежать от Т.М., когда он забирал ее из квартиры и возил к клиентам, так как была уверена, что он найдет ее. Кроме того, он строго контролировал время, которое она проводила с клиентами. Заявительница также сообщила, что Т.М. говорил ей о том, что он делал то же самое с другой девушкой. Отвечая на вопрос защиты Т.М., заявительница отрицала, что Т.М. когда-либо одалживал ей деньги на аренду квартиры. Она сказала, что не знает ни одного человека по имени В., и отрицала, что у нее были какие-либо контактные данные клиентов. Она также заявила, что Т.М. никогда не говорил ей, что нашел ей работу в ресторане в Зар. Позднее, когда она ушла от него, он отправил ей несколько сообщений через Facebook, где упоминал, что нашел ей работу в магазине.

59. Заявительница также отметила, что сначала, когда она убежала от Т.М., она не хотела жаловаться в полицию. Однако после того, как она ушла, Т.М. продолжал связываться с ней через Facebook, сообщил властям, что ее мать оставляла без внимания и жестоко обращалась со своей младшей дочерью, и угрожал, что, как только она найдет работу или продолжит обучение, он всё разрушит, поэтому она решила обратиться в полицию. Заявительница также пояснила, что после того, как она ушла от Т.М., она боялась выходить на улицу и испытывала страх каждый раз, когда видела машину, похожую на машину Т.М.

60. На вопрос прокурора заявительница ответила, что она очень боялась Т.М. Она никогда не знала, как он отреагирует, и боялась за свою жизнь, поскольку он угрожал, что избьет ее до смерти. Кроме того, когда она отказывалась вступать с ним в половую связь, он избивал ее. Он также избил ее, когда она сказала, что больше не хочет оказывать сексуальные услуги. Он также обманул ее, сказав, что ей придется оказывать сексуальные услуги всего несколько дней и что он найдет для нее подходящую работу. Что касается раздела денег, заявительница пояснила, что сначала она передавала Т.М. все деньги, полученные от клиента, а затем он отдавал ей часть денег. Т.М. также установил некоторые правила, касающиеся того, каким конкретным образом ей разрешалось оказывать сексуальные услуги. Если она не подчинялась этому или оказывала сексуальные услуги тем образом, который ему не нравился, он избивал ее. Он также сфотографировал ее в обнаженном виде и разместил эти фотографии вместе с объявлением. Она не возражала против того, чтобы он делал фотографии, потому что была напугана. Затем он пригрозил показать фотографии ее родителям.

61. На вопрос своего адвоката заявительница утверждала, что Т.М. сначала представился ей как бывший сотрудник полиции и сказал, что был на войне вместе с ее отцом. Позднее он сказал, что знает людей в каждом отделении полиции и что он «подставит» ее, если она попытается пожаловаться на него.

62. На вопрос адвоката со стороны защиты заявительница ответила, что после первого контакта с Т.М. она не пыталась связаться со своей матерью, чтобы проверить, знала ли она его. В то время ее мать не жила в Хорватии, и у них были не очень хорошие отношения. Однако затем она обменялась некоторыми сообщениями со своей матерью, которая сказала, что Т.М. не был надежным человеком. Заявительница также спросила о Т.М. у своего отца, и он ответил, что Т.М. был «правильным парнем». Из сообщений, которыми она обменивалась с Т.М., заявительница сделала вывод, что он не был плохим человеком, и у нее не было причин ставить под сомнение его утверждение о том, что он работал в полиции. Позднее, после того, как она ушла от Т.М., заявительница рассказала о нем своей мате-

ри. Мать рассказала ей, что она жила с Т.М. после того, как рассталась с отцом заявительницы. Когда заявительница спросила свою мать о том, почему Т.М. злится на нее и почему она пожаловалась на него (в протоколе не было указано, на что), мать ответила, что не она, а другая девушка жаловалась на него, и что эта девушка оказывала сексуальные услуги таким же образом, как и заявительница. По словам заявительницы, это была та же девушка, о которой ей говорил Т.М.

63. На следующий вопрос адвоката защиты заявительница пояснила, что, когда она пошла забирать свои вещи из квартиры, где она проживала с Т.М., там с ней были собственница квартиры и М.И. Собственница квартиры связалась с ней, так как она не заплатила арендную плату за последний срок. Квартира была сдана в аренду на ее имя. В период ее нахождения в квартире с Т.М. собственница приходила в квартиру, и Т.М. представлял их собственнице как пару. Заявительница также указала, что Т.М. спал каждую ночь в квартире. Она не отрицала, что были моменты, когда она выходила из квартиры, чтобы пойти в магазин без Т.М. Это было три или четыре раза в течение полутора месяцев. Однако она не решилась сбежать из-за страха перед Т.М., который всегда наблюдал за ней из окна.

64. После допроса заявительницы Т.М. был введен в зал суда, и ему были зачитаны ее показания. У него не было вопросов, однако он заявил общее возражение относительно достоверности ее показаний.

2. Устные показания М.И.

65. Суд первой инстанции перешел к допросу М.И. Она повторила свои показания, данные в ходе расследования (см. выше §§ 32–37).

66. На вопрос судьи, который вел производство по делу, и после ознакомления с показаниями заявительницы М.И. отрицала, что заявительница звонила ей, когда ушла от Т.М. Она настаивала на том, что заявительница, вероятно, договорилась с ее (М.И.) матерью. М.И. далее утверждала, что она ранее знала о том, что заявительница занималась проституцией, поскольку заявительница сказала ей об этом. Заявительница пояснила М.И., что ей нужны деньги и что она живет без родителей. М.И. считала, что изначально заявительница занималась проституцией добровольно. По мнению М.И., заявительница также добровольно занималась проституцией по указанию Т.М., потому что ей были нужны деньги. Однако заявительница не знала, с кем имела дело, учитывая, что, как М.И. узнала от заявительницы, Т.М. принуждал и избивал ее. М.И. не могла вспомнить, говорила ли ей заявительница о том, что она сопротивлялась Т.М., когда он просил ее оказывать сексуальные услуги мужчинам. Заявительница сказала М.И., что она более

не хотела этим заниматься, но М.І. восприняла это как общую жалобу на то, что ей приходилось зарабатывать таким способом.

67. На дальнейший вопрос судьи, который вел производство по делу, М.І. сообщила, что заявительница прожила у нее несколько месяцев. Когда заявительница пришла к М.І., у нее не было видимых повреждений, но она была очень напугана и расстроена. Она боялась Т.М. и сказала, что не может поверить в то, что с ней случилось, и что она этого не ожидала. М.І. также пояснила, что она видела на ноутбуке заявительницы сообщения в Facebook, которые Т.М. отправлял заявительнице. Это были длинные сообщения, в которых Т.М. иногда говорил, как он любит заявительницу, а иногда высказывал угрозы, упоминая заявительницу и ее мать. М.І. отрицала, что ходила с заявительницей забирать ее вещи из квартиры, где она проживала с Т.М. По словам М.І., с заявительницей в квартиру пошел ее молодой человек Т.

68. На вопрос адвоката защиты М.І. ответила, что заявительница никогда не говорила ей о человеке по имени В. Она также сказала, что примерно в то время, когда заявительница пришла к ней в квартиру, она собиралась расстаться со своим молодым человеком Т. Насколько М.І. знала, в то время Т. только однажды отправил заявительнице сообщение через Facebook.

69. После допроса М.І. заявительница ответила, что у нее нет возражений против показаний М.І. Заявительница полагала, что, хотя в их показаниях имелись некоторые расхождения, это было результатом особого развития событий.

70. Заслушав заявительницу и М.І., прокурор ходатайствовал о приобщении этих материалов дела в качестве доказательств. Сторона защиты просила заслушать К.З. в качестве свидетеля в связи с угрозами мести, которые мать заявительницы предположительно высказывала в отношении Т.М. Сторона защиты также просила заслушать брата Т.М. в качестве свидетеля.

71. Сторона обвинения выступила против этих ходатайств, и суд первой инстанции считал, что отсутствует необходимость допрашивать лиц по предложению защиты. Следующее слушание было назначено на 15 февраля 2013 г.

Д. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛУШАНИЕ ПО ДЕЛУ (ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО Т.М.)

72. На слушании 15 февраля 2013 г. интересы заявительницы представлял адвокат неправительственной организации «Центр “Роза”». Т.М. просил суд первой инстанции разрешить ему дать дополнительные показания. Суд удовлетворил просьбу.

73. В своих показаниях Т.М. пояснил, что он знал мать заявительницы, поскольку она также была проституткой, но потерял с ней связь, когда начал отбывать тюремный срок. После того, как он связал-

ся с заявительницей через Facebook, она сообщила ему, что говорила о нем со своей матерью. Он хотел помочь заявительнице найти работу, и она сказала ему, что занимается проституцией, поскольку это был самый простой способ заработать деньги. Он влюбился в заявительницу и хотел иметь с ней отношения. Т.М. согласился на то, что она продолжит заниматься проституцией, так как он не был ревнивым человеком. Тем не менее он сказал ей, что она должна найти подходящую работу.

74. Т.М. также отметил, что именно заявительница снимала квартиру и всё сама организовывала. Он знал, что она брала 400 хорватских кун за полчаса и 600 хорватских кун за час, но именно она, а не он, установила такую цену. Он не оставался в квартире постоянно. Т.М. также отрицал, что происшествие в Зар., как было указано в обвинительном заключении, когда-либо имело место.

75. На вопрос судьи, который вел производство по делу, Т.М. признал, что иногда он находился в квартире, когда заявительница оказывала сексуальные услуги мужчинам, и что он получал половину денег, которые она брала за свои услуги. Он не хотел брать деньги, но заявительница настаивала на этом, говоря, что это деньги за бензин, который он тратил, когда возил ее на встречи с клиентами вне квартиры. Т.М. также отрицал, что он строго контролировал время, проведенное заявительницей с ее клиентами. Однако он признал, что дал ей деньги на покупку мобильного телефона, но только потому, что она попросила об этом. По словам Т.М., заявительница могла покинуть квартиру, когда она этого хотела. Однако он был удивлен, увидев, что однажды она просто ушла. Он предположил, что причиной этого послужил тот факт, что он оказывал на нее давление, чтобы она нашла подходящую работу, и даже установил определенные контакты, чтобы устроить для нее собеседование. Т.М. признался, что однажды ударил заявительницу, но причина вновь была связана с его требованием о том, чтобы она нашла подходящую работу. Т.М. также сообщил, что не знал, сколько клиентов было у заявительницы в общей сложности. Он не всегда был с ней и не контролировал ее постоянно. Он отрицал какой-либо обман или принуждение в отношении заявительницы в связи с оказанием сексуальных услуг.

76. На вопрос адвоката заявительницы о том, почему заявительница вообще нуждалась в нем, если она сама всё организовала, Т.М. отказался отвечать, сказав, что он уже пояснил всё, что касалось их отношений.

77. Заслушав дополнительные показания Т.М., стороны не выдвинули каких-либо новых предложений о сборе доказательств. Судья, который вел производство по делу, принял документы, представленные стороной обвинения, в качестве доказательств, заслушал заключительные доводы сторон и адвоката заявительницы и завершил производство по делу.

Е. ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА

78. По результатам слушания 15 февраля 2013 г. Муниципальный суд оправдал Т.М. на основании того, что, хотя было установлено, что он организовал занятия проституцией, в которые вовлек заявительницу, не было установлено, что он заставлял или принуждал ее заниматься проституцией, что являлось элементом состава преступления, в совершении которого он обвинялся в соответствии с пунктом 3 статьи 195 Уголовного кодекса Хорватии. Муниципальный суд, в частности, отметил:

«На основании доказательств, представленных обвиняемым и потерпевшей в ходе производства по данному уголовному делу, были установлены следующие факты: обвиняемый и потерпевшая общались через социальную сеть Facebook, когда обвиняемый связался с потерпевшей; обвиняемый давно знал мать и отца потерпевшей; после первого контакта общение продолжалось, и обвиняемый с потерпевшей встречались в кафе в Z.; в то время потерпевшая проживала в арендованной квартире со своей подругой К.; она добровольно по приглашению обвиняемого переехала в [другую] квартиру в Z.; она прожила в этой квартире вместе с обвиняемым около месяца или полутора месяцев. Также отсутствуют сомнения в том, что обвиняемый дал потерпевшей мобильный телефон, чтобы с ней могли связываться клиенты, с которыми она договаривалась об оказании сексуальных услуг, что потерпевшая действительно оказывала сексуальные услуги в квартире, где она проживала с обвиняемым, что пять или шесть раз обвиняемый возил потерпевшую по адресам клиентов, где она оказывала сексуальные услуги, что потерпевшая взимала за это плату в размере 400 хорватских кун за полчаса и 600 хорватских кун за час. Кроме того, отсутствуют сомнения в том, что потерпевшая покинула квартиру, где она проживала с обвиняемым, и пошла к своей подруге М.И.

Тем не менее еще предстоит установить, заставлял ли обвиняемый потерпевшую оказывать сексуальные услуги, которые она, несомненно, оказывала, путем применения силы или угрозы применения силы или с помощью обмана в целях получения материальной выгоды».

79. Придя к указанному выше выводу, Муниципальный суд отметил, что решающим доказательством, на котором было основано обвинительное заключение, стали свидетельские показания заявительницы. Вместе с тем Муниципальный суд счел, что он не может придать достаточного значения показаниям заявительницы, поскольку ее показания были непоследовательными, местами нелогичными и противоречащими показаниям свидетельницы М.И., а также показаниям Т.М. в его защиту. Кроме того, она вела себя неуверенно, делала паузы и колебалась во время своих показаний. С другой стороны, Муниципальный суд решил, что он может полагаться на показания М.И. и что он в целом может принять защиту Т.М., хотя

тот изменил свои показания в ходе судебного разбирательства. Муниципальный суд также отметил, что отрицание Т.М. применения какого-либо принуждения в отношении заявительницы подтверждается доказательствами, приведенными М.И., на основе ее знаний о прошлой жизни заявительницы и об обстоятельствах, при которых она занималась проституцией по указанию Т.М.

80. 26 марта 2013 г. Государственная прокуратура обжаловала постановление суда первой инстанции в Окружной суд. Она утверждала, что суд первой инстанции допустил ошибку в выводах по фактам дела, касающимся обвинений против Т.М., не приняв показаний заявительницы. Государственная прокуратура считала ее показания последовательными, заслуживающими доверия, логичными и убедительными, учитывая, что во всех соответствующих частях она последовательно излагала, каким образом Т.М. заставил ее заниматься проституцией. Государственная прокуратура также решила, что показания Т.М. нельзя признать заслуживающими доверия, и подчеркнула, что М.И. не обладала непосредственной информацией о соответствующих фактах дела.

81. 21 января 2014 г. Окружной суд отклонил апелляционную жалобу Государственной прокуратуры и оставил в силе постановление суда первой инстанции, утвердив основания, а также факты, как они были установлены Муниципальным судом.

82. Постановление Окружного суда было вручено адвокату заявительницы 28 февраля 2014 г.

III. ПРОИЗВОДСТВО В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ ХОРВАТИИ

83. 31 марта 2014 г. заявительница обратилась с жалобой в Конституционный суд Хорватии, жалуюсь на способ применения уголовно-процессуального законодательства в ее деле. Она утверждала, в частности, что власти Хорватии не выяснили надлежащим образом обстоятельства дела, связанные с ее вовлечением в занятия проституцией, организованные Т.М., и позволили совершенному им преступлению остаться безнаказанным.

84. 10 июня 2014 г. Конституционный суд Хорватии объявил жалобу заявительницы неприемлемой для рассмотрения по существу на основании того, что заявительница не имела права подавать конституционную жалобу в связи с уголовным делом в отношении Т.М., поскольку данное производство касалось уголовного обвинения против него.

IV. ПОДДЕРЖКА ПОТЕРПЕВШИХ И ПОМОЩЬ, ОКАЗАННАЯ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЕ

85. 21 декабря 2012 г. по итогам процедуры удостоверения личности, проведенной Министерством внутренних дел Хорватии, Управление

по правам человека и правам меньшинств Правительства Республики Хорватия (*Vlada Republike Hrvatske, Ured za ljudska prava i prava nacionalnih manjina*, далее – Управление по правам человека, см. ниже § 105) официально присвоило заявительнице статус потерпевшей от торговли людьми.

86. В тот же день Министерство внутренних дел Хорватии связалось с Красным крестом Хорватии, и его сотрудники уведомили заявительницу о ее правах (на безопасное жилье, медицинские осмотры, психосоциальную поддержку, правовую помощь и материальную поддержку).

87. Заявительница не пожелала осуществить право на безопасное жилье, поскольку она жила со своей матерью и сестрой. Однако в период с 17 января 2013 г. по 24 апреля 2015 г. заявительница несколько раз обращалась в Красный крест. Она получала психосоциальную поддержку посредством индивидуальных консультаций и материальной поддержки. Дважды Красный крест организовывал стоматологическое обследование заявительницы, а также индивидуальные консультации с психологом.

88. В дополнение к этому заявительнице была оказана правовая помощь неправительственной организацией «Центр “Роза”» (см. выше § 50), деятельность которой в области торговли людьми частично поддерживалась государством.

В. ИНЫЕ ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЕЛУ ФАКТЫ

А. ЖАЛОБА НА ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ Т.М.

89. 13 марта 2013 г. неправительственная организация «Центр “Роза”» обратилась в Управление по правам человека с жалобой на то, что Государственная прокуратура не стала добросовестно расследовать дело заявительницы, собирая и представляя доказательства, способные установить все обстоятельства дела. В связи с этим неправительственная организация «Центр “Роза”» подчеркнула, что в показаниях заявительницы и свидетельницы М.И. имелись некоторые несоответствия, которые требовали дополнительных разъяснений. Организация также утверждала, что, как позднее пояснила заявительница, некоторые несоответствия в ее показаниях явились следствием ее желания защитить других лиц, а именно ее соседку по комнате, подругу М.И. и ее мать.

90. Неправительственная организация «Центр “Роза”» также утверждала, что суд первой инстанции, который не был связан правовой квалификацией фактов, данной прокурором, и не перекалфицировал обвинения в основной состав склонения к занятию проституцией в соответствии с пунктом 2 статьи 195 Уголовного кодекса Хорватии и не вынес

Т.М. обвинительного приговора в совершении данного преступления. Неправительственная организация «Центр “Роза”» также отмечала, что по завершении слушания судья, который вел производство по делу, неофициально сообщил адвокату этого центра о том, что 80% его коллег, вероятно, осудили бы Т.М., но он не считал, что Т.М. должен быть осужден по обвинению Государственной прокуратуры. В связи с этим судья также заявил, что Государственная прокуратура должна была изменить обвинительное заключение.

91. Управление по правам человека направило данное письмо в Государственную генеральную прокуратуру и потребовало соответствующих объяснений.

92. В заключении от 14 мая 2013 г. уполномоченные органы прокуратуры пояснили, что считают показания заявительницы заслуживающими доверия и убедительными и что они предоставили достаточные основания для осуждения Т.М. в соответствии с пунктом 3 статьи 195 Уголовного кодекса Хорватии. Однако Муниципальный суд не согласился с такой оценкой и оправдал Т.М. Органы прокуратуры по-прежнему считали, что квалификация преступления в качестве склонения к занятию проституцией с применением принуждения являлась надлежащей, поэтому они обжаловали постановление суда первой инстанции (см. выше § 80). В указанных обстоятельствах органы прокуратуры не считали необходимым изменять обвинительное заключение. В любом случае они решили, что, если, по мнению Муниципального суда, Т.М. должен был быть осужден по основному составу преступления в виде склонения к занятию проституцией согласно пункту 2 статьи 195 Уголовного кодекса Хорватии, суд мог бы сам изменить правовую квалификацию обвинений.

93. На основании заключения от 21 августа 2013 г. Государственная генеральная прокуратура уведомила Управление по правам человека о своих выводах, подтвердив оценку дела компетентными органами прокуратуры.

В. ИСК Т.М. ПРОТИВ МАТЕРИ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

94. В материалах дела Муниципального суда, которые власти Хорватии передали в Европейский Суд, содержится документ, свидетельствующий о том, что 4 сентября 2012 г. Аппарат заместителя премьер-министра Хорватии направил в Министерство социальной политики и по делам молодежи и в Министерство внутренних дел жалобу Т.М. на предполагаемое жестокое обращение матери заявительницы с ее детьми. Аппарат заместителя премьер-министра Хорватии попросил соответствующие министерства изучить данный вопрос и сообщить о своих выводах. Копия запроса аппарата была также направлена Т.М.

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ХОРВАТИИ

I. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ХОРВАТИЯ

А. КОНСТИТУЦИЯ ХОРВАТИИ

95. Соответствующие положения Конституции Республики Хорватия (*Ustav Republike Hrvatske*, с последующими изменениями, опубликована в «Официальном бюллетене» № 56/1990) гласят:

«Статья 23

Никто не должен подвергаться жестокому обращению в какой-либо форме...

Запрещается принудительный или обязательный труд...

Статья 35

Каждый имеет право на уважение и правовую защиту своей личной и семейной жизни, достоинства, репутации и чести...

Статья 134

Действующие международные соглашения, которые были заключены и ратифицированы в соответствии с Конституцией и опубликованы, являются частью внутреннего правового режима Республики Хорватия и имеют преимущественную силу над [внутригосударственным] законодательством...».

В. УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ХОРВАТИИ

96. Уголовный кодекс Хорватии (*Kazneni zakon*, с последующими изменениями, опубликован в «Официальном бюллетене» № 110/1997) в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, в соответствующих частях предусматривал следующее:

«Статья 175. Торговля людьми и рабство

(1) Каждый, кто нарушает нормы международного права путем применения силы или создания угрозы применения силы, путем мошенничества, похищения, злоупотребления властью, положением беспомощности или иным образом вербует, покупает, продает, передает, перевозит, перемещает, подстрекает или действует в качестве посредника при приобретении или передаче [лица] либо укрывает лицо в целях рабства или аналогичных отношений, принудительного труда, сексуальной эксплуатации, проституции или незаконной трансплантации человеческих органов, либо содержит лицо в рабстве или в аналогичных условиях, наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет...

(5) Наличие уголовного преступления в соответствии с пунктом (1)... не зависит от того, дало ли соответствующее лицо согласие на принудительный труд, подневольное состояние, сексуальную

эксплуатацию, рабство или аналогичные отношения или незаконную трансплантацию человеческих органов...

Статья 195. Склонение к занятию проституцией (*Podvođenje*)

...(2) Каждый, кто с целью извлечения прибыли организует или договаривается о том, чтобы другое лицо оказывало сексуальные услуги, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет.

(3) Каждый, кто с целью извлечения прибыли принуждает или склоняет какое-либо лицо к оказанию сексуальных услуг путем применения силы или угрозы применения силы либо путем обмана, наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет...

(7) Для наличия уголовного преступления в соответствии с настоящей статьей не имеет значения, занималось ли лицо, вовлеченное в занятие проституцией, этим прежде».

97. Соответствующие положения Уголовного кодекса Хорватии (опубликованы в «Официальном бюллетене» №№ 125/2011 и 144/2012) в действующей редакции гласят:

«Статья 105. Рабство

(1) Каждый, кто нарушает нормы международного права таким образом, что помещает другое лицо в рабство или в аналогичные условия либо содержит иное лицо в равном положении, либо покупает, продает или перемещает лицо, либо действует в качестве посредника при продаже или передаче лица, либо склоняет другое лицо к продаже своей свободы или свободы лица, о котором оно заботится, наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет...

Статья 106. Торговля людьми

(1) Каждый, кто путем применения силы или создания угрозы применения силы, путем мошенничества, обмана, похищения, злоупотребления властью, [злоупотребления] сложным положением, отношениями зависимости либо дачей или получением платежей или преимуществ, чтобы добиться согласия лица, которое контролирует другое лицо, или иным образом вербует, перевозит, перемещает, укрывает или получает лицо либо обменивает или передает контроль над лицом в целях эксплуатации его или ее труда посредством принудительного труда, подневольного состояния, рабства или аналогичных отношений, либо для его или ее эксплуатации в целях проституции или других форм сексуальной эксплуатации, включая порнографию, либо в целях заключения незаконного или принудительного брака, в целях удаления органов, либо в целях участия такого лица в вооруженных конфликтах или для совершения им незаконных действий, наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет...

(7) Согласие потерпевшего от торговли людьми не имеет значения для наличия соответствующего уголовного преступления...

Статья 157. Проституция

(1) Каждый, кто в целях извлечения прибыли или получения иных выгод заманивает, вербует или

склоняет другое лицо к оказанию сексуальных услуг либо организует или договаривается о том, чтобы другое лицо оказывало сексуальные услуги, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет.

(2) Каждый, кто в целях извлечения прибыли путем применения силы или угрозы, путем мошенничества, обмана, злоупотребления властью, злоупотребления сложным положением или отношениями зависимости принуждает или склоняет другое лицо к оказанию сексуальных услуг либо пользуется сексуальными услугами такого лица за плату и знает либо должен знать об указанных выше обстоятельствах, наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет...

(3) Для наличия уголовного преступления не имеет значения, давало ли лицо, которое было привлечено, завербовано, вовлечено или использовано для проституции, свое согласие на это либо занималось ли оно проституцией ранее».

С. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС ХОРВАТИИ

98. Соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса Хорватии (*Zakon o kaznenom postupku*, с последующими изменениями, опубликован в «Официальном бюллетене» № 152/2008) в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам совершения процессуальных действий в настоящем деле, гласят:

«Статья 2

(1) Возбуждение и проведение уголовного производства осуществляются только по требованию уполномоченного прокурора...

(2) В отношении уголовных преступлений, подлежащих публичному преследованию, уполномоченным прокурором является Государственный прокурор...

(3) Если законом не предусмотрено иное, Государственный прокурор возбуждает уголовное преследование при наличии обоснованных подозрений в том, что соответствующее лицо совершило уголовное преступление, подлежащее публичному преследованию, и в отсутствие каких-либо правовых препятствий для уголовного преследования такого лица...

Статья 16

(1) В рамках уголовного производства потерпевший и пострадавшая сторона имеют права, предусмотренные настоящим Кодексом.

(2) Полиция, следователи, Государственный прокурор и суд должны проявлять особую осторожность в отношении потерпевшего от [соответствующего] уголовного преступления. Указанные органы должны проинструктировать потерпевшего [о его или ее правах] в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи и в соответствии со статьями 43–46 настоящего Кодекса и учитывать интересы потерпевшего при принятии решений относительно уголовного преследования обвиняемого или при совершении действий в рамках уго-

ловного производства, в котором потерпевший должен принимать личное участие.

(3) Потерпевший, получивший серьезный психофизический ущерб или пострадавший от серьезных последствий уголовного преступления, имеет право на бесплатную профессиональную помощь адвоката в соответствии с законом...

Статья 38

(1) Основным полномочием и главной обязанностью Государственного прокурора является уголовное преследование лиц, совершивших уголовные преступления, которые подлежат преследованию со стороны Государства...

Статья 43. Потерпевший

(1) Потерпевший в результате уголовного преступления имеет:

1) право на эффективную психологическую и иную профессиональную помощь, а также на поддержку со стороны органа или организации, которые оказывают поддержку потерпевшим в результате уголовных преступлений в соответствии с законодательством;

2) право участвовать в производстве по уголовному делу в качестве пострадавшей стороны;

3) иные права, предусмотренные законом.

(2) В соответствии со специальным законодательством потерпевший в результате уголовного преступления, за которое предусмотрено наказание в виде пяти или более лет лишения свободы, имеет право:

1) на помощь защитника до участия в слушании по уголовному делу или при предъявлении иска о возмещении ущерба, если потерпевший получил серьезный психофизический ущерб или пострадал от иных серьезных последствий уголовного преступления;

2) на компенсацию материального ущерба и морального вреда из государственного бюджета, как предусмотрено специальным законодательством...

(3) В рамках первого процессуального действия с участием потерпевшего суд [который ведет производство по делу], Государственный прокурор, следователь и полиция информируют потерпевшего о его или ее правах:

1) в соответствии с частями 1 и 2 настоящей статьи...

2) [в рамках производства по уголовному делу] в качестве пострадавшей стороны...

Статья 45

(1) Потерпевший в результате уголовного преступления против его или ее сексуальной свободы и нравственности в дополнение к правам, предусмотренным статьями 43 и 44 настоящего Кодекса, имеет право:

1) на бесплатные консультации с защитником до дачи своих показаний;

2) на допрос сотрудником одного с ним или с ней пола при допросе в полиции;

3) не отвечать на вопрос, касающийся его или ее интимной жизни;

4) ходатайствовать о даче своих показаний с помощью аудиовизуального оборудования, как предусмотрено пунктом 4 статьи 292 настоящего Кодекса;

5) на обеспечение конфиденциальности персональных данных;

6) ходатайствовать об удалении представителей общественности со слушаний.

(2) Прежде, чем потерпевший впервые даст свои показания, суд, [который ведет производство по делу], Государственный прокурор, следователь и полиция должны проинформировать потерпевшего от уголовного преступления в соответствии с параграфом 1 настоящей статьи о его или ее правах, предусмотренных настоящей статьей...

Статья 52

(1) Потерпевший вправе указывать на относящиеся к делу факты и представлять доказательства, необходимые для установления факта совершения уголовного преступления, установления личности преступника и гражданского иска потерпевшего.

(2) На слушании потерпевший вправе представлять доказательства, допрашивать обвиняемых, свидетелей и экспертов, высказывать возражения и давать объяснения относительно их показаний, а также делать иные заявления и подавать ходатайства.

(3) Потерпевший вправе проверять материалы дела и осматривать предметы, используемые в качестве доказательств...

(4) Государственный прокурор и суд должны информировать потерпевшего о правах, предусмотренных [настоящей статьей]...

Статья 419. Основное слушание

(1) Стороны вправе предлагать допрос свидетелей и экспертов, а также сбор и исследование иных доказательств. Судебная коллегия может собирать и исследовать доказательства, которые стороны не представляли или в отношении которых они отозвали свое представление, если она считает, что такие доказательства важны для установления обстоятельств, касающихся исключения противоправности или вины, либо если это связано [с вопросами определения наказания].

(2) ...Председатель судебной коллегии должен информировать стороны и пострадавшую сторону о том, что [суд] не принимает и не исследует доказательства, о наличии которых стороны знали до начала слушания, но в отношении которых они без уважительной причины своевременно не направили запрос об их исследовании...

Статья 441

(1) Если во время слушания прокурор решит, что доказательства, собранные и исследованные в ходе производства по делу, свидетельствуют о том, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, изменились, прокурор может [устно или письменно] изменить обвинительное заключение до окончания про-

изводства по делу в целях сбора и исследования доказательств.

(2) Чтобы подготовить изменения в обвинительное заключение или подготовить защиту [в зависимости от обстоятельств], стороны могут ходатайствовать об отложении судебного разбирательства...

Статья 449

(1) Судебное постановление может относиться только к лицу, которому было предъявлено обвинение, и только к уголовному преступлению, являющемуся предметом обвинений в [первоначально поданном] обвинительном заключении или в обвинительном заключении, которое было изменено или расширено в ходе слушания.

(2) Суд не связан правовой квалификацией преступления, данной прокурором, но обвиняемый не может быть признан виновным в совершении более тяжкого преступления, чем то, за которое ему или ей было предъявлено обвинение».

Д. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

99. Закон «О незначительных правонарушениях против публичного порядка и мира» (*Zakon o prekršajima protiv javnog reda i mira*, с последующими изменениями, опубликован в «Официальном бюллетене» № 5/1990) запрещает действия, способствующие проституции (статья 7), и саму проституцию (статья 12). Оба правонарушения наказываются штрафом или лишением свободы сроком на 30 суток.

Е. ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА

100. Иск о возмещении ущерба, причиненного в результате нарушения прав личности, может быть подан в соответствии с Законом «О гражданских обязательствах» (*Zakon o obveznim odnosima*, с последующими изменениями, опубликован в «Официальном бюллетене» № 35/2005). К правам личности по смыслу указанного закона относятся, среди прочего, права на физическое и психическое здоровье, репутацию, честь, достоинство, неприкосновенность личной и семейной жизни, свободу (статья 19).

101. 1 июля 2013 г. вступил в силу Закон «О возмещении ущерба потерпевшим от уголовных преступлений» (*Zakon o novčanoj naknadi žrtvama kaznenih djela*, с последующими изменениями, опубликован в «Официальном бюллетене» № 80/2008). Данный Закон предусматривает возможность для потерпевших от насильственных преступлений и преступлений против половой неприкосновенности получить от государства возмещение некоторых форм ущерба при определенных обстоятельствах.

Г. ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ДЕЙСТВИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

102. В мае 2002 года власти Хорватии учредили Национальный совет по борьбе с торговлей людьми в качестве междисциплинарного межведомственного органа, в состав которого входят представители соответствующих органов власти и неправительственных организаций, занимающихся проблемой, касающейся торговли людьми. Совет отвечает за подготовку программ, планов и руководящих принципов в данной области. В рамках совета также создана Оперативная группа по борьбе с торговлей людьми, которая обеспечивает эффективное функционирование и выполнение задач совета.

103. С 2002 года власти Хорватии приняли несколько Национальных планов по борьбе с торговлей людьми. Они направлены на установление руководящих принципов и определение политики, в частности, в отношении совершенствования нормативной базы, касающейся торговли людьми, на обеспечение инициативного подхода к выявлению потерпевших от торговли людьми, на достижение эффективного сотрудничества между органами прокуратуры, иными государственными органами и гражданским обществом, на обработку данных о случаях торговли людьми, на повышение уровня осведомленности и работу по предупреждению торговли людьми, а также на обеспечение наличия достаточных финансовых средств для этой деятельности. В соответствии с Национальным планом Управление по правам человека координирует деятельность в области торговли людьми.

104. Кроме того, деятельность и координация работы национальных органов по борьбе с торговлей людьми основаны на трех специальных документах: на Протоколах о выявлении потерпевших от торговли людьми, о предоставлении им помощи и защиты (2008 год), о процедурах при добровольном возвращении потерпевших от торговли людьми (2009 год) и об интеграции/реинтеграции потерпевших от торговли людьми (2011 год).

105. Протокол о выявлении потерпевших от торговли людьми, о предоставлении им помощи и защиты регулирует порядок признания статуса потерпевших от торговли людьми. Идентификация производится специализированными органами Министерства внутренних дел в сотрудничестве с Красным крестом и представителями гражданского общества. Решение об идентификации может быть принято Министерством внутренних дел или Оперативной группой Национального совета по борьбе с торговлей людьми. Управление по правам человека официально утверждает решение об идентификации. Целью процедуры является обеспечение соблюдения различных прав на помощь и защиту потерпевших.

106. Власти Хорватии также активно сотрудничают с гражданским обществом, в частности, с сетью неправительственных организаций, занимающихся проблемами, касающимися торговли людьми и сексуальной эксплуатации женщин и детей, «Петра» (*Petra*), которая финансируется Управлением по правам человека. Центр «Роза» входит в сеть «Петра».

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ДОКУМЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

1. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 года (далее – Конвенция 1949 года)

107. Конвенция 1949 года представляет собой консолидированную версию нескольких договоров, принятых в период с 1904 по 1933 год. Она вступила в силу 25 июля 1951 г. и была ратифицирована Хорватией 12 октября 1992 г. Кроме Хорватии, данная конвенция была ратифицирована 25 другими государствами – членами Совета Европы.

108. Конвенция 1949 года в соответствующих частях гласит:

«Преамбула

Принимая во внимание, что проституция и сопровождающее ее зло, каковым является торговля людьми, преследующая цели проституции, несовместимы с достоинством и ценностью человеческой личности и угрожают благосостоянию человека, семьи и общества...

Статья 1

Участники настоящей Конвенции обязуются подвергать наказанию каждого, кто для удовлетворения похоти другого лица:

- 1) сводит, склоняет или совращает в целях проституции другое лицо, даже с согласия этого лица;
- 2) эксплуатирует проституцию другого лица, даже с согласия этого лица.

Статья 2

Участники настоящей Конвенции обязуются также подвергать наказанию каждого, кто:

- 1) содержит дом терпимости или управляет им, или сознательно финансирует или принимает участие в финансировании дома терпимости;
- 2) сдает в аренду или снимает здание или другое помещение либо его часть, зная, что они будут использованы в целях проституции третьими лицами».

2. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (далее – Палермский протокол)

109. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (далее – КПОП) является частью основной нормативной правовой базы в области торговли людьми в рамках международного права. Она представляет собой базовый документ по отношению к специализированным протоколам в данной области, в частности, к Палермскому протоколу.

110. КПОП была подписана 12–15 декабря 2000 г. и вступила в силу 29 сентября 2003 г. Участниками данной Конвенции являются 189 государств. Палермский протокол был подписан 15 ноября 2000 г. и вступил в силу 25 декабря 2003 г. Участниками данного Палермского протокола являются 173 государства. Хорватия ратифицировала оба документа 24 января 2003 г.

111. Цель КПОП заключается в содействии сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней (статья 1 КПОП). Сфера применения указанной конвенции определяется тремя необходимыми условиями: во-первых, рассматриваемое преступление должно носить транснациональный характер, во-вторых, в его совершении должна принимать участие «организованная преступная группа», и, в-третьих, преступление должно быть «серьезным» (статья 3 КПОП). При этом пункт 2 статьи 34 КПОП предусматривает:

«Преступления, признанные таковыми в соответствии со статьями 5, 6, 8 и 23 настоящей Конвенции, признаются таковыми во внутреннем законодательстве каждого государства-участника независимо от элементов транснационального характера или причастности организованной преступной группы, как это указано в пункте 1 статьи 3 настоящей Конвенции, кроме тех случаев, когда согласно статье 5 настоящей Конвенции требуется наличие элемента причастности организованной преступной группы».

112. Палермский протокол преследует следующие цели: (1) предупреждение торговли людьми и борьбу с ней при уделении особого внимания женщинам и детям, (2) защиту и помощь потерпевшим от такой торговли при полном соблюдении их прав человека и (3) поощрение сотрудничества между государствами-участниками в достижении этих целей (статья 2 Палермского протокола). Положения КПОП применяются, *mutatis mutandis*, к Палермскому протоколу, если в нем не предусмотрено иное (пункт 2 статьи 1 Палермского протокола).

(а) Определение торговли людьми

113. Торговля людьми впервые в международном праве была определена в Палермском про-

токоле следующим образом (пункт «а» статьи 3 Палермского протокола):

«Торговля людьми» означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или прием лиц путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимым положением, либо предоставление или получение оплаты или выгод для обеспечения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает в себя как минимум эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов...».

114. Состав преступления в виде торговли людьми содержит три элемента: (1) деяние (какие действия совершаются: вербовка, перевозка, передача, укрывательство или прием лиц); (2) средства (посредством чего совершаются эти действия): угроза силой или ее применение либо другие формы принуждения, похищение, мошенничество, обман, злоупотребление властью или уязвимым положением, либо предоставление или получение оплаты или выгод для обеспечения согласия лица, контролирующего другое лицо; (3) цель, предполагающая эксплуатацию (зачем совершаются эти действия): она включает в себя как минимум эксплуатацию проституции других лиц или иные формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние либо извлечение органов. Совокупность трех признаков состава преступления необходима для того, чтобы установить факт преступления в виде торговли людьми в отношении взрослых потерпевших (Управление ООН по наркотикам и преступности, «Борьба с торговлей людьми: руководство для парламентариев», март 2009 года, № 16–2009, с. 13–14).

115. В пункте «b» статьи 3 Палермского протокола уточняется, что в случае использования какого-либо из средств воздействия, указанных в пункте «а», согласие лица не принимается во внимание. В тематическом докладе «Роль “согласия” в Протоколе о торговле людьми» (2014 года) Управление по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций (далее – УНП ООН) пришло к выводу, что требование продемонстрировать наличие «средств» подтверждает, что как минимум в рамках данного протокола одних только условий, связанных с эксплуатацией, недостаточно для установления факта торговли взрослыми людьми.

116. В Палермском протоколе намеренно не были даны определения терминов «эксплуатация проституции других лиц» и «сексуальная эксплуатация», чтобы государства, независимо от их внутренней политики в отношении проституции, могли ратифицировать данный протокол. Это под-

черкивается в Пояснительной записке к официальному протоколу (*travaux préparatoires*) переговоров по Палермскому протоколу следующим образом (§ 64, с. 12):

«В Протоколе рассматриваются эксплуатация проституции других лиц и другие формы сексуальной эксплуатации только в контексте торговли людьми, и... термины “эксплуатация проституции других лиц” или “другие формы сексуальной эксплуатации” не определены в Протоколе, что, следовательно, не затрагивает то, как государства-участники рассматривают проституцию в своем соответствующем внутреннем законодательстве».

117. Вместе с тем в Типовом законе о борьбе с торговлей людьми (с. 13–15 и 19) УНП ООН определило «эксплуатацию проституции других лиц» как незаконное получение финансовой или иной материальной выгоды от занятия проституцией другим лицом. УНП ООН также определило «сексуальную эксплуатацию» как получение финансовой или иной выгоды путем вовлечения другого лица в занятие проституцией, сексуальное подневольное состояние или оказание других видов сексуальных услуг, включая порнографические акты или производство порнографических материалов. Также следует отметить, что в отношении «принудительного труда или услуг» УНП ООН пояснило, что «первоначальный найм может быть добровольным, а механизмы принуждения, используемые для того, чтобы удержать лицо в положении эксплуатации, могут быть задействованы позже».

118. Кроме того, в документе под названием «Совместный комментарий ООН по Директиве ЕС – подход на основе прав человека» (2011 года), который был опубликован соответствующими учреждениями ООН (Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ), Агентством ООН по делам беженцев (далее – УВКБ ООН), ЮНИСЕФ, УНП ООН, «ООН-Женщины» и Международная организация труда), отмечается следующее (с. 104):

«Понятия “эксплуатация проституции других лиц” и “сексуальная эксплуатация” не определены в международном праве. В Протоколе определения данных терминов намеренно не были даны, чтобы государства, независимо от их внутренней политики в отношении проституции, могли ратифицировать Протокол. Хотя в Протоколе проводится различие между эксплуатацией в целях принудительного труда или услуг и сексуальной эксплуатацией, это не должно приводить к выводу о том, что принудительная сексуальная эксплуатация не составляет принудительный труд или услуги, особенно в контексте торговли людьми. Принудительная сексуальная эксплуатация и принудительная проституция попадают под определение принудительного труда...».

(b) Сфера применения Палермского протокола

119. Статья 4 Палермского протокола определяет сферу его применения следующим образом:

«Настоящий Протокол, если в нем не указано иное, применяется к предупреждению, расследованию и уголовному преследованию в связи с преступлениями, признанными таковыми в соответствии со статьей 5 настоящего Протокола, если эти преступления носят транснациональный характер и совершены при участии организованной преступной группы, а также к защите потерпевших от таких преступлений».

120. В соответствии с Типовым законом о борьбе с торговлей людьми, разработанным УНП ООН (с. 8), хотя статья 4 Палермского протокола ограничивает его применимость преступлениями, которые носят транснациональный характер и совершены при участии организованной преступной группы, эти требования не являются частью определения преступления, и национальное законодательство должно определять торговлю людьми как уголовное преступление независимо от транснационального характера или участия организованной преступной группы. В связи с этим сделана ссылка на пункт 2 статьи 34 КТПОП (см. выше § 111).

(с) Соответствующие обязательства государства

121. Статья 5 Палермского протокола гласит:

«1. Каждое государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых деяния, указанные в статье 3 настоящего Протокола, когда они совершаются умышленно.

2. Каждое государство-участник также принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния:

(а) при условии соблюдения основных принципов своей правовой системы – покушение на совершение какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи;

(б) участие в качестве сообщника в совершении какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, и

(с) организацию других лиц или руководство ими с целью совершения какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи».

122. Статья 6 Палермского протокола предусматривает различные меры помощи потерпевшим от торговли людьми и их защиты. В частях, имеющих отношение к настоящему делу, она гласит:

«...2. Каждое государство-участник обеспечивает, чтобы его внутренняя правовая или административная система предусматривала меры, которые позволяют в надлежащих случаях предоставлять потерпевшим от торговли людьми:

(а) информацию о соответствующем судебном и административном разбирательстве;

(б) помощь, позволяющую им излагать и добиваться рассмотрения их мнений и опасений на со-

ответствующих этапах уголовного производства в отношении лиц, совершивших преступления, без ущерба правам на защиту.

3. Каждое государство-участник рассматривает возможность реализации мер по обеспечению физической, психологической и социальной реабилитации потерпевших от торговли людьми, в том числе, в надлежащих случаях, в сотрудничестве с неправительственными организациями, другими соответствующими организациями и другими элементами гражданского общества, и, в частности, мер, предусматривающих предоставление:

(а) надлежащего жилья;

(b) консультативной помощи и информации, особенно в отношении их юридических прав, на языке, понятном потерпевшим от торговли людьми;

(c) медицинской, психологической и материальной помощи и

(d) возможностей в области трудоустройства, образования и профессиональной подготовки...

5. Каждое государство-участник стремится обеспечивать физическую безопасность потерпевших от торговли людьми в период нахождения таких лиц на его территории.

6. Каждое государство-участник обеспечивает, чтобы его внутренняя правовая система предусматривала меры, предоставляющие потерпевшим от торговли людьми возможность получения компенсации за причиненный ущерб».

3. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – КЛДЖ)

123. КЛДЖ была принята в 1979 году Генеральной Ассамблеей ООН и ратифицирована Хорватией 9 сентября 1992 г. Статья 6 КЛДЖ гласит:

«Государства-участники принимают все соответствующие меры, включая законодательные, для пресечения всех видов торговли женщинами и эксплуатации проституции женщин».

124. Комитет КЛДЖ в Общей рекомендации № 19 о насилии в отношении женщин (1992 год) отметил следующее:

«13. В статье 6 государствам-участникам предписывается принимать меры для пресечения всех видов торговли женщинами и эксплуатации проституции женщин.

14. Нищета и безработица способствуют расширению возможностей торговли женщинами. Помимо уже имеющихся форм торговли женщинами, существуют новые формы сексуальной эксплуатации... [которые] несовместимы с принципом равноправной реализации женщинами прав человека и уважения их прав и достоинства. Они делают женщин особенно уязвимыми для насилия и злоупотреблений.

15. Нищета и безработица вынуждают многих женщин, в том числе молодых, заниматься проституцией. Проститутки находятся в особенно уязвимом положении с точки зрения насилия,

поскольку их статус, который может являться незаконным, как правило, обуславливает их маргинализацию. Они нуждаются в равной правовой защите от изнасилования и других форм насилия».

125. В Общей рекомендации № 35, которая дополняет и обновляет Общую рекомендацию № 19, Комитет КЛДЖ отметил, *inter alia*:

«10. Комитет считает, что гендерное насилие в отношении женщин является одним из основополагающих социальных, политических и экономических средств, которые закрепляют подчиненное положение женщин по отношению к мужчинам и их стереотипные роли...

12. В Общих рекомендациях №№ 28 и 33 Комитет подтвердил, что дискриминация в отношении женщин неразрывно связана с другими факторами, влияющими на их жизнь. Комитет в своей правоприменительной практике подчеркнул, что к таким факторам относятся... проституция женщин, а также торговля женщинами...

32. Комитет рекомендует государствам-участникам принять следующие меры в части уголовного преследования и наказания за гендерное насилие в отношении женщин:

(а) обеспечить эффективный доступ потерпевших к судам и трибуналам, а также чтобы органы государственной власти надлежащим образом реагировали на все случаи гендерного насилия в отношении женщин, в том числе с помощью применения уголовного законодательства и, при необходимости, уголовного преследования *ex officio* с целью привлечь виновных к судебной ответственности в рамках справедливого, беспристрастного, своевременного и оперативного производства, а также посредством установления надлежащих наказаний...».

126. Комитет КЛДЖ в своем справочном документе по статье 6 КЛДЖ, обобщая *travaux préparatoires* и свою правоприменительную практику (CEDAW/2003/II/WR.2), пришел к следующим выводам:

«Комитет последовательно рассматривал проблему проституции и торговли женщинами и девочками при рассмотрении первых и периодических докладов государств-участников. В целом подход, принятый Комитетом, был ориентирован на необходимость принятия комплексной стратегии борьбы с эксплуатацией проституции и торговлей людьми, которая включала бы в себя принятие или пересмотр законодательства о декриминализации проституток и о применении суровых наказаний к сутенерам, сводникам и лицам, занимающимся торговлей людьми, принятие мер, направленных на улучшение экономического положения женщин и девочек в целях устранения их уязвимости перед проституцией и торговлей людьми, предоставление социальной поддержки и медицинских услуг проституткам, осуществление мер по реабилитации и реинтеграции женщин и девочек, ставших потерпевшими от торговли людьми, а также подготовку сотрудников пограничной полиции и правоохранительных органов, чтобы они могли выявлять потерпевших от торговли людьми и оказывать им поддержку. В рамках своего подхода Комитет уделил особое внимание необходимости

соблюдения прав человека в отношении проституток и потерпевших от торговли людьми».

127. 28 июля 2015 г. Комитет КЛДЖ опубликовал свои заключительные замечания по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Хорватии (CEDAW/C/HRV/CO/4-5). Что касается торговли людьми и эксплуатации проституции, Комитет отметил следующее:

«20. Хотя Комитет с удовлетворением отмечает законодательные и политические меры и программы, направленные на защиту женщин и девочек, ставших потерпевшими от торговли людьми, он обеспокоен:

(а) тем, что лица, виновные в торговле людьми, зачастую обвиняются в сутенерстве, а не в более серьезных преступлениях, связанных с торговлей людьми, что приводит к крайне мягкому уровню осуждения за торговлю людьми;

(b) тем, что потерпевшие от эксплуатации проституции иногда подвергаются уголовному преследованию, а не обеспечиваются соответствующими мерами поддержки, в то время как лица, покупающие секс у потерпевших от принудительной проституции и/или потерпевших от торговли людьми, не подвергаются последовательному преследованию и соразмерному наказанию;

(с) наличием ненадлежащих механизмов для выявления потерпевших от торговли людьми в ситуациях повышенного риска;

(d) наличием ненадлежащих систем для сбора детализированных данных о потерпевших от торговли людьми, в том числе с разбивкой по полу, возрасту, этнической и национальной принадлежности;

(е) отсутствием надлежащих приютов для потерпевших от торговли людьми и подготовки персонала в таких приютах;

(f) отсутствием надлежащих мер для устранения конкретных факторов уязвимости и удовлетворения потребностей потерпевших от торговли людьми, не являющихся гражданами государства».

128. В итоге Комитет КЛДЖ рекомендовал властям Хорватии, *inter alia*:

«(а) гарантировать, чтобы лица, виновные в торговле людьми, получали наказания, совместимые со степенью тяжести преступления...

(с) укреплять меры по выявлению женщин, подверженных риску торговли людьми, и оказывать им поддержку...».

129. В 1993 году Генеральная Ассамблея ООН на основании консенсуса приняла Декларацию об искоренении насилия в отношении женщин (A/RES/48/104) в целях дополнения КЛДЖ. В пункте «b» статьи 2 указанной декларации подчеркивается, что насилие в отношении женщин следует понимать как охватывающее, но не ограничивающееся:

«физическим, сексуальным и психологическим насилием, которое имеет место в обществе в целом, включая изнасилование, сексуальное принуждение, сексуальное домогательство и запугивание на работе, в учебных заведениях и в других местах, торговлю женщинами и принуждение к проституции».

4. Международный пакт о гражданских и политических правах (далее – МПГПП)

130. МПГПП был принят в 1966 году Генеральной Ассамблеей ООН и ратифицирован Хорватией в 1992 году. Статья 8 МПГПП в соответствующих частях гласит:

«1. Никто не должен содержаться в рабстве; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах.

2. Никто не должен содержаться в подневольном состоянии.

3(а). Никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду».

131. В своем Общем комментарии № 28 о равноправии мужчин и женщин (CCPR/C/21/Rev.1/Add.10) Комитет по правам человека (далее – КПЧ) отметил, что государства-участники должны уведомлять его о мерах, принятых в целях искоренения трансграничной торговли женщинами и детьми или торговли внутри страны, а также в целях искоренения принудительной проституции.

132. 30 апреля 2015 г. КПЧ опубликовал свои заключительные замечания по третьему периодическому докладу Хорватии (CCPR/C/HRV/CO/3). Что касается торговли людьми, он отметил следующее:

«Комитет принимает к сведению сообщения о регрессе в отношении мер, принятых для борьбы с торговлей людьми. Комитет также обеспокоен тем, что в государстве-участнике продолжается торговля людьми. Кроме того, Комитет обеспокоен небольшим количеством судебных преследований и снисходительностью приговоров, вынесенных лицам, занимающимся торговлей людьми (статья 8).

Государству-участнику следует активно проводить свою публичную политику по борьбе с торговлей людьми. Ему следует продолжать свои усилия по повышению уровня осведомленности и по борьбе с торговлей людьми, в том числе на региональном уровне и в сотрудничестве с соседними странами. Государству-участнику следует обучать сотрудников полиции, сотрудников служб пограничного контроля, судей, адвокатов и иных соответствующих сотрудников для повышения уровня их осведомленности о данном вопросе и правах потерпевших. Следует гарантировать, чтобы все лица, ответственные за торговлю людьми, подвергались уголовному преследованию и наказанию соразмерно совершенным преступлениям, а потерпевшие от торговли людьми получали компенсацию и могли пройти реабилитацию. Кроме того, государству-участнику следует активизировать свои усилия по выявлению потерпевших от торговли людьми и обеспечить систематический сбор данных о торговле людьми с разбивкой по возрасту, полу и этническому происхождению и с ориентацией на входящие и исходящие потоки торговли людьми, а также потоки внутри территории государства».

5. Рекомендуемые принципы и руководящие положения по вопросу о правах человека и торговле людьми

133. В 2002 году Управление Верховного комиссара ООН по правам человека опубликовало Рекомендуемые принципы и руководящие положения по вопросу о правах человека и торговле людьми (E/2002/68/Add.1), в которых был принят подход к торговле людьми на основе прав.

134. Что касается примата прав человека, в Рекомендуемых принципах подчеркивается, что государства в соответствии с международным правом обязаны действовать с должной добросовестностью в целях предупреждения торговли людьми, проведения расследований и уголовного преследования лиц, занимающихся торговлей людьми, а также оказания помощи и защиты людей, ставших предметом такой торговли (принцип 2).

135. В отношении защиты и помощи принцип 9 требует, чтобы правовая и другая помощь оказывались лицам, ставшим предметом торговли людьми, в течение любого уголовного, гражданского или иного производства против лиц, подозреваемых в торговле людьми.

136. Что касается криминализации и наказания, принцип 13 предусматривает, что государства «должны проводить эффективные расследования, уголовное преследование и наказывать за торговлю людьми, в том числе за составляющие ее деяния и связанное с ней поведение».

6. Специальный докладчик по вопросу торговли людьми, особенно женщинами и детьми

137. В своем ежегодном докладе Совету по правам человека в 2006 году Специальный докладчик Сигма Худа (*Sigma Huda*) обратила особое внимание на спрос на коммерческую сексуальную эксплуатацию и торговлю людьми. В частности, она отметила:

«41. В [Палермском] протоколе не содержится требования к государствам упразднить все виды проституции. Однако в нем содержится требование к государствам действовать добросовестно в целях упразднения любых форм детской проституции и любых форм взрослой проституции, при которых имеют место вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей с помощью угрозы силой или ее применения или других форм принуждения с помощью похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимым положением либо путем предоставления или получения оплаты или выгод для обеспечения согласия лица, контролирующего другое лицо, в целях эксплуатации проституции такого лица.

42. Проституция, как она фактически практикуется в мире, по большей части, как правило, соответствует признакам торговли людьми. Редко можно встретить случаи, когда путь в проституцию

и/или опыт лица в проституции не был бы связан как минимум со злоупотреблением властью и/или уязвимым положением. Власть и уязвимость в данном контексте следует понимать как охватывающие неравенство по признакам пола, расы, этнической принадлежности и бедности. Иными словами, путь в проституцию и жизнь в «таких условиях» редко отмечен наличием возможностей или надлежащих вариантов выбора.

43. Таким образом, государства-участники с легализованной индустрией проституции несут серьезную ответственность за обеспечение того, чтобы условия, в которых фактически практикуется проституция в пределах их границ, были свободны от противозаконных средств воздействия, указанных в пункте «a» определения, содержащегося в Протоколе, с тем, чтобы их режимы легализованной проституции не были просто сведены к увековечению широко распространенной и систематической торговли людьми. Как об этом свидетельствуют современные условия во всем мире, государства-участники, которые сохраняют легализованную проституцию, не соблюдают это обязательство».

138. В своем ежегодном докладе Совету по правам человека в 2012 году Специальный докладчик Джой Нгози Эзейло (*Joy Ngozi Ezeilo*) обратила внимание на интеграцию подхода на основе прав человека в рамках уголовного преследования за торговлю людьми. В частности, она отметила:

«31. Своевременное и эффективное выявление потерпевших имеет решающее значение для криминализации торговли людьми, поскольку оно влияет на способность сотрудников правоохранительных органов эффективно преследовать лиц, занимающихся торговлей людьми, и имеет основополагающее значение с точки зрения возможности предоставления потерпевшим от торговли людьми необходимой поддержки. Вместе с тем Специальный докладчик отмечает, что проблема выявления поднимает ряд сложных практических вопросов, в частности, касающихся того, как, где и кто должен заниматься выявлением потерпевших...

34. Полиция зачастую находится на передовой в процессе выявления потерпевших и, таким образом, играет в этом решающую роль. Хотя сотрудники полиции могут иметь опыт работы в правоохранительных органах в целом, они могут не обладать специальными знаниями в области торговли людьми. В связи с этим Специальный докладчик подчеркивает важность предоставления им возможности пройти надлежащую подготовку в целях точного и деликатного выявления потерпевших от торговли людьми...

57. Упреждающее расследование, направленное на сбор доказательств, чтобы исключить необходимость показаний потерпевших или подкрепить их, является еще одним способом, посредством которого государства могут осуществить свое обязательство надлежащей ответственности за преследование торговлей людьми без чрезмерного обременения потерпевших. Специальный докладчик отмечает, что могут возникнуть трудности со сбором альтернативных или подтверждающих доказательств в случаях торговли людьми вслед-

ствии ограниченных ресурсов и нехватки подготовленных должностных лиц, особенно в государствах, которые в наибольшей степени затронуты проблемой торговли людьми. Ситуация может усугубляться скрытым характером преступления и отсутствием конкретного учета или показателей преступной деятельности. Важно признать, что замена показаний потерпевших альтернативными доказательствами может не обеспечить полного и эффективного уголовного преследования. Тем не менее дополнительная ценность таких доказательств заслуживает внимания не в последнюю очередь, поскольку установление дополнительных или подтверждающих доказательств может ослабить часть давления на потерпевших в ходе уголовного преследования».

В. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА (ДАЛЕЕ – МОТ)

139. МОТ приняла две конвенции о принудительном труде, а именно Конвенцию «Относительно принудительного или обязательного труда» от 1930 года (далее – Конвенция № 29) и Конвенцию «Об упразднении принудительного труда» от 1957 года (далее – Конвенция № 105), которые были ратифицированы Хорватией 8 октября 1991 г. и 5 марта 1997 г. соответственно.

140. В 2014 году МОТ приняла два новых документа в целях создания комплексной стратегии по борьбе со всеми формами принудительного труда, включая торговлю людьми, а именно Протокол к Конвенции № 29 и Рекомендацию № 203 «О дополнительных мерах в целях действенного пресечения принудительного труда».

1. Принудительный или обязательный труд в соответствии с Конвенцией № 29

141. Конвенция № 29 обязывает ратифицировавшие ее государства упразднить применение принудительного или обязательного труда во всех его формах. Пункт 1 статьи 2 Конвенции № 29 гласит:

«В целях настоящей Конвенции термин “принудительный или обязательный труд” означает всякую работу или услугу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой такое лицо не предложило добровольно своих услуг».

142. Данное определение включает три составляющих: (1) работу или услугу – это относится ко всем видам работ, услуг и занятости в любой сфере деятельности, отрасли или секторе промышленности, включая теневой сектор экономики. Принудительный труд может иметь место как в государственном, так и в частном секторах; (2) угрозу наказания – это относится к широкому ряду наказаний, используемых для принуждения какого-либо лица к выполнению работ или оказа-

нию услуг, включая штрафные санкции и различные формы прямого или косвенного принуждения, в частности, физическое насилие, психологические угрозы или невыплата заработной платы. «Наказание» также может заключаться в утрате прав или привилегий; (3) невольный характер – выражение «предложило добровольно» относится к свободному и осознанному согласию работника вступить в трудовые отношения, а также к свободе прекратить трудовые отношения в любой момент. Например, работодатель или вербовщик может вмешаться в осуществление данной свободы, дав ложные обещания, чтобы заставить работника устроиться на работу, на которую он бы в противном случае не согласился («Стандарты МОТ в области принудительного труда: общий обзор нового Протокола и Рекомендации», 2016 год, с. 5).

143. В Специальной программе действий МОТ по борьбе с принудительным трудом указаны 11 признаков принудительного труда. К ним относятся: (1) злоупотребление уязвимым положением, (2) обман, (3) ограничение свободы передвижения, (4) изоляция, (5) физическое и сексуальное насилие, (6) запугивание и угрозы, (7) удержание документов, удостоверяющих личность, (8) удержание заработной платы, (9) долговая зависимость, (10) вредные условия труда и проживания и (11) чрезмерная сверхурочная работа. Предполагается, что наличие одного признака в конкретной ситуации в некоторых случаях может свидетельствовать о факте принудительного труда, однако в других ситуациях несколько признаков, взятых в совокупности, могут указывать на практику применения принудительного труда.

144. При этом МОТ подчеркнула, что понятие «принудительный труд» охватывает более серьезные действия, чем простое несоблюдение трудового законодательства и норм, регулирующих условия труда. Например, невыплата работнику установленной законом минимальной заработной платы сама по себе не составляет принудительный труд (МОТ, «Торговля людьми и эксплуатация принудительного труда: руководство для законодательных и правоохранительных органов», 2005 год, с. 19–21).

145. Комитет экспертов, который осуществляет мониторинг применения Конвенций МОТ, сделал следующее замечание относительно связи между торговлей людьми и действиями, связанными с торговлей людьми, с одной стороны, и принудительным или обязательным трудом, с другой (МОТ, доклад Комитета экспертов по применению конвенций и рекомендаций, доклад III (часть IV), с. 41):

«77. Важнейшим элементом определения торговли людьми является ее цель, а именно эксплуатация, которая прямо определяется как включающая в себя принудительный труд или услуги, рабство или аналогичные обычаи, подневоль-

ное состояние и различные формы сексуальной эксплуатации. Понятие “эксплуатация труда”, заложенное в данном определении, позволяет установить связь между Палермским протоколом и Конвенцией № 29 и уточняет, что торговля людьми в целях эксплуатации попадает под действие определения принудительного или обязательного труда, которое приводится в пункте 1 статьи 2 Конвенции № 29.

78. Хотя в указанном выше определении проводится различие между торговлей людьми в целях принудительного труда или услуг и торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации, это не должно приводить к выводу о том, что принудительная сексуальная эксплуатация не равносильна принудительному труду или услугам, особенно в контексте торговли людьми. В этом смысле включение понятия “эксплуатация проституции других лиц” может создать трудности, поскольку ни Палермский протокол, ни Конвенция № 29 не предусматривают обязательства по криминализации проституции, следовательно, проституция и связанные с ней аспекты, которые выходят за рамки объема понятия “торговля людьми”, должны рассматриваться отдельными странами в соответствии с их внутренним законодательством и политикой. При этом представляется очевидным, что принудительная сексуальная эксплуатация и принудительная проституция входят в объем понятия “принудительный или обязательный труд”, как он определен в пункте 1 статьи 2 Конвенции № 29».

146. В связи с этим следует упомянуть о том, что Европейская комиссия совместно с МОТ разработала «Операционные признаки торговли людьми», которые устанавливают три категории (серьезные, средние и слабые), применимые к каждому элементу определения торговли людьми (деяние, средства и цель).

147. В своем Прямом запросе к властям Хорватии о применении Конвенции № 29, принятом в 2018 году, Комитет экспертов, отметил, *inter alia*:

«Комитет... просит власти Хорватии принять необходимые меры для обеспечения проведения расследований и уголовного преследования лиц, виновных в торговле людьми...

Комитет... просит власти Хорватии активизировать усилия по выявлению потерпевших от торговли людьми в целях сексуальной и трудовой эксплуатации и принять необходимые меры для обеспечения надлежащей защиты и оказания помощи таким лицам. Комитет также просит власти Хорватии предоставить информацию о принятых мерах и достигнутых результатах в этом отношении».

2. Протокол к Конвенции № 29

148. Протокол к Конвенции № 29 предназначен для устранения различных пробелов в имплементации указанной Конвенции путем подтверждения необходимости принятия мер по предотвращению, защите, а также средств правовой защиты для обеспечения эффективного пресечения принудитель-

ного или обязательного труда на длительную перспективу. Хорватия еще не ратифицировала этот протокол.

149. В частности, в Преамбуле к данному Протоколу указывается следующее:

«Контекст и формы принудительного или обязательного труда претерпевают изменения, и торговля людьми в целях принудительного или обязательного труда, которая может подразумевать сексуальную эксплуатацию, является предметом возрастающего беспокойства международного сообщества и требует осуществления незамедлительных действий для ее эффективного пресечения...».

150. Статья 1 Протокола к Конвенции № 29 в соответствующих частях гласит:

«1. Во исполнение своих вытекающих из Конвенции обязательств положить конец принудительному или обязательному труду каждый член Организации должен принимать действенные меры по предотвращению и прекращению его использования, предоставлению потерпевшим защиты и доступа к надлежащим и эффективным средствам правовой защиты, таким как возмещение ущерба и санкции в отношении правонарушителей, прибегающих к принудительному или обязательному труду...

3. Вновь подтверждается определение принудительного или обязательного труда, содержащееся в Конвенции, и, таким образом, меры, предусмотренные в настоящем Протоколе, включают в себя конкретные действия по борьбе с торговлей людьми в целях принудительного или обязательного труда».

151. Статья 3 Протокола к Конвенции № 29 гласит:

«Каждый член Организации должен принимать действенные меры по выявлению, освобождению, защите, восстановлению и реабилитации всех потерпевших от принудительного или обязательного труда, а также предусматривает другие формы помощи и поддержки».

С. СОВЕТ ЕВРОПЫ

1. Конвенция о противодействии торговле людьми

152. Конвенция о противодействии торговле людьми вступила в силу 1 февраля 2008 г. Она была ратифицирована Хорватией 5 сентября 2007 г.

153. Конвенция о противодействии торговле людьми представляет собой комплексный договор, целями которого являются предупреждение торговли людьми и борьба с ней при обеспечении равенства между женщинами и мужчинами, защита основных прав человека потерпевших от торговли людьми и разработка комплексной основы для защиты потерпевших и свидетелей и оказания им содействия при обеспечении равенства между женщинами и мужчинами, обеспечение эффективного расследования и уголовного преследования винов-

ных, а также содействие международному сотрудничеству в области борьбы с торговлей людьми (статья 1).

154. В статье 39 Конвенции о противодействии торговле людьми подчеркивается, что указанная конвенция не затрагивает прав и обязанностей, вытекающих из положений Палермского протокола, и направлена на усиление предусмотренной им защиты и развитие содержащихся в нем стандартов.

(а) Определение торговли людьми

155. Определение торговли людьми в соответствии с пунктом «а» статьи 4 Конвенции о противодействии торговле людьми совпадает с определением, содержащимся в пункте «а» статьи 3 Палермского протокола, и состоит из тех же самых трех элементов (см. выше § 113).

156. В Пояснительном докладе к Конвенции о противодействии торговле людьми отмечается, что торговлю людьми составляет не каждый из указанных элементов в отдельности, а их совокупность. Таким образом, как предусматривает и Палермский протокол, для того, чтобы торговля взрослыми людьми имела место, необходимо наличие составляющих каждой из трех категорий в совокупности.

157. Что касается терминологии, в Пояснительном докладе уточняется, что понятие «вербовка» включает в себя вербовку с использованием новых информационных технологий, таких как Интернет (см. также документ Совета Европы «Торговля людьми: интернет-вербовка, злоупотребление Интернетом в целях вербовки потерпевших от торговли людьми», EG-TNB-INT(2007)1), а «перевозка» необязательно должна предполагать пересечение границы, чтобы считаться составным элементом торговли людьми.

158. В Пояснительном докладе также подчеркивается, что лица, занимающиеся торговлей людьми, зачастую прибегают к мошенничеству и обману, например, заставляя потерпевших верить в то, что их ожидает заманчивая работа, а не предполагаемая эксплуатация. Выражение «злоупотребление уязвимым положением» означает «злоупотребление любой ситуацией, в которой потерпевший не имеет реальных или приемлемых альтернатив, кроме как подчиниться совершаемому в отношении него злоупотреблению». В этой связи также отмечается:

«Уязвимость может быть любого вида: физическая, психологическая, эмоциональная, семейная, социальная или экономическая. Ситуация может, например, характеризоваться незащищенностью или незаконностью административного статуса потерпевшего, экономической зависимостью или плохим состоянием здоровья. Одним словом, ситуация может представлять собой любое сложное положение, при котором человек вынужден согласиться на эксплуатацию».

159. Понятия «эксплуатация проституции других лиц» и «другие формы сексуальной эксплуатации» не определены в Конвенции о противодействии торговле людьми. Как указано в Пояснительном докладе, это сделано для того, чтобы не затрагивать регулирование государствами проституции посредством их внутреннего законодательства.

160. Пункт «b» статьи 4 Конвенции о противодействии торговле людьми гласит:

«Согласие потерпевшего от “торговли людьми” на запланированную эксплуатацию, о которой говорится в пункте а” настоящей статьи, не принимается во внимание, если было использовано любое из средств воздействия, указанных в пункте “а”».

161. Согласно Пояснительному докладу подход, принятый в пункте «b» статьи 4 Конвенции о противодействии торговле людьми, соответствует позиции по вопросу согласия, выработанной в прецедентной практике Европейского Суда.

162. Сфера применения Конвенции о противодействии торговле людьми явно включает в себя «все формы торговли людьми, будь то на национальном или транснациональном уровне, как связанные, так и не связанные с организованной преступностью» (статья 2 Конвенции о противодействии торговле людьми).

(b) Выявление потерпевших и оказание им помощи

163. Глава III Конвенции о противодействии торговле людьми касается мер по защите и соблюдению прав потерпевших. В частности, пункт 1 статьи 10 указанной конвенции, посвященный вопросу выявления потерпевших, предусматривает следующее:

«Каждая Сторона обеспечивает, чтобы в состав их компетентных органов входили сотрудники, прошедшие необходимую подготовку и специализирующиеся на предотвращении торговли людьми и борьбе с ней, на выявлении потерпевших, в частности детей, и оказании им помощи, а также чтобы различные органы взаимодействовали друг с другом и с соответствующими организациями, которые оказывают поддержку, чтобы иметь возможность для выявления потерпевших при надлежащем учете особого положения женщин и детей и для выдачи им, в соответствующих случаях, видов на жительство на условиях, предусмотренных статьей 14 настоящей Конвенции».

164. В Пояснительном докладе к Конвенции о противодействии торговле людьми уточняется, что компетентные органы, участвующие в процессе выявления потерпевших, необязательно должны специализироваться в вопросах торговли людьми, но они должны пройти необходимую подготовку и обладать надлежащей квалификацией, чтобы иметь возможность выявить потерпевших.

165. Кроме того, статьи 11–16 Конвенции о противодействии торговле людьми предусматривают

дополнительные меры помощи и защиты потерпевших: защиту их личной жизни; психологическую, социальную и правовую помощь потерпевшим; предоставление потерпевшим периода для реабилитации и рефлексии, чтобы они могли пройти реабилитацию, избегая влияния лиц, занимающихся торговлей людьми, и/или принять осознанное решение о сотрудничестве с компетентными органами; выдачу видов на жительство в некоторых случаях; предоставление возможности получения компенсации и правовой защиты, а также меры по содействию репатриации и возвращению потерпевших.

(с) Положения, связанные с материальным уголовным правом, проведением расследований, судебным преследованием и процессуальным правом

166. Главы IV и V Конвенции о противодействии торговле людьми содержат ряд обязательств государств, имеющих целью обеспечить проведение эффективного расследования и уголовного преследования лиц, занимающихся торговлей людьми, в том числе применение соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие наказаний.

167. Статья 18 указанной конвенции идентична статье 5 Палермского протокола и устанавливает, что государства обязаны принять такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых деяния, перечисленные в статье 4 указанной конвенции, если они совершены умышленно. Статья 23 Конвенции о противодействии торговле людьми предусматривает необходимость применения эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие наказаний и мер.

168. Пункт 1 статьи 27 указанной конвенции, связанный с уголовным преследованием, гласит:

«Каждая Сторона обеспечивает, чтобы решение вопроса о расследовании или уголовном преследовании в отношении преступлений, признанных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией, не зависело от заявления или обвинения со стороны потерпевшего как минимум в тех случаях, когда преступление было полностью или частично совершено на ее территории».

169. Иные соответствующие процессуальные аспекты урегулированы статьями 28 и 30 Конвенции о противодействии торговле людьми и касаются защиты потерпевших, свидетелей и лиц, сотрудничающих с органами правосудия, а также защиты потерпевших в ходе судебного разбирательства.

(d) Контроль

170. Глава VII Конвенции о противодействии торговле людьми предусматривает создание механизма, который будет осуществлять контроль за

выполнением указанной конвенции государствами-участниками. Он включает две составляющие: (1) Группу экспертов по борьбе с торговлей людьми (далее – ГРЕТА) – группу независимых экспертов и (2) Комитет сторон – политический орган, в состав которого входят представители всех государств – участников Конвенции.

171. После первого этапа оценки Конвенции о противодействии торговле людьми ГРЕТА посвятила обзору результатов часть своего Четвертого общего доклада (от 2015 года). Она отметила, *inter alia*, в отношении расследования, уголовного преследования и наказаний по делам о торговле людьми:

«Одна из целей Конвенции заключается в обеспечении проведения эффективного расследования и уголовного преследования за преступления, связанные с торговлей людьми. Проведенная ГРЕТА в 35 государствах – участниках Конвенции оценка свидетельствует о наличии существенного разрыва между количеством выявленных потерпевших от торговли людьми и количеством вынесенных обвинительных приговоров. В докладах ГРЕТА содержатся указания на различные причины такого несоответствия: чрезмерное использование показаний потерпевших, проблемы, связанные с надежностью свидетелей, которые со временем могут изменить свои показания; или сложности, связанные с достаточностью доказательств...

Следователи, прокуроры и судьи, которые не специализируются на рассмотрении дел, связанных с торговлей людьми, и не подготовлены для этого, могут иметь предвзятое отношение к потерпевшим от торговли людьми и быть равнодушными к проблемам, с которыми они сталкиваются...

ГРЕТА призвала 17 стран устранить пробелы в расследовании и представлении дел о торговле людьми в судах в целях повышения количества вынесенных обвинительных приговоров и обеспечения того, что наказания соразмерны степени тяжести преступления. В данном контексте ГРЕТА подчеркивает необходимость улучшить подготовку и специализацию судей, прокуроров, следователей полиции и адвокатов в отношении торговли людьми и прав потерпевших от торговли людьми, обращая особое внимание на серьезное воздействие эксплуатации на потерпевших и важность обеспечения того, чтобы потерпевшие были подготовлены психологически перед дачей показаний».

172. Хорватия стала объектом двух оценок со стороны ГРЕТА. В своем втором докладе о результатах оценки, опубликованном 4 февраля 2016 г., ГРЕТА сочла, что с момента принятия первого доклада по Хорватии в 2011 году в определенных сферах был достигнут прогресс, однако некоторые вопросы по-прежнему вызывали беспокойство. В связи с этим ГРЕТА призвала власти Хорватии, *inter alia*:

«Принять дополнительные меры для обеспечения того, чтобы все потерпевшие от торговли людьми были установлены в качестве таковых и мог-

ли воспользоваться мерами помощи и защиты, содержащимися в Конвенции, в частности, посредством принятия:

- мер для того, чтобы сотрудники правоохранительных органов, социальные работники, НПО и другие соответствующие субъекты в рамках инициативного подхода расширили свою информационно-просветительскую работу для выявления потерпевших от торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации;
- дополнительных законодательных и практических мер, гарантирующих, что:
 - по делам о торговле людьми проводятся упреждающие расследования, результативные судебные преследования, что приводит к применению эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие наказаний;
 - к преступлению в виде торговли людьми не может применяться процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве».

2. Соответствующие материалы Комитета министров Совета Европы и Парламентской Ассамблеи Совета Европы

173. В Рекомендации № 1325(1997) «О торговле женщинами и принудительной проституции в государствах – членах Совета Европы» Парламентская Ассамблея Совета Европы (далее – ПАСЕ) определила торговлю женщинами и принудительную проституцию следующим образом:

«2. ...любая законная или незаконная перевозка женщин и/или торговля ими с их первоначального согласия или без такового для извлечения экономической выгоды, с целью последующей принудительной проституции, принудительных браков или других форм принудительной сексуальной эксплуатации. Применение силы может быть физическим, сексуальным и/или психологическим и включать в себя запугивание, изнасилование, злоупотребление властью или зависимым положением».

174. Считая торговлю женщинами и принудительную проституцию формой бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и грубым нарушением прав человека, ПАСЕ рекомендовала Комитету министров Совета Европы разработать конвенцию о торговле женщинами и принудительной проституции.

175. Комитет министров Совета Европы в своей Рекомендации № R(2000)11 «О борьбе с торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации» отметил, что торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации, затрагивающая в большинстве случаев женщин и молодых людей, может обернуться для потерпевших рабством, и рекомендовал государствам – членам Совета Европы, *inter alia*, пересмотреть их законодательство и практику в свете мер, изложенных в приложении к указанной Рекомендации.

176. В Рекомендации № Rec(2002)5 «О защите женщин от насилия» Комитет министров Совета

Европы напомнил государствам – членам Совета Европы, *inter alia*, об их обязательстве проявлять надлежащую осмотрительность в целях предотвращения, расследования актов насилия и наказания за них независимо от того, совершаются ли они государственными органами или частными лицами, а также обеспечивать защиту потерпевших. В приложении к Рекомендации подчеркивается, что выражение «насилие в отношении женщин» охватывает, среди прочего, случаи торговли женщинами в целях сексуальной эксплуатации.

177. ПАСЕ в своей Рекомендации № 1545(2002) «О кампании по борьбе с торговлей женщинами» отметила, что «в европейском обществе торговля людьми является очень сложным вопросом, который тесно связан с проституцией и скрытыми формами эксплуатации, такими как домашнее рабство, браки по каталогу и секс-туризм». В связи с этим она призвала все европейские страны выработать общую политику и действия, охватывающие все аспекты данной проблемы, в частности, введение эффективного наказания лиц, занимающихся торговлей людьми.

178. В своей Рекомендации № 1815(2007) под названием «Проституция – какую позицию занять?» ПАСЕ подчеркнула, что должны быть приняты все необходимые меры по борьбе с принудительной проституцией и торговлей людьми. Она также отметила:

«Что касается добровольной проституции взрослых людей, Ассамблея призывает Комитет министров рекомендовать государствам – членам Совета Европы сформулировать четкую политику в отношении проституции. В частности, им следует избегать двойных стандартов и политик, которые предусматривают уголовную ответственность и наказание проститутток».

179. 11 июня 2008 г., отвечая на Рекомендацию № 1815(2007) ПАСЕ, Комитет министров Совета Европы отметил:

«Подходы, принятые в 47 государствах – членах Совета Европы в данной области, существенно отличаются. В связи с этим на данном этапе достаточно сложно выработать общую политику в отношении проституции...».

180. Наконец, в Резолюции № 1983(2014) «О проституции, торговле людьми и современном рабстве» ПАСЕ выразила, *inter alia*, следующее мнение:

«3. Хотя речь идет о разных явлениях, торговля людьми и проституция тесно связаны между собой. По имеющимся оценкам, 84% потерпевших от торговли людьми в Европе принуждаются к занятию проституцией. Аналогичным образом, потерпевшие от торговли людьми представляют собой значительную часть работников секс-индустрии... принимая во внимание значительное пересечение указанных явлений, Ассамблея полагает, что законодательство и политика в отношении проституции представляют собой необходимые инструменты в борьбе с торговлей людьми...».

5. Законодательство и политика в отношении проституции отличаются в разных странах Европы, начиная от легализации до криминализации видов деятельности, связанных с проституцией...

6. Принудительную проституцию и сексуальную эксплуатацию следует считать нарушением человеческого достоинства, а поскольку основную часть потерпевших составляют женщины – еще и препятствием к достижению гендерного равенства...

8. Ассамблея признает, что различные правовые подходы и культурные особенности могут затруднить разработку единой модели нормативного регулирования проституции, которая подошла бы всем государствам – членам Совета Европы. Однако она полагает, что права человека должны оставаться основным критерием при разработке и внедрении мер политики в отношении проституции и торговли людьми.

9. Независимо от избранной модели законодателя и сотрудники правоохранительных органов должны сознавать свою ответственность за обеспечение того, чтобы работники секс-индустрии в странах, где проституция легализована или фактически допускается, могли заниматься своей деятельностью в достойных условиях, без принуждения и эксплуатации, и чтобы можно было надлежащим образом выявлять и удовлетворять потребности в защите тех, кто стал потерпевшим от торговли людьми.

11. Кроме того, в любом случае властям не следует считать, что нормативное регулирование проституции может заменить собой целенаправленные, эффективно реализуемые комплексные меры по борьбе с торговлей людьми, опирающиеся на прочный правовой и политический фундамент...

12. С учетом указанных соображений Ассамблея призывает государства – члены... Совета Европы...

12.1.3) предусмотреть уголовную ответственность за сутенерство, если это еще не было сделано...».

Д. ИНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

1. Международное гуманитарное право

181. Статья 27 Женевской конвенции IV «О защите гражданского населения во время войны» от 12 августа 1949 г., *inter alia*, гласит:

«Женщин следует специально защищать от каких-либо покушений на их честь, в частности, от изнасилования, принуждения к проституции или иной формы покушений на их нравственность».

182. В комментарии к Женевской конвенции IV «принуждение к проституции» определено как «принуждение женщин к безнравственному поведению путем насилия или угроз».

183. Аналогичным образом подпункт «b» пункта 2 статьи 75 Дополнительного протокола (I) к Женевской конвенции IV, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, и подпункт «e» пункта 2 статьи 4 Дополнительного протокола (II) к Женевской конвенции IV, касаю-

щегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (от 8 июня 1977 г.), запрещают принуждение к проституции в любой момент и в любом месте.

184. Подпункт «g» пункта 1 статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. относит «принуждение к проституции» к преступлениям против человечности. В части «Элементы преступлений» Римского статута данное понятие определяется следующим образом:

«1. Исполнитель принудил одно или нескольких лиц к участию в совершении одного или нескольких актов сексуального характера путем применения силы или угрозы силой либо путем принуждения, вызванного страхом перед насилием, физическим принуждением, лишением свободы, психологическим давлением или злоупотреблением властью, в отношении такого лица или лиц либо другого лица, либо путем использования обстановки, характеризующейся принуждением, или неспособности такого лица или лиц дать подлинное согласие.

2. Исполнитель или другое лицо получили или ожидали получить какую-либо финансовую или иную выгоду в обмен на совершение таких актов сексуального характера или в связи с ними.

3. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

4. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения».

2. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ)

185. 3 декабря 2003 г. Совет министров ОБСЕ принял Решение № 2/03 «О борьбе с торговлей людьми», в котором утвердил План действий ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми и принял решение с созданием механизма ОБСЕ по оказанию помощи государствам-участникам в борьбе с торговлей людьми. В результате была учреждена должность Специального представителя и координатора ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми.

186. План действий, который использует определение торговли людьми, данное в Палермском протоколе, предназначен для обеспечения государств-участников комплексным инструментарием с целью оказать им содействие в исполнении их обязательств по борьбе с торговлей людьми. В этом отношении план предусматривает, например, совершение на национальном уровне следующих действий:

«2.7. Побуждать следователей и прокуроров к тому, чтобы в ходе расследования и уголовного преследования они не полагались только и исключительно на свидетельские показания. Необходимо изучать альтернативные стратегии

расследования, исключаяющие необходимость обязательной дачи потерпевшими показаний в суде».

187. В 2013 году Решением Совета министров ОБСЕ № 7/13 было принято дополнение к Плану действий. Целью дополнения было реагирование на текущие и возникающие тенденции и модели в сфере торговли людьми, а также на наиболее актуальные проблемы, связанные с судебным преследованием за совершение преступления, с его предупреждением и защитой лиц, ставших предметом торговли людьми. В связи с этим Совет министров ОБСЕ отметил, в частности, что рекомендованные действия на национальном уровне должны предусматривать:

«1.2. Усиление мер уголовно-правового характера по борьбе с торговлей людьми, включая уголовное преследование лиц, занимающихся торговлей людьми, и их сообщников, при одновременном обеспечении того, чтобы при обращении с потерпевшими соблюдались их права человека и основные свободы и чтобы им был предоставлен доступ к правосудию, правовой помощи и эффективным средствам правовой защиты, а также к другим услугам, в зависимости от обстоятельств...»

1.1) ...Соответствующие органы государственной власти выявляют лиц, ставших предметом торговли людьми, которые пострадали от нарушений их прав человека, если имеются разумные основания полагать, что они стали потерпевшими от торговли людьми, и в соответствии с национальным законодательством гарантируют, что потерпевшим от торговли людьми предоставляется помощь еще до начала расследования...».

Е. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Межамериканская система

188. Статья 6 Американской конвенции о правах человека (далее – АКПЧ) гарантирует «свободу от рабства» и в соответствующих частях гласит:

«1. Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии, которые запрещены во всех их формах, равно как и работорговля, и торговля женщинами.

2. Никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду...».

189. Еще одним ключевым документом является Межамериканская конвенция «О предотвращении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него» (далее – Конвенция Белен-ду-Пара). Статья 2 указанной конвенции предусматривает следующее:

«Насилие в отношении женщин следует понимать как включающее в себя физическое, сексуальное и психологическое насилие...

б) которое имеет место в обществе и совершается любым лицом, включая, среди прочего, изнасило-

вание, сексуальное принуждение, пытки, торговлю людьми, принуждение к проституции, похищение и сексуальные домогательства на рабочем месте, а также в учебных заведениях, медицинских учреждениях и в иных местах...».

190. 20 октября 2016 г. Межамериканский суд по правам человека (далее – Межамериканский суд) вынес Постановление по статье 6 АКПЧ по делу «Рабочие фермерского хозяйства “Бразил верде” против Бразилии» (*Trabajadores de la hacienda Brasil verde v. Brasil*), которое касалось группы рабочих, предположительно ставших предметом торговли людьми и подвергнутых принудительному труду, долговой зависимости и рабству на частной животноводческой ферме. Межамериканский суд расширил содержание и объем понятий «рабство», «подневольное состояние», «работорговля» и «торговля женщинами», а также «принудительный труд». Он напомнил, в частности, о том, что в АКПЧ используется выражение «работорговля и торговля женщинами». При этом Межамериканский суд подчеркнул, что, учитывая эволюцию международного права, наиболее благоприятное толкование, а также принцип *pro persona*, данное выражение следует понимать как «торговлю людьми», что также позволит привести его текущее определение в соответствие с Палермским протоколом.

191. 26 сентября 2018 г. в Постановлении по делу «Лопес Сото и другие против Венесуэлы» (*López Soto y otros v. Venezuela*) Межамериканский суд установил, *inter alia*, нарушение статьи 6 АКПЧ в отношении лишения женщины свободы частным лицом, которое подвергало ее различным актам физического и психологического насилия, в первую очередь сексуального характера. По мнению Межамериканского суда, данные действия были равносильны сексуальному рабству.

2. Африканская система

192. Статья 5 Африканской хартии о правах человека и народов гласит:

«Каждый человек имеет право на уважение его достоинства, присущего человеческой личности, и на признание его правового статуса. Запрещаются все формы эксплуатации и унижения человека, в особенности рабство, работорговля, пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение и наказание».

193. В Общем комментарии № 4 по Африканской хартии о правах человека и народов «Право на возмещение для потерпевших от пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания» Африканская комиссия по правам человека и народов отметила, *inter alia*, следующее:

«57. Акты сексуального и гендерного насилия или неспособность государств предотвращать такие акты и реагировать на них могут быть равносиль-

ны пыткам и другим видам жестокого обращения в нарушение статьи 5 Африканской хартии...

58. К ним относятся физические и психологические действия, совершенные в отношении потерпевших без их согласия или в условиях принуждения, такие как... торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации, принуждение к проституции, сексуальное рабство, сексуальная эксплуатация... Данные действия могут совершаться открыто или в частном порядке и предусматривать применение силы или принуждения, вызванного страхом насилия, подавления, лишения свободы, психологического угнетения или злоупотребления властью».

194. Статья 4 Протокола к Африканской хартии о правах человека и народов «О правах женщин в Африке» требует, чтобы государства предотвращали и осуждали торговлю женщинами, преследовали лиц, занимающихся такой торговлей, и предоставляли защиту женщинам, в наибольшей степени подверженных риску.

III. ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А. ПЕРВИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

195. Пункт 1 статьи 83 Договора о функционировании Европейского союза, *inter alia*, гласит:

«1. Европейский парламент и Совет ЕС посредством директив, принятых в соответствии с обычной законодательной процедурой, могут устанавливать минимальные правила относительно определения уголовных преступлений и наказаний в области особо тяжких преступлений трансграничной направленности, вытекающие из характера или последствий таких преступлений либо из особой необходимости борьбы с ними на общей основе.

К указанным преступлениям относятся... торговля людьми и сексуальная эксплуатация женщин и детей...».

196. Кроме того, пункт 1 статьи 79 Договора о функционировании Европейского союза предусматривает разработку Европейским союзом общей иммиграционной политики, направленной на предотвращение нелегальной иммиграции и торговли людьми и усиленную борьбу с ними.

197. Статья 5 Хартии Европейского союза об основных правах формулирована следующим образом:

- «1. Никто не может содержаться в рабстве или в подневольном состоянии.
2. Никто не может привлекаться к принудительному или обязательному труду.
3. Торговля людьми запрещена».

198. Согласно разъяснению к Хартии Европейского союза об основных правах, предусмотренное пунктами 1 и 2 статьи 5 Хартии, соответствует пунктам 1 и 2 статьи 4 Конвенции и, следовательно, имеет такое же значение и объем, что и право Конвенции. Что касается пункта 3 статьи 5

Хартии Европейского союза об основных правах, в разъяснениях указано следующее:

«Пункт 3 непосредственно следует из принципа защиты человеческого достоинства и учитывает последние тенденции в деятельности организованной преступности, такие как организация прибыльной незаконной иммиграции и сетей по сексуальной эксплуатации. В Приложении к Конвенции о Европоле торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации определена следующим образом: "Под "торговлей людьми" понимается подчинение человека действительному и незаконному влиянию других лиц с помощью применения насилия или угроз, злоупотребления властью или путем интриг в целях эксплуатации проституции, форм сексуальной эксплуатации и физического насилия в отношении несовершеннолетних или торговли детьми, оставшимися без попечения родителей"... 19 июля 2002 г. Совет ЕС принял рамочное решение по борьбе с торговлей людьми (ОЖ № L 203, 1.8.2002, стр. 1). Статья 1 указанного решения подробно определяет преступления, касающиеся торговли людьми в целях трудовой или сексуальной эксплуатации, за которые государства – члены ЕС должны предусмотреть наказание в силу данного рамочного решения».

В. ВТОРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. Директива Европейского парламента и Совета ЕС от 5 апреля 2011 г. № 2011/36/ЕС о предупреждении и противодействии торговле людьми и о защите потерпевших (далее – Директива о борьбе с торговлей людьми)

199. Директива о борьбе с торговлей людьми направлена на предупреждение торговли людьми, эффективное преследование правонарушителей и на защиту потерпевших. В связи с этим в преамбуле к указанной директиве подчеркивается следующее:

«(1) Торговля людьми представляет собой тяжкое преступление, часто совершаемое организованными преступными группами, которое грубо нарушает основные права и прямо запрещена Хартией Европейского союза об основных правах. Предотвращение и противодействие торговле людьми является приоритетом для Европейского союза и государств – членов ЕС...

(18) Потерпевшие от торговли людьми должны иметь возможность эффективно осуществлять свои права. В связи с этим им необходимо предоставить помощь и поддержку до, в ходе производства по уголовному делу и в течение соответствующего периода времени после него. Государства – члены ЕС должны предоставить ресурсы, необходимые для обеспечения помощи, поддержки и защиты потерпевших».

200. Что касается определения торговли людьми, статья 2 указанной директивы в соответствующих частях гласит:

«1. Государства – члены ЕС принимают необходимые меры, гарантирующие наказуемость следующих преднамеренных деяний:

– осуществляемых в целях эксплуатации, вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения людей, в том числе обмен или передача контроля над такими людьми, путем угрозы или применения силы или иных форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимым положением, либо с помощью предоставления или получения оплаты или выгод для обеспечения согласия лица, контролирующего другое лицо...

2. Под уязвимым положением понимается ситуация, в которой потерпевший не имеет реальных или приемлемых альтернатив, кроме как подчиниться совершаемому в отношении него злоупотреблению.

3. Эксплуатация включает в себя как минимум эксплуатацию проституции других лиц или иные формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, в том числе попрошайничество, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние, эксплуатацию в целях совершения преступной деятельности или извлечение органов.

4. Согласие потерпевшего от торговли людьми на запланированную или фактическую эксплуатацию не принимается во внимание, если было использовано любое из средств воздействия, указанных в пункте 1».

201. Статья 4 Директивы о борьбе с торговлей людьми в соответствующих частях предусматривает, что за совершение преступлений, перечисленных в статье 2 указанной директивы, должна быть предусмотрена максимальная мера наказания, которая должна составлять не менее пяти или в некоторых случаях десяти лет лишения свободы.

202. Что касается расследования и уголовного преследования за преступления в виде торговли людьми, статья 9 Директивы о борьбе с торговлей людьми гласит:

«1. Государства – члены ЕС должны гарантировать независимость расследования или уголовного преследования за преступления, перечисленные в статьях 2 и 3 настоящей Директивы, от заявления или обвинения, исходящего от потерпевшего, а также продолжение уголовного производства даже в тех случаях, когда потерпевший отзывает свое заявление».

203. Кроме того, статьи 11 и 12 Директивы о борьбе с торговлей людьми предусматривают различные меры помощи и поддержки потерпевшим от торговли людьми, а также их защиты при проведении уголовного расследования и производства по делу.

204. Статья 18 Директивы о борьбе с торговлей людьми требует, чтобы государства – члены ЕС поддерживали регулярное обучение должностных лиц, которые, по всей вероятности, смогут иметь контакт с потерпевшими или потенциальными потерпевшими от торговли людьми, чтобы они могли выявлять такие группы и работать с ними.

205. В соответствии с требованиями Директивы о борьбе с торговлей людьми (статья 20, пункты 1–2 статьи 23) после принятия указанной директивы Европейская комиссия направила Европейскому парламенту и Совету ЕС ряд докладов.

206. В первом докладе о результатах, достигнутых в области борьбы с торговлей людьми, от 19 мая 2016 г. Европейская комиссия, *inter alia*, отметила следующее:

«Увеличение количества расследований и судебных преследований является одним из ключевых приоритетов правовых и политических механизмов ЕС по борьбе с торговлей людьми. Однако это составляет и одну из ключевых проблем, о которых сообщали государства – члены ЕС. Фактически торговля людьми является преступлением, которое зачастую сложно и затратно выявлять и расследовать. Расследования в данной области требуют значительной доказательственной базы для вынесения обвинительного приговора. В частности, практикующие специалисты отмечают, что на потерпевших возложено чрезмерное бремя по сбору доказательств и их показаниям придается чрезмерное значение как до, так и в ходе производства по уголовному делу. При этом в соответствии с Директивой о борьбе с торговлей людьми следственные инструменты и подходы должны гарантировать, что на потерпевших, независимо от того, выступают ли они в качестве свидетелей или нет, не возлагается чрезмерное бремя в ходе процедур, которые могут причинить им вторичную травму...

На основе предыдущих данных Евростата и последних сведений, переданных государствами – членами ЕС для подготовки настоящего доклада, количество судебных преследований и вынесенных обвинительных приговоров остается крайне низким, особенно по сравнению с количеством выявленных потерпевших. Эта тенденция также была подтверждена в докладах ГРЕТА, где делается вывод о наличии существенного разрыва между количеством выявленных потерпевших от торговли людьми и количеством вынесенных обвинительных приговоров и приводится ряд факторов, способствующих данному разрыву, таких как чрезмерное использование показаний потерпевших, проблемы, связанные с надежностью свидетелей, которые со временем могут изменить свои показания, сложности, связанные с достаточностью доказательств, а также отсутствие специализации и предвзятое отношение следователей, прокуроров и судей...

Один из основных факторов, на который ссылались государства – члены ЕС, [способствующий низкому числу судебных преследований], связан с высоким доказательственным порогом, применяемым судами государств – членов ЕС, что приводит к квалификации случаев торговли людьми как менее тяжких преступлений, например, в качестве пособничества или сводничества вместо торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации либо нарушения трудового законодательства или мошенничество вместо торговли людьми в целях трудовой эксплуатации, что приводит к вынесению мягких обвинительных приговоров».

207. Во втором докладе о результатах, достигнутых в области борьбы с торговлей людьми, от 3 декабря 2018 г. Европейская комиссия, *inter alia*, отметила:

«Торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации продолжает оставаться наиболее распространенной формой. В 2015–2016 годах были зарегистрированы 9 759 потерпевших от сексуальной эксплуатации, то есть более половины (56%) зарегистрированных потерпевших, подвергнутых зафиксированной форме эксплуатации, преимущественно женщины и девочки (95% от зарегистрированных потерпевших от сексуальной эксплуатации)...

Сообщается, что масштабы внутренней торговли людьми на территории государств – членов ЕС увеличиваются.

Государства – члены ЕС сообщают, что лица, занимающиеся торговлей людьми, постоянно меняют методы работы, используя меньше физической силы, но больше психологическое и эмоциональное насилие...

Ввиду постоянно изменяющихся методов, которые используют лица, занимающиеся торговлей людьми, государства – члены ЕС должны обеспечить специализированную подготовку специалистов, которые, по всей вероятности, смогут иметь контакт с потерпевшими, адаптированную к роли новых информационных технологий и инициатив по предотвращению торговли людьми...

Тем не менее торговля людьми остается преступлением, характеризующимся безнаказанностью преступников и лиц, которые эксплуатируют потерпевших. Выводы настоящего доклада не свидетельствуют о том, что торговля людьми сократилась. Кроме того, анализ данных показывает тенденцию выявления потерпевших от приоритетных форм эксплуатации, при этом некоторые категории потерпевших выходят на первый план, в то время как другим уделяется меньше внимания. Информация, полученная от государств – членов ЕС, свидетельствует о сохраняющихся сложностях и отсутствии прогресса в ключевых областях. Таким образом, государства – члены ЕС должны в приоритетном порядке принять все необходимые меры».

2. Директива Европейского парламента и Совета ЕС от 25 октября 2012 г. № 2012/29/ЕС об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты потерпевших от преступлений, а также о замене Рамочного решения № 2001/220/ПВД Совета ЕС (далее – Директива о правах потерпевших)

208. Директива о правах потерпевших устанавливает минимальные стандарты в отношении прав, поддержки и защиты потерпевших от преступлений. Согласно пункту 57 Преамбулы указанной директивы должна существовать обоснованная презумпция, в соответствии с которой потерпевшие от торговли людьми в значении Директивы о борьбе с торговлей людьми получают пользу в результате применения специальных мер защиты.

С. ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

209. Резолюция Европейского парламента от 26 февраля 2014 г. «О сексуальной эксплуатации и проституции и ее влиянии на гендерное равенство» (2013/2103(INI)) в соответствующих частях гласит:

«В. Принимая во внимание, что проституция и принуждение к проституции являются формами рабства, несовместимыми с человеческим достоинством и основными правами человека,

С. Принимая во внимание, что торговля людьми, особенно женщинами и детьми, в целях сексуальной и иной эксплуатации является одним из наиболее вопиющих нарушений прав человека и что масштабы торговли людьми увеличиваются во всем мире, что обусловлено ростом организованной преступности и ее прибыльностью...

1. Признает, что проституция, принуждение к проституции и сексуальная эксплуатация характеризуются высокой гендерной проблематикой и представляют собой нарушения человеческого достоинства, что противоречит принципам прав человека, в том числе гендерному равенству, и, следовательно, противоречит принципам Хартии Европейского союза об основных правах, в том числе цели и принципу гендерного равенства...

10. Признает, что проституция и принуждение к проституции могут оказывать влияние на насилие в отношении женщин в целом, так как изучение покупателей сексуальных услуг показывает, что мужчины, приобретающие сексуальные услуги, имеют неуважительное представление о женщинах...

11. Подчеркивает, что лица, занимающиеся проституцией, особенно уязвимы в социальном, экономическом, физическом, психологическом, эмоциональном и семейном отношении и подвергаются большому риску насилия и причинения вреда, чем лица, занимающиеся иной деятельностью...

34. Полагает, что отношение к проституции как к легальной «работе в сексуальной сфере», декриминализация секс-индустрии в целом и легализация сутенерства не решают проблему защиты уязвимых женщин и несовершеннолетних девушек от насилия и эксплуатации, но имеют противоположный эффект и подвергают их опасности более высокого уровня насилия, одновременно способствуя росту рынка проституции и, следовательно, увеличению числа женщин и несовершеннолетних девушек, страдающих от насилия».

IV. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

210. По имеющейся у Европейского Суда информации о законодательстве 39 государств – членов Совета Европы (в Албании, Армении, Австрии, Азербайджане, Боснии и Герцеговине, Чешской Республике, Дании, Эстонии, Финляндии, во Франции, в Грузии, Германии,

Венгрии, Исландии, Ирландии, Латвии, Лихтенштейне, Литве, Люксембурге, на Мальте, в Республике Молдова, Черногории, Нидерландах, Северной Македонии, Норвегии, Польше, Португалии, Румынии, Российской Федерации, Сан-Марино, Сербии, Словакии, Словении, Испании, Швеции, Швейцарии, Турции, на Украине и в Соединенном Королевстве) в Европе существует всеобщее признание того, что торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации является тяжким преступлением. Во всех упомянутых 39 государствах – членах Совета Европы установлена уголовная ответственность за торговлю людьми. Аналогичным образом во всех государствах – членах Совета Европы предусмотрена уголовная ответственность за принуждение другого лица к оказанию сексуальных услуг (принуждение к проституции).

211. В большинстве опрошенных государств – членов Совета Европы установлена уголовная ответственность за причастность к оказанию другим лицом сексуальных услуг, даже в отсутствие принуждения лица, оказывающего такие услуги. Исключения составляют Германия, Нидерланды, Словения, Испания и Швейцария.

212. В государствах – членах Совета Европы приняты разные подходы к выявлению наличия принуждения, и элементы состава принуждения в законодательстве этих стран отличаются. Угроза применения физического насилия является наиболее часто встречающимся признаком принуждения. К некоторым другим признакам относятся, например, шантаж, обман, мошенничество, ложные обещания, использование уязвимости потерпевшего, ограничение передвижения, похищение и злоупотребление властью.

ПРАВО

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ХОРВАТИИ

213. Власти Хорватии выдвинули предварительные возражения в отношении пределов рассмотрения дела в Европейском Суде и частично относительно приемлемости жалобы заявительницы для рассмотрения по существу.

А. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА

1. Доводы сторон

(а) Власти Хорватии

214. Власти Хорватии отметили, что в своей жалобе в Европейский Суд в той части, в которой она была объявлена приемлемой для рассмотрения по существу, заявительница, интересы кото-

рой были представлены, ссылалась на статьи 3 и 8 Конвенции, но не на статью 4 Конвенции. Хотя власти Хорватии признали, что Европейский Суд может переqualифицировать жалобу по статье Конвенции, отличной от той, на которую ссылается заявитель, по их мнению, в настоящем деле такая возможность отсутствовала. Кроме того, власти Хорватии считали, что жалоба заявительницы касалась только результатов уголовного разбирательства. Она не затрагивала каких-либо иных процессуальных аспектов, поскольку доводы заявительницы в этом отношении были слишком общими и абстрактными.

(b) Заявительница

215. Заявительница подчеркнула, что Управление по правам человека присвоило ей статус потерпевшей от торговли людьми (см. выше § 85) и она указала на этот факт в формуляре жалобы. Она также утверждала, что жаловалась в Европейский Суд на неисполнение властями Хорватии их процессуальных обязательств и на отсутствие надлежащего расследования по делу. По мнению заявительницы, ее жалобы, несомненно, затрагивали вопрос в соответствии со статьей 4 Конвенции и предоставляли Европейскому Суду возможность оценить, исполнили ли власти Хорватии свои процессуальные обязательства в соответствии с указанным положением Конвенции.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

216. Прежде всего Европейский Суд напоминает, что «дело», переданное в Большую Палату Европейского Суда, обязательно охватывает все аспекты жалобы, ранее рассмотренной Палатой Европейского Суда в ее Постановлении. «Дело», переданное в Большую Палату Европейского Суда, представляет собой жалобу, как она была объявлена приемлемой для рассмотрения по существу, а также жалобы, которые не были объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Навальный против Российской Федерации» (*Navalnyy v. Russia*) от 15 ноября 2018 г., жалоба № 29580/12 и четыре другие жалобы¹, § 58, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илиас и Ахмед против Венгрии» (*Ilias and Ahmed v. Hungary*) от 21 ноября 2019 г., жалоба № 47287/15², § 177).

217. Кроме того, в целях статьи 32 Конвенции пределы рассмотрения дела, «переданного»

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2019. № 1 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 1 (примеч. редактора).

Европейскому Суду при осуществлении права подачи индивидуальной жалобы, определяют-ся жалобой заявителя. Жалоба состоит из двух элементов: утверждений о фактах и правовых доводов (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (Radomilja and Others v. Croatia) от 20 марта 2018 г., жалобы №№ 37685/10 и 22768/12¹, § 126).

218. В силу принципа *jura novit curia* Европейский Суд не связан правовыми основаниями, указанными заявителем в соответствии с Конвенцией и Протоколами к ней, и может принимать решение о правовой квалификации фактов жалобы, рассматривая ее в соответствии со статьями или положениями Конвенции, отличными от тех, на которые ссылается заявитель (см., например, *ibid.*, а также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Навальный против Российской Федерации» (Navalnyy v. Russia), § 65, и недавнее Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Молла Сали против Греции» (Molla Sali v. Greece) от 19 декабря 2018 г., жалоба № 20452/14², § 85).

219. Однако Европейский Суд не может основывать свое решение на фактах, которые не охватывались жалобой. При этом понимается, что, хотя Европейский Суд правомочен проверять обжалуемые по делу обстоятельства с учетом всей Конвенции или «рассматривать факты по-другому», он, тем не менее, ограничен фактами, представленными заявителями в свете внутригосударственного законодательства. Однако это не препятствует заявителю разъяснять или уточнять свои первоначальные доводы в ходе конвенционного разбирательства. Европейскому Суду необходимо принимать во внимание не только первоначально поданную жалобу, но и дополнительные документы, поданные для ее уточнения для устранения любых первоначальных упущений или неточностей. Аналогичным образом Европейский Суд может уточнять соответствующие факты *ex officio* (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (Radomilja and Others v. Croatia), §§ 121–122 и 126).

220. В рассматриваемом деле в своей первоначальной жалобе в Европейский Суд заявительница отметила, что ей был присвоен статус потерпевшей от торговли людьми (см. выше § 215) и что Т.М. был подвергнут уголовному преследованию за ее эксплуатацию и принуждение к занятию проституцией. Заявительница также кратко описала ход производства по делу в судах Хорватии, которое

завершилось оправданием Т.М. в связи с тем, что внутригосударственными судами не был установлен факт принуждения ее к занятию проституцией. В свете указанных фактов, хотя и изложенных не вполне последовательно, заявительница затронула вопрос о процессуальных обязательствах государства, в частности, жалуюсь на отсутствие наказания за насильственные действия, которым Т.М. предположительно подверг ее. Она подчеркнула, что власти Хорватии несут ответственность за расследование преступных деяний, а впоследствии за проведение судебных разбирательств в отношении соответствующих лиц и в случае признания их виновными за их наказание согласно закону. По ее мнению, это означает, что государство должно создать эффективную систему уголовного правосудия. Заявительница также утверждала, что, если, по мнению судов Хорватии, Т.М. не принуждал ее заниматься проституцией, то они должны были вынести ему обвинительный приговор как минимум за склонение к занятию проституцией согласно законодательству Хорватии. Заявительница также жаловалась на отсутствие надлежащей помощи ей как потерпевшей в ходе судебного разбирательства. Наконец, заявительница утверждала, что склонение к занятию проституцией как форма насилия по гендерному признаку не должно оставаться безнаказанным. Заявительница ссылалась на статьи 3, 6, 8 и 14 Конвенции и на статью 1 Протокола № 12 к Конвенции.

221. 9 февраля 2015 г. уведомление о жалобах заявительницы в тех частях, в которых они были признаны относимыми и приемлемыми для рассмотрения по существу, было направлено властям Хорватии в соответствии со статьями 3, 4 и 8 Конвенции.

222. В своих дальнейших доводах, представленных Палате Европейского Суда, заявительница указала на процессуальное обязательство властей в соответствии с Конвенцией. Она также отметила, что ее утверждения о принуждении к проституции, сделанные в органах государственной власти Хорватии, были обоснованы. Кроме того, в ответ на доводы властей Хорватии она подробно описала нормативную правовую базу Хорватии и заявила, что она является недостаточной для решения проблемы торговли людьми. Кроме того, по ее мнению, соответствующие органы власти Хорватии не квалифицировали ее случай как торговлю людьми и ошибочно отнесли ее утверждения к нормам о принуждении к проституции. В частности, она считала, что Т.М. должен был подвергнуться уголовному преследованию и осужден за торговлю людьми в соответствии со статьей 175 Уголовного кодекса Хорватии. В любом случае, по ее мнению, даже если он ошибочно подвергся уголовному преследованию за склонение к занятию проституцией с применением принуждения в соответствии с пунктом 3 статьи 195 Уголовного кодекса

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. № 3 (примеч. редактора).

Хорватии (а не за торговлю людьми), после того, как суды Хорватии сочли элемент принуждения неустановленным, они должны были вынести обвинительный приговор по крайней мере в соответствии с пунктом 2 статьи 195 Уголовного кодекса Хорватии (склонение к занятию проституцией). Тот факт, что Т.М. в итоге был оправдан, свидетельствует, по мнению заявительницы, об отсутствии эффективного применения уголовно-правовых механизмов в ее деле. Заявительница также настаивала на том, что ей не была предоставлена надлежащая помощь или возможность эффективного участия в производстве по делу в качестве потерпевшей от торговли людьми.

223. На основании изложенных доводов Палата Европейского Суда объявила коммуницированные жалобы (в соответствии со статьями 3, 4 и 8 Конвенции) приемлемыми для рассмотрения по существу, но рассмотрела дело только в соответствии со статьей 4 Конвенции (см. § 36 и пункт 1 резолютивной части Постановления Палаты Европейского Суда, см. также ниже §§ 244–249).

224. На основании вышеизложенного Европейский Суд считает, что у него нет оснований отказываться от юрисдикции в отношении жалоб, признанных Палатой Европейского Суда приемлемыми для рассмотрения по существу. Заявительница прямо и подробно ссылалась на статьи 3 и 8 Конвенции. Ее жалобы (см. выше §§ 220 и 222), несомненно, затрагивали вопрос, в отношении которого Европейский Суд в силу принципа *jura novit curia* и с учетом своей прецедентной практики (см. выше § 218, а также Постановление Европейского Суда по делу «V.T. против Франции» (V.T. v. France) от 11 сентября 2007 г., жалоба № 37194/02, § 35, Постановление Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (Rantsev v. Cyprus and Russia), жалоба № 25965/04¹, §§ 272–282, ECHR 2010 (извлечения), и Постановление Европейского Суда по делу «L.E. против Греции» (L.E. v. Greece) от 21 января 2016 г., жалоба № 71545/12, § 58) мог бы попытаться определить, попадает ли он под действие статьи 4 Конвенции. Это, конечно, не затрагивает обсуждение фактической применимости и объема защиты, гарантированной указанным положением Конвенции.

225. Кроме того, Европейский Суд не убежден доводом властей Хорватии о том, что жалоба заявительницы касалась только результатов судебного разбирательства. Принимая во внимание дело в целом, Европейский Суд считает, что фактические элементы первоначальной жалобы заявительницы и их дальнейшее уточнение в последующих доводах заявительницы (см. выше §§ 220 и 222) являются достаточно обширными, чтобы охватить

различные аспекты процессуального обязательства властей Хорватии по эффективному применению соответствующих уголовно-правовых механизмов.

226. Действительно, в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда безнаказанность может быть вызвана различными причинами. В частности, в той степени, в которой это имеет отношение к настоящему делу, она может стать результатом неспособности соответствующих органов прокуратуры и уголовных судов эффективно выяснять и устранять все (зачастую неочевидные) элементы поведения, противоречащего Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Човдури и другие против Греции» (Chowdury and Others v. Greece) от 30 марта 2017 г., жалоба № 21884/15, §§ 117–127).

227. Кроме того, можно сослаться на прецедентную практику Европейского Суда, которая свидетельствует о том, что он готов принимать во внимание любые конкретные недостатки в проведении расследования, которые он считает значимыми, в контексте общей оценки процессуальной жалобы заявителя на неэффективное применение уголовно-правовых механизмов (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «C.N. против Соединенного Королевства» (C.N. v. United Kingdom) от 13 ноября 2012 г., жалоба № 4239/08, §§ 47–52 и 80, в котором Европейский Суд установил нарушение в связи с тем, что власти государства-ответчика не допросили одного из основных свидетелей по делу, хотя заявительница не поднимала данный вопрос в своих доводах в Европейском Суде; см. также Постановление Европейского Суда по делу «M. и другие против Италии и Болгарии» (M. and Others v. Italy and Bulgaria) от 31 июля 2012 г., жалоба № 40020/03, §§ 86 и 104, в котором Европейский Суд указал некоторых свидетелей, которых властям государств-ответчиков было необходимо допросить, чтобы исполнить свои процессуальные обязательства в соответствии с Конвенцией).

228. С учетом вышеизложенного, и насколько доводы заявительницы касаются недостатков в применении соответствующих уголовно-правовых механизмов, что в результате предположительно привело к безнаказанности, Европейский Суд считает такие требования достаточно широкими, чтобы он мог рассмотреть в целом и на основании конкретных аспектов дела, которые он сочтет значимыми, вопрос о том, имело ли место нарушение процессуальных обязательств властей государства-ответчика в соответствии с Конвенцией.

229. Таким образом, Европейский Суд отклоняет возражение властей Хорватии относительно пределов рассмотрения дела. Он считает, что «пределы рассмотрения» переданного ему дела в отношении его правовой характеристики поднимают правовые вопросы в соответствии со статьями 3, 4 и 8 Конвенции. Что касается фактических преде-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 5 (примеч. редактора).

лов рассмотрения дела, Европейский Суд отмечает, что жалоба заявительницы затрагивает вопросы о предполагаемой безнаказанности за торговлю людьми, принудительную или альтернативно добровольную проституцию, вследствие недостатков в применении соответствующих уголовно-правовых механизмов. Таким образом, жалоба по сути имеет процессуальный характер. Этот вывод, как уже подчеркивалось выше, не затрагивает дальнейшую оценку и заключение относительно фактической применимости и объема защиты, гарантированной Конвенцией, в отношении действий, на которые жалуется заявительница.

В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ В СВЯЗИ С ПРИЕМЛЕМОСТЬЮ ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

(a) *Власти Хорватии*

230. Власти Хорватии утверждали, что жалоба заявительницы неприемлема для рассмотрения по существу в соответствии со статьей 35 Конвенции. Они считали, что статья 4 Конвенции неприменима в настоящем деле и что жалоба заявительницы должна быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу, поскольку она касается вопроса о результате производства, в отношении которого полномочия Европейского Суда по проведению проверки были ограничены.

231. Что касается применимости статьи 4 Конвенции, власти Хорватии не оспаривали, что указанное положение применяется к различным формам торговли людьми. Вместе с тем Европейский Суд, по их мнению, должен занять четкую позицию по вопросу торговли людьми, определив значение данного понятия и материально-правовую сферу применения статьи 4 Конвенции в этом отношении. В любом случае власти Хорватии полагали, что в настоящем деле не имела место торговля людьми, поскольку элемент «средств» торговли людьми, как это предусмотрено в международном определении данного явления, отсутствует. В частности, власти Хорватии считали, что заявительница не подвергалась какой-либо угрозе, применению насилия или иным формам принуждения.

232. В этом отношении власти Хорватии ссылались на факты, установленные судами Хорватии, которые, по их мнению, имели значение для определения применимости статьи 4 Конвенции. Кроме того, власти Хорватии утверждали, что отсутствовали некоторые другие элементы торговли людьми. В частности, они указали, что Т.М. не изымал документы у заявительницы, не лишал ее свободы, что у нее были мобильный телефон и возможность связаться с другими лицами, что у нее был доход,

поскольку она делилась своим заработком с Т.М., и что она добровольно решила заняться проституцией, чтобы заработать деньги. Власти Хорватии также считали, что тот факт, что заявительница была признана потерпевшей от торговли людьми соответствующими органами Хорватии, никоим образом не может быть истолкован как означающий, что она стала жертвой торговли людьми в значении уголовного права.

233. Власти Хорватии также полагали, что ситуация, когда одно лицо извлекает выгоду из проституции другого лица без какого-либо применения силы или принуждения, не может относиться к сфере действия статьи 4 Конвенции, поскольку в этом случае сфера действия статьи 4 Конвенции выйдет за рамки международного определения торговли людьми. Такой подход привел бы к неопределенности в отношении применения статьи 4 Конвенции, а также противоречил бы духу указанного положения Конвенции и предшествующей прецедентной практике Европейского Суда по данному вопросу (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «V.T. против Франции» (V.T. v. France)). Кроме того, это будет означать, что все формы проституции запрещены в соответствии со статьей 4 Конвенции. Подобная позиция может вызвать вопросы ввиду практики тех государств, которые не предусматривают уголовную ответственность за проституцию, и может ослабить права потерпевших, которые также пользуются защитой, предоставленной статьями 3 и 8 Конвенции. В целом, по мнению властей Хорватии, в соответствии со статьей 4 Конвенции не может возникать каких-либо вопросов в связи с тем, что Т.М. не был осужден за склонение к занятию проституцией.

(b) *Заявительница*

234. Заявительница подчеркивала, что утверждения, которые она сделала в органах, осуществляющих уголовное преследование (полиция и прокуратура), а затем в уголовном суде, несомненно, свидетельствовали о том, что она стала потерпевшей от торговли людьми и что она подняла вопрос в соответствии со статьей 4 Конвенции. В связи с этим заявительница также отметила, что на внутригосударственном уровне она была признана потерпевшей от торговли людьми. Данный вывод не имел и не должен был иметь только административный характер, но и иметь значение в сфере уголовного права.

235. Заявительница также считала важным тот факт, что в своих доводах, представленных в Палате Европейского Суда, власти Хорватии утверждали, что признание ее статуса потерпевшей от торговли людьми на внутригосударственном уровне в совокупности с мерами помощи и поддержки было равносильно утрате статуса жертвы в соответствии со статьей 34 Конвенции (см. § 41 Постановления

Палаты Европейского Суда). Таким образом, заявительница сочла неубедительными доводы властей Хорватии в Большой Палате Европейского Суда, в которых они существенно изменили свое мнение относительно важности признания ее статуса потерпевшей от торговли людьми.

236. По мнению заявительницы, процессуальное реагирование органов, осуществляющих уголовное преследование, включая суды, на ее утверждения было ненадлежащим и противоречило требованиям статей 3, 4 и 8 Конвенции. В частности, из-за недостаточного внимания к данному вопросу власти Хорватии не смогли надлежащим образом рассмотреть ее утверждения о торговле людьми и, следовательно, не смогли эффективно исполнить свои процессуальные обязательства в соответствии со статьей 4 Конвенции.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

237. В случае необходимости ничто не препятствует Большой Палате Европейского Суда рассмотреть вопрос о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу с точки зрения пункта 4 статьи 35 Конвенции, поскольку указанное положение позволяет Европейскому Суду отклонять жалобы, которые он считает неприемлемыми, «на любой стадии разбирательства». Таким образом, даже на стадии рассмотрения дела по существу при соблюдении условий, предусмотренных правилом 55 Регламента Европейского Суда, он может пересмотреть решение об объявлении жалобы приемлемой для рассмотрения по существу, если придет к выводу, что ее нужно было объявить неприемлемой по одному из оснований, перечисленных в первых трех пунктах статьи 35 Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*) от 20 октября 2016 г., жалоба № 7334/13¹, § 69).

238. Европейский Суд в настоящем деле отмечает, что власти Хорватии по сути выдвинули два предварительных возражения относительно приемлемости жалоб заявительницы для рассмотрения по существу. Первое возражение касается применимости гарантий, предусмотренных статьей 4 Конвенции. Европейский Суд считает целесообразным рассмотреть его после оценки объема защиты в соответствии с данным положением и на основе тщательной оценки конкретных обстоятельств настоящего дела. Таким образом, Европейский Суд объединяет рассмотрение указанного возражения с рассмотрением дела по существу.

239. Второй аспект возражений властей Хорватии можно истолковать как предложение

Европейскому Суду объявить жалобы заявительницы неприемлемыми для рассмотрения по существу как явно необоснованные, поскольку, по мнению властей Хорватии, они просто касаются неудовлетворенности результатами судебного разбирательства (см. выше § 230). Однако, по мнению Европейского Суда, жалобы заявительницы затрагивают сложные вопросы, связанные, в частности, с толкованием статьи 4 Конвенции, и не могут считаться явно необоснованными. Соответственно, Европейский Суд считает второй аспект возражения властей Хорватии необоснованным, поэтому указанное возражение должно быть отклонено (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зубац против Хорватии» (*Zubac v. Croatia*) от 5 апреля 2018 г., жалоба № 40160/12², §§ 52–55).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 4 КОНВЕНЦИИ

240. Заявительница утверждала, что власти Хорватии не смогли эффективно применить соответствующие уголовно-правовые механизмы в отношении ее утверждений о торговле людьми, принудительной или альтернативно добровольной проституции в нарушение их обязательств по статьям 3, 4 и 8 Конвенции.

241. Принимая во внимание свою прецедентную практику и характер жалобы заявительницы, Европейский Суд считает, что вопросы, поднятые в настоящем деле, следует рассматривать с точки зрения статьи 4 Конвенции. Аналогичные вопросы действительно могут возникнуть в соответствии со статьей 3 Конвенции (см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «V.T. против Франции» (*V.T. v. France*), § 26, «М. и другие против Италии и Болгарии» (*M. and Others v. Italy and Bulgaria*), § 106) и потенциально также в соответствии со статьей 8 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «V.C. против Италии» (*V.C. v. Italy*) от 1 февраля 2018 г., жалоба № 54227/14, §§ 84–85). Однако Европейский Суд отмечает, что в своей прецедентной практике он проявлял стремление применять статью 4 Конвенции к вопросам, связанным с торговлей людьми (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), §§ 252 и 336, Постановление Европейского Суда по делу «C.N. и V. против Франции» (*C.N. and V. v. France*) от 11 октября 2012 г., жалоба № 67724/09, § 55, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «C.N. против Соединенного Королевства» (*C.N. v. United Kingdom*), § 84, и Постановление

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 5 (примеч. редактора).

² См.: там же. Специальный выпуск. 2018. № 4 (примеч. редактора).

Европейского Суда по делу «J. и другие против Австрии» (*J. and Others v. Austria*) от 17 января 2017 г., жалоба № 58216/12, § 123).

242. По мнению Европейского Суда, подобный подход позволяет ему рассматривать возможные вопросы жестокого обращения (в соответствии со статьей 3 Конвенции) и посягательства на физическую и психологическую неприкосновенность заявительницы (в соответствии со статьей 8 Конвенции) в их общем контексте, а именно в контексте торговли людьми и сексуальной эксплуатации. Действительно, утверждения о жестоком обращении и насилии неразрывно связаны с торговлей людьми и эксплуатацией, если они являются предполагаемой целью применения жестокого обращения или насилия (см. в целом упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), § 252, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «C.N. и V. против Франции» (*C.N. and V. v. France*), § 55). Следовательно, утверждения заявительницы (см. выше § 240) должны быть проанализированы в свете статьи 4 Конвенции.

243. Поскольку в компетенцию Европейского Суда входит правовая квалификация обстоятельств дела (см., например, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Молла Сали против Греции» (*Molla Sali v. Greece*), § 85), Европейский Суд рассматривает настоящее дело в соответствии со статьей 4 Конвенции, которая в соответствующих частях гласит:

«1. Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии.

2. Никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду...».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

244. Палата Европейского Суда отметила, что в органах государственной власти Хорватии заявительница утверждала, что Т.М. психологически и физически принуждал ее к участию в организованной им проституции. Это привело к тому, что органы государственной власти Хорватии присвоили ей статус потерпевшей от торговли людьми. Кроме того, суды Хорватии признали бесспорным тот факт, что Т.М. дал заявительнице мобильный телефон, чтобы клиенты связывались с ней для оказания сексуальных услуг, а также что Т.М. возил заявительницу к клиентам или что она оказывала сексуальные услуги в квартире, которую она снимала вместе с ним.

245. При таких обстоятельствах Палата Европейского Суда не сочла необходимым устанавливать, являлось ли обращение, на которое жалова-

лась заявительница, рабством, подневольным состоянием либо принудительным или обязательным трудом. Вместо этого Палата Европейского Суда пришла к выводу о том, что торговля людьми, а также эксплуатация проституции по смыслу пункта «а» статьи 3 Палермского протокола, пункта «а» статьи 4 Конвенции о противодействии торговле людьми, статьи 1 Конвенции 1949 года и КЛДЖ попадали в сферу действия статьи 4 Конвенции.

246. Таким образом, Палата Европейского Суда решила оценить настоящее дело в соответствии со статьей 4 Конвенции. В этой связи она также отметила, что те факты, что заявительница фактически являлась гражданкой государства-ответчика и что отсутствовал международный элемент, не имели значения, поскольку статья 2 Конвенции о противодействии торговле людьми охватывала «все формы торговли людьми, будь то на национальном или транснациональном уровне», а Конвенция 1949 года касалась эксплуатации проституции в целом.

247. Ссылаясь, в частности, на общие принципы, разработанные им в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*) (§§ 272–289), Палата Европейского Суда решила, что жалобы заявительницы имели три аспекта, и оценила их отдельно. Первый аспект заключался в том, существовала ли на внутригосударственном уровне соответствующая нормативная правовая база, второй аспект касался того, были ли оказаны заявительнице необходимые помощь и поддержка, чтобы уменьшить страх и давление, которые она испытывала при даче показаний против Т.М., а третий аспект состоял в том, исполнили ли власти Хорватии свои процессуальные обязательства в конкретном деле заявительницы, применяя указанную нормативную правовую базу.

248. Что касается первого аспекта жалобы, Палата Европейского Суда удостоверилась в том, что на момент совершения предполагаемого преступления и уголовного преследования в Хорватии существовала надлежащая нормативная правовая база, касающаяся торговли людьми, принудительной проституции и эксплуатации проституции. В отношении второго аспекта жалобы Палата Европейского Суда пришла к выводу, что заявительнице были оказаны надлежащая поддержка и помощь.

249. Что касается третьего аспекта жалобы, Палата Европейского Суда постановила, что отсутствовали какие-либо признаки того, что власти Хорватии предприняли серьезную попытку тщательно расследовать все обстоятельства, имеющие значение для оценки того, принуждал ли Т.М. заявительницу заниматься проституцией. Кроме того, Палата Европейского Суда сочла, что при оценке показаний заявительницы суды Хорватии не при-

няли во внимание возможное влияние психологической травмы на способность заявительницы последовательно и четко излагать обстоятельства ее сексуальной эксплуатации. При таких обстоятельствах Палата Европейского Суда решила, что соответствующие органы государственной власти не исполнили свои процессуальные обязательства, и, следовательно, установила нарушение статьи 4 Конвенции.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявительница

250. Заявительница утверждала, что органы прокуратуры ошибочно охарактеризовали ее утверждения, из которых, несомненно, следовало, что она была потерпевшей от торговли людьми, как вопрос о принуждении к проституции. Ссылаясь на различные доклады о результатах мониторинга в отношении Хорватии, заявительница отмечала, что имеет место общая проблема, связанная с действиями органов государственной власти Хорватии, которые склонны квалифицировать обвинения в торговле людьми как склонение к занятию проституцией, в результате чего многие случаи торговли людьми остаются безнаказанными.

251. Заявительница также указывала, что при подаче жалобы в органы государственной власти Хорватии она представила все относящиеся к делу сведения и назвала свидетелей, которые могли бы предоставить дополнительную информацию по ее утверждениям. По словам заявительницы, когда она подала жалобу, органы прокуратуры сообщили ей, что она сделала всё возможное и что они приступили к расследованию. Однако в результате из пяти возможных свидетелей событий органы прокуратуры допросили только одного.

252. В связи с этим заявительница также подчеркивала, что на момент событий она не доверяла системе и решила сообщить о событиях в полицию, потому что Т.М. угрожал ее семье. Более того, в период проведения производства по уголовному делу она очень боялась Т.М., который угрожал ей после того, как она сбежала от него. При таких обстоятельствах она решила рассказать свою историю компетентному суду только тогда, когда неправительственная организация «Центр “Роза”» начала оказывать ей правовую помощь. Однако, по словам заявительницы, эта правовая помощь не являлась частью государственной правовой помощи, а была предоставлена неправительственной организацией по просьбе матери заявительницы.

253. При сложившихся обстоятельствах нельзя сказать, что заявительница оставалась пассивной в ходе судебного разбирательства, поскольку она трижды давала показания, сообщила подробную

информацию о событиях и назвала всех возможных свидетелей. Таким образом, по ее мнению, от нее как от потерпевшей от торговли людьми нельзя было ожидать большего. В частности, было бы неразумно ожидать, что она займет место государственного прокурора, который *ex officio* обязан эффективно проводить соответствующее расследование по уголовному делу.

254. Заявительница также утверждала, что Государственная прокуратура и уголовный суд не обеспечили, каждый в пределах своей компетенции и, при необходимости, в сотрудничестве друг с другом, принятия соответствующих мер, чтобы преступление против нее не осталось безнаказанным. По ее мнению, они должны были переqualифицировать обвинения против Т.М., чтобы он был наказан хотя бы по основному составу склонения к занятию проституцией. Однако Государственная прокуратура и уголовный суд оставались пассивными, перекладывая ответственность друг на друга. Кроме того, суды Хорватии продемонстрировали недостаточную внимательность к эмоциональной травме, которой подвергаются потерпевшие от торговли людьми, и к ее влиянию на их способность сообщать все подробности дела. В конечном счете это привело к тому, что органы государственной власти оставили ее как потерпевшую от торговли людьми без защиты от действий Т.М. Это открывало возможности для будущего насилия в отношении нее со стороны Т.М., учитывая, что он, как следовало из показаний М.И., был одержим ею (заявительницей).

255. В целом, ссылаясь также на свои доводы, представленные в ходе судебного разбирательства в Палате Европейского Суда, заявительница полагала, что внутригосударственные уголовно-правовые механизмы, которые были применены в настоящем деле, имели такие недостатки, что представляли собой нарушение позитивных обязательств государства по статье 4 Конвенции.

2. Власти Хорватии

256. Власти Хорватии утверждали, что нормативная правовая база Хорватии, касающаяся проблемы торговли людьми или иной связанной с этим деятельности, не содержала недостатков. В связи с этим власти Хорватии подчеркивали, что органы государственной власти непрерывно прилагают усилия для совершенствования административных и рабочих методов, направленных на усиление борьбы с торговлей людьми. На данный момент в общей сложности 117 судей и прокуроров прошли обучение по вопросам торговли людьми, специализированные курсы, посвященные этому вопросу, также вошли в программу обучения для сотрудников полиции. В частности, что касается лиц, участвовавших в настоящем деле, прокурор, который первым допрашивал Т.М. (см. выше

§ 23), участвовал в двух однодневных тренингах по торговле людьми в феврале 2005 года и ноябре 2009 года. Судья первой инстанции участвовал в двух однодневных тренингах по данному вопросу в сентябре 2003 года и феврале 2005 года, в то время как один из судей, заседавших в апелляционном суде, в ноябре 2013 года проводил однодневный тренинг. Кроме того, власти Хорватии утверждали, что в последние годы количество выявленных потерпевших от торговли людьми увеличилось, как и количество лиц, осужденных за торговлю людьми.

257. Власти Хорватии также отмечали, ссылаясь на выводы Палаты Европейского Суда (см. выше § 248), что заявительнице была предоставлена вся необходимая защита, поддержка и помощь в полном соответствии с рекомендациями ГРЕТА в этом отношении. Кроме того, власти Хорватии указывали, что заявительница не жаловалась в органы государственной власти Хорватии по этому поводу.

258. Что касается соблюдения властями Хорватии своих процессуальных обязательств, они полагали, что внутригосударственные органы власти тщательно расследовали дело на основании утверждений заявительницы путем сбора всех относящихся к делу доказательств. В связи с этим власти Хорватии отмечали, что интересы заявительницы были представлены на протяжении всего производства по делу и что она не предлагала органам государственной власти собрать какие-либо доказательства и не подавала жалоб в этом отношении.

259. Кроме того, по мнению властей Хорватии, суды страны приняли свое решение на основе установленных фактов, и их выводы нельзя считать произвольными. В частности, даже если предположить, что ненасильственная эксплуатация проституции попадает в сферу действия статьи 4 Конвенции, суды Хорватии не могут подвергаться критике за то, что они не переквалифицировали обвинительное заключение государственного прокурора из принудительной эксплуатации проституции в указанную форму, поскольку это повлекло бы неоправданное вмешательство в характер и основания обвинений против обвиняемого.

3. Третьи стороны

(а) Группа экспертов Совета Европы по борьбе с торговлей людьми (ГРЕТА)

260. ГРЕТА подчеркивала, что одна из основополагающих целей Конвенции о противодействии торговле людьми состоит в обеспечении эффективного расследования и уголовного преследования за преступления, связанные с торговлей людьми. Однако, как свидетельствует проведенный ГРЕТА мониторинг стран, имеет место значительное несоответствие между количеством выявленных

потерпевших от торговли людьми, с одной стороны, и количеством судебных преследований и вынесенных обвинительных приговоров, с другой. Установленные для этого причины были многочисленны и включали в себя, в частности, чрезмерное использование показаний потерпевших, проблемы, связанные с надежностью свидетелей, которые со временем могут изменить свои показания, или трудности, связанные с достаточностью доказательств. В связи с этим ГРЕТА отметила, что потерпевшие иногда боятся давать показания или делают это неохотно из-за угрозы мести со стороны преступников или отсутствия доверия к эффективности системы уголовного правосудия.

261. В то же время в некоторых случаях торговли людьми, как показали исследования на местах, единственными доказательствами, имеющимися у суда, были показания потерпевшего и их отрицание подсудимым. В таких случаях суды должны были принять решение о том, являлись ли показания потерпевшего достаточными для осуждения подсудимого, даже если подсудимый отрицал заявления потерпевшего, и складывалась ситуация «показания против показаний». ГРЕТА указывала, что неспособность стороны обвинения подтвердить показания потерпевших другими доказательствами, такими как свидетельские показания клиентов, которых обслуживали потерпевшие, соседей, которые могли бы сообщить сведения о ситуации потерпевшего, членов НПО, которые могли бы свидетельствовать о психологическом состоянии потерпевшего, а также экспертные заключения или финансовые расследования, может привести к оправданию подсудимого.

262. Одна из важнейших причин такого результата состояла в отсутствии подготовки и специализации следователей, прокуроров, судей и адвокатов по вопросам торговли людьми, что могло приводить к наличию у них предвзятого отношения к потерпевшим от торговли людьми и безразличия к проблемам, с которыми они сталкивались. Так, ГРЕТА неоднократно подчеркивала необходимость совершенствования подготовки и специализации лиц, занимающихся делами о торговле людьми.

263. Вышеизложенное относилось и к Хорватии. В рамках мониторинга Хорватии ГРЕТА отметила, что уголовное преследование за совершение преступлений, связанных с торговлей людьми, было редким случаем, что потерпевшие не были должным образом проинформированы о своих правах и не получали надлежащей помощи в их реализации и что потерпевшие неохотно сотрудничали с органами уголовного правосудия. Кроме того, выводы ГРЕТА свидетельствуют о том, что судьи, как сообщается, были недостаточно осведомлены об особой уязвимости потерпевших от торговли людьми. ГРЕТА также были известны примеры, когда уголовное преследование осуществлялось за другие преступления, в частности, за склонение

к занятию проституцией, вместо торговли людьми, а виновным были назначены более мягкие наказания, а также примеры, когда к ситуации потерпевших от сексуальной эксплуатации, выступавших в качестве свидетелей, не было проявлено надлежащей внимательности. В связи с этим ГРЕТА, в частности, неоднократно настаивала на повышении уровня обучения судей и прокуроров законодательству, касающемуся торговли людьми.

264. ГРЕТА также подчеркивала, что одна из мер по борьбе с торговлей людьми предусматривала необходимость обеспечения защиты потерпевших и свидетелей торговли людьми, как указано в Конвенции о противодействии торговле людьми. Соответственно, ГРЕТА дала властям Хорватии рекомендации в этом отношении.

265. Наконец, ГРЕТА подробно остановилась на проблеме «злоупотребления уязвимым положением» как одного из «средств» торговли людьми. ГРЕТА отметила, что установление наличия уязвимости потерпевшего имеет важное значение для многих аспектов дел о торговле людьми, поскольку уязвимость может быть решающим признаком при выявлении потерпевших, а точная оценка уязвимости может помочь в обеспечении надлежащей поддержки и защиты потерпевших, выступающих в качестве свидетелей. В ходе производства по уголовному делу необходимо устанавливать посредством достоверных доказательств как наличие уязвимости, так и злоупотребление этим уязвимым положением. В данном контексте ГРЕТА также сослалась на исследование УНП ООН, согласно которому одного лишь наличия уязвимости может быть достаточно для того, чтобы считать установленным элемент «средств» преступления и тем самым содействовать поддержанию обвинения. Таким образом, в рамках внутригосударственных процедур оценки ГРЕТА настаивала на том, чтобы «злоупотребление уязвимым положением» получило надлежащее внимание. В целом ГРЕТА отмечала, что доказательства злоупотребления уязвимым положением могут быть менее явными, чем доказательства других средств, используемых для совершения преступления в виде торговли людьми, например, применение силы. В связи с этим важно привлекать специалистов, в частности, психологов, социальных работников или представителей НПО, работающих с потерпевшими от торговли людьми, на этапе расследования, чтобы обеспечить эффективные и надлежащие сбор и представление доказательств в ходе судебного разбирательства.

(b) Юридическая клиника по вопросам международного права прав человека (юридический факультет г. Экс-ан-Прованс)

266. Вступившая в дело третья сторона отмечала, что принуждение к проституции можно рассматривать как форму принудительного тру-

да и что сила или принуждение в данном контексте могут быть различными, например, иметь психологический, физический или финансовый характер. В таких случаях, если применялись сила или принуждение, согласие потерпевшего было исключено. По мнению вступившей в дело третьей стороны, когда дело касается торговли людьми и практик, связанных с рабством, проституцию следует характеризовать как рабство (сексуальное рабство) по смыслу статьи 4 Конвенции. Данный вывод следует из прецедентной практики Европейского Суда, который ссылается на проблему современного рабства, а также из практики других международных органов, таких как Межамериканский суд, Специальный суд по Сьерра-Леоне и Международный уголовный суд. Действительно, по мнению вступившей в дело третьей стороны, данный подход соответствует международному определению рабства и подходу к нему.

267. Кроме того, вступившая в дело третья сторона считала, что в случаях, когда проституция эксплуатируется другими лицами для извлечения экономической выгоды, она равносильна торговле людьми. Однако «эксплуатация» в данном контексте должна быть связана с *de facto* принуждением. Следовательно, даже если лицо добровольно занимается проституцией, насилие над этим лицом со стороны третьего лица будет свидетельствовать о той или иной форме принуждения к занятию проституцией.

268. Вступившая в дело третья сторона также утверждала, что лица, занимающиеся проституцией, относятся к уязвимой группе лиц и что это касается прежде всего женщин, как было признано в различных международных документах. Данная уязвимость в некоторых случаях усугублялась экономическими ограничениями или расовой принадлежностью потерпевшего. Соответственно, для решения проблемы уязвимости необходим междисциплинарный подход. Например, во Франции на внутригосударственном уровне признано, что злоупотребление уязвимым положением усугубляет общую ситуацию страдания, которая может привести к тому, что лицо подвергается эксплуатации в отношении него или нее. По мнению вступившей в дело третьей стороны, такую уязвимость необходимо учитывать в контекстах обязанности проводить расследование, а также сбора и оценки показаний потерпевшего. В частности, в отношении последнего аспекта вступившая в дело третья сторона подчеркивала, что, как хорошо известно, показания потерпевшего могут быть непоследовательными и противоречивыми вследствие обращения, которому он подвергся, и этого недостаточно для вывода о том, что потерпевший дает ложные показания. Таким образом, следует делать акцент на существенных аспектах показаний потерпевшего, и важно получить дополнительные доказательства относительно оспариваемой ситуации.

(с) Исследовательский центр «Некоммерческая организация социального назначения “Другое право”» (Университет Флоренции)

269. Вступившая в дело третья сторона утверждала, что в международном праве существует общее понимание того, что Палермский протокол в совокупности с Конвенцией против трансграничной организованной преступности, на основе которой он был принят, требует криминализации не только трансграничной торговли людьми, но и торговли людьми внутри страны. Действительно, в последних всемирных докладах УНП ООН о торговле людьми указывалось, что потерпевшие, которые были установлены в пределах границ стран их происхождения, составляют наибольшую часть потерпевших, выявленных во всем мире. Кроме того, Конвенция о противодействии торговле людьми прямо включает случаи торговли людьми внутри страны в определение торговли людьми. Директива Европейского союза о борьбе с торговлей людьми также охватывает внутреннюю и трансграничную торговлю людьми.

270. В связи с этим вступившая в дело третья сторона подчеркнула, что, как следует из материалов УНП ООН, «перемещение» не является необходимым требованием определения торговли людьми. Указанное определение также включает в себя такие случаи, как получение и укрывательство, которые не связаны с перемещением. Соответственно, вступившая в дело третья сторона считала важным, чтобы Европейский Суд признал как внутреннюю, так и трансграничную торговлю людьми в качестве составных элементов явления торговли людьми.

271. Вступившая в дело третья сторона также полагала, что вопрос об «эксплуатации проституции» не может рассматриваться вне контекста торговли людьми, как это сделала Палата Европейского Суда в настоящем деле. С учетом этого третья сторона подчеркнула, что вопросы проституции и эксплуатации проституции затрагивают некоторые достаточно деликатные вопросы, мнения по которым расходятся, в частности, между теми, кто считает проституцию саму по себе унижительной и эксплуататорской практикой, и теми, кто рассматривает ее как форму работы. В данном контексте внутригосударственные практики также различаются, и в упомянутом выше Постановлении по делу «V.T. против Франции» (V.T. v. France) Европейский Суд не захотел занять позицию по этому конкретному вопросу. При таких обстоятельствах, по мнению третьей стороны, когда Палата Европейского Суда ссылалась на Конвенцию 1949 года, которая отражает весьма противоречивый подход к проституции и эксплуатации проституции, в ее Постановлении по сути был поднят вопрос о нейтралитете Европейского Суда в этой дискуссии.

(d) Группа исследователей в составе Бенедикта Буржуа (Мичиганский университет), Мари-Ксавье Катто (Университет Париж I Пантеон-Сорбонна) и Мишеля Эрпелдинга (Институт процессуального права им. Макса Планка, г. Люксембург)

272. Прежде всего вступившее в дело данная третья сторона подчеркнула, что по различным историческим и правовым причинам в соответствии с общим международным правом понятия рабства, принудительного труда и подневольного состояния не были отделены друг от друга. Однако в соответствии с международным правом в области прав человека они рассматриваются в рамках отдельных положений, и их общий и безусловный запрет четко установлен. Что касается подхода Европейского Суда к указанным явлениям, третья сторона рассматривала его прецедентную практику как «модель постепенного перехода», в рамках которой рабство не считалось явлением, отличным от принудительного труда, но представляло собой его наиболее тяжкую форму, в то время как подневольное состояние являлось промежуточной формой насилия. По мнению третьей стороны, Европейский Суд обладал широкими пределами усмотрения при толковании определений, используемых в ранних документах, касающихся рабства, подневольного состояния и принудительного или обязательного труда, в контексте защиты отдельных прав человека.

273. Вступившая в дело третья сторона также утверждала, что три правовых понятия, упомянутых в статье 4 Конвенции (рабство, подневольное состояние и принудительный или обязательный труд), относились к различным формам эксплуатации человека, как следует из прецедентной практики Европейского Суда, изложенной в его Постановлении по делу «Силиадин против Франции» (Siliadin v. France) (жалоба № 73316/01, ECHR 2005-VII). При этом она отметила, что в упомянутом выше Постановлении по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (Rantsev v. Cyprus and Russia) Европейский Суд распространил сферу применения статьи 4 Конвенции на дополнительное понятие, а именно на торговлю людьми. По мнению третьей стороны, отсутствовали какие-либо сомнения в том, что понятие «торговля людьми» было в сущности связано с понятием «эксплуатация человека». Действительно, предосудительность торговли людьми следует из ее цели, а именно жестокой эксплуатации людей. Таким образом, отсутствовали какие-либо сомнения в том, что подобные действия попадают под сферу применения статьи 4 Конвенции. Однако третья сторона утверждала, что доводы Европейского Суда в упомянутом выше Постановлении по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (Rantsev v. Cyprus and Russia) были

непоследовательны, поскольку он смешивал понятия «торговля людьми» и «рабство». Кроме того, принимая во внимание подход, принятый в указанном Постановлении, третья сторона отмечала, что в объем указанных понятий входили многочисленные неопределенные факторы, касающиеся, в частности, степени тяжести, присущей конкретным действиям.

274. Вступившая в дело третья сторона также указала, что международное определение торговли людьми не определяет сексуальную эксплуатацию. В частности, в ходе подготовительной работы по Палермскому протоколу некоторые национальные делегации хотели провести различие между потерпевшими от проституции и теми, кто решил заниматься проституцией добровольно. В итоге было решено оставить данное понятие без определения. Однако, в конце концов, УНП ООН попыталось дать определение понятию «эксплуатация проституции других лиц», но связало его с проблемой незаконности в соответствии с законодательством отдельных государств (см. выше § 117). По мнению вступившей в дело третьей стороны, в результате этого возникли проблема рассуждений по замкнутому кругу и риск того, что государства через свое внутреннее законодательство смогут воспрепятствовать квалификации конкретной ситуации как эксплуатации. По мнению третьей стороны, с точки зрения международного права в области прав человека это неприемлемо, в связи с чем Европейскому Суду необходимо прибегнуть к доктрине автономных понятий для определения понятия «эксплуатация».

275. Наконец, третья сторона подчеркнула, что понятие «принуждение к проституции» является аналогичным, но на практике отличается от изнасилования или сексуального рабства. Понятие «принуждение к проституции» подразумевает финансовую выгоду для правонарушителя. По мнению вступившей в дело третьей стороны, Европейскому Суду предоставлена возможность сделать выводы из определения принуждения к проституции в международном уголовном праве, чтобы определить это понятие в международном праве в области прав человека.

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Вводные замечания

276. До настоящего времени у Европейского Суда не было достаточных возможностей рассмотреть вопрос о том, в какой степени обращение, связанное с торговлей людьми и/или эксплуатацией проституции, попадает под действие Конвенции. При этом внимание к торговле людьми и эксплуатации проституции как к мировым явле-

ниям в последние годы значительно возросло. Как показывает обзор международных документов, различные международно-правовые документы и контрольные механизмы были посвящены этим вопросам и выработали основные постулаты для их эффективного предотвращения и пресечения.

277. С учетом доводов сторон и комментариев третьих сторон настоящее дело позволяет Европейскому Суду прояснить некоторые аспекты своей прецедентной практики в отношении торговли людьми в целях эксплуатации проституции. Оно также требует, чтобы Европейский Суд рассмотрел утверждение, содержащееся в § 54 Постановления Палаты Европейского Суда, согласно которому «торговля людьми, а также эксплуатация проституции... попадают в сферу действия статьи 4 Конвенции» (выделено нами¹).

278. Европейский Суд перейдет к вопросу о сфере действия статьи 4 Конвенции в ее материально-правовом аспекте. В связи с этим он сначала осуществит обзор соответствующих стандартов, относящихся к трем понятиям, упомянутым в статье 4 Конвенции (рабство, подневольное состояние и принудительный или обязательный труд). Затем он рассмотрит вопрос о торговле людьми в соответствии со статьей 4 Конвенции. Наконец, Европейский Суд обратится к вопросу об «эксплуатации проституции» согласно указанному положению Конвенции. Далее он рассмотрит позитивные обязательства государств в соответствии со статьей 4 Конвенции.

2. Сфера действия статьи 4 Конвенции

(а) Три понятия, упомянутые в статье 4 Конвенции

279. В статье 4 Конвенции используются три понятия: рабство, подневольное состояние и принудительный или обязательный труд. Однако, как Европейский Суд уже отмечал в своей прецедентной практике, Конвенция не содержит определения ни одного из них (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ван дер Мюсселе против Бельгии» (Van der Musselle v. Belgium) от 23 ноября 1983 г., § 32, Series A, № 70, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Силиадин против Франции» (Siliadin v. France), §§ 121–125). Таким образом, в целях определения сферы действия статьи 4 Конвенции в ее материально-правовом аспекте Европейский Суд будет руководствоваться различными документами международного права, в которых рассматриваются данные понятия.

280. В своей ранней прецедентной практике, касающейся понятия «рабство», Европейский Суд ссылаясь на Конвенцию о пресечении работор-

¹ Так в тексте (примеч. редактора).

говли и рабства от 1927 года, в которой рабство определяется как «положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности». Что касается понятия «подневольное состояние», Европейский Суд принял во внимание предыдущую прецедентную практику Европейской комиссии по правам человека и Конвенцию о пресечении работорговли и рабства от 1956 года, согласно которой данное понятие было связано с «особо тяжелой формой отказа в свободе» и охватывало «в дополнение к обязательству оказывать определенные услуги другим лицам... обязательство “раба” проживать в помещении, принадлежащем другому лицу, и невозможность изменить свое положение». В целом с учетом указанных элементов Европейский Суд постановил, что понятие «подневольное состояние» следует понимать как «обязанность оказывать услуги, которая возлагается с помощью применения принуждения» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Силиадин против Франции» (*Siliadin v. France*), §§ 122–125). Также отмечалось, что подневольное состояние соответствует принудительному или обязательному труду «с отягчающими обстоятельствами» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «С.Н. и V. против Франции» (*C.N. and V. v. France*), §§ 89–91).

281. Что касается определения «принудительный или обязательный труд», в упомянутом выше Постановлении по делу «Ван дер Мюсселе против Бельгии» (*Van der Mussele v. Belgium*), § 32, Европейский Суд отметил, что в различных документах Совета Европы, относящихся к подготовительной работе по Конвенции, отсутствуют четкие указания по данному вопросу. Однако Европейский Суд счел очевидным, что текст статьи 4 Конвенции в значительной степени основан на Конвенции МОТ № 29. Таким образом, ввиду того, что указанный правовой документ является обязательным практически для всех государств – членов Совета Европы, Европейский Суд решил, что определение «принудительного или обязательного труда», данное МОТ, следует рассматривать как исходное положение для толкования статьи 4 Конвенции (см. также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «С.Н. и V. против Франции» (*C.N. and V. v. France*), §§ 115–116, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штуммер против Австрии» (*Stummer v. Austria*), жалоба № 37452/02, § 117, *ECHR* 2011, в котором Европейский Суд недавно подтвердил данный подход). Согласно указанному определению под «принудительным или обязательным трудом» понимается всякая работа или услуга, требуемая от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой такое лицо не предложило добровольно своих услуг (см. выше §§ 140–143).

282. Исходя из определения МОТ, относительно понятия «труд» в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Конвенции Европейский Суд подчеркнул, что его следует понимать в более широком смысле как «всякая работа или услуга». В отношении «принудительного или обязательного» характера такого труда Европейский Суд отметил, что прилагательное «принудительный» наводит на мысли о физических или психологических ограничениях, а второе прилагательное («обязательный») относится к ситуации, когда работа «требовалась... под угрозой какого-либо наказания» или выполнялась против воли соответствующего лица. Иными словами, речь идет о работе, «для которой такое лицо не предложило добровольно своих услуг». Европейский Суд также пояснил, что понятие «наказание» следует понимать широко как «всякое» или «любое» наказание. Кроме того, Европейский Суд подчеркивал, что при наличии риска, сопоставимого с «угрозой наказания», относительную значимость следует придавать доводу о «предварительном согласии» на осуществление деятельности (см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Ван дер Мюсселе против Бельгии» (*Van der Mussele v. Belgium*), §§ 34–37, «Силиадин против Франции» (*Siliadin v. France*), §§ 115–117, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штуммер против Австрии» (*Stummer v. Austria*), § 117, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Човдури и другие против Греции» (*Chowdury and Others v. Greece*), §§ 90–91).

283. В своей дальнейшей прецедентной практике Европейский Суд дополнительно уточнил некоторые элементы понятия «принудительный или обязательный труд», изложенные в упомянутом выше Постановлении по делу «Ван дер Мюсселе против Бельгии» (*Van der Mussele v. Belgium*). В частности, в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Силиадин против Франции» (*Siliadin v. France*) (§§ 114–120), в котором Европейский Суд был призван уточнить, в какой степени обращение, по существу связанное с торговлей людьми, относится к сфере действия статьи 4 Конвенции, Европейский Суд сослался на понятие «принудительный или обязательный труд», сформулированное в упомянутом выше деле «Ван дер Мюсселе против Бельгии» (*Van der Mussele v. Belgium*), и пришел к выводу, что понятие «наказание» охватывает любую эквивалентную ситуацию с точки зрения воспринимаемой серьезности угрозы. Что касается вопроса «согласия» на оспариваемую работу, Европейский Суд сослался на отсутствие выбора.

284. Кроме того, в упомянутом выше Постановлении по делу «С.Н. и V. против Франции» (*C.N. and V. v. France*) (§ 77), ссылаясь на доклад МОТ, Европейский Суд разработал понятие «наказание», пояснив, что оно «может доходить до физического

насилия или ограничения, но может принимать и более тонкие формы психологического характера, например, угрозы доноса на потерпевших в полицию или иммиграционные власти, если статус их занятости является незаконным».

285. В упомянутом выше недавнем Постановлении по делу «Човдури и другие против Греции» (*Chowdury and Others v. Greece*) (§ 96) Европейский Суд выработал понятие «согласие», подчеркнув, что «в случаях, когда работодатель злоупотребляет своей властью или использует уязвимость своих работников в целях их эксплуатации, они не предлагают свои услуги добровольно». Таким образом, Европейский Суд подчеркнул, что «предварительного согласия потерпевшего недостаточно для того, чтобы исключить квалификацию работы как принудительного труда», и что «вопрос о том, предлагает ли человек свои услуги добровольно, является вопросом факта, который должен быть рассмотрен с учетом всех значимых обстоятельств дела».

(b) Торговля людьми в соответствии со статьей 4 Конвенции

286. Наиболее важные изменения в прецедентной практике Европейского Суда по вопросу о торговле людьми в целях сексуальной эксплуатации произошли после вынесения упомянутого выше Постановления по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*). Дело касалось предполагаемой торговли людьми и смерти молодой женщины, гражданки Российской Федерации, которая была завербована для работы в качестве «артистки кабаре» на Кипре (что различные организации осуждали каккрытие проституции) и которая затем умерла при подозрительных обстоятельствах после конфликта с человеком, на которого она работала. В той степени, в которой это имеет отношение к настоящему делу, в деле «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» были подняты вопросы в соответствии со статьей 4 Конвенции.

287. В частности, в связи с этим Европейский Суд отметил, что в указанном положении Конвенции торговля людьми не упоминалась. При этом, кратко изложив положения различных международных документов в области торговли людьми, Европейский Суд сослался на следующие принципы толкования Конвенции:

«273. Европейский Суд никогда не рассматривал положения Конвенции как единственный источник для толкования прав и свобод, предусмотренных ею (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Демир и Байкара против Турции» (*Demir and Baykara v. Turkey*) от 12 ноября 2008 г., жалоба № 34503/97, § 67). Он указывал, что один из основных принципов применения положений Конвенции заключается в том, что он не применяет их в вакууме (см. Постановление Европейского Суда по делу

«Лоизиду против Турции» (*Loizidou v. Turkey*) от 18 декабря 1996 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Ocalan v. Turkey*), жалоба № 46221/99, § 163, *ECHR* 2005-IV). В качестве международного договора Конвенция должна толковаться с учетом правил толкования, содержащихся в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.

274. В соответствии с указанной Конвенцией Европейский Суд должен установить обычное значение, придаваемое словам в их контексте и с учетом объекта и цели положения, в котором они содержатся (см. Постановление Европейского Суда по делу «Голдер против Соединенного Королевства» (*Golder v. United Kingdom*) от 21 февраля 1975 г., § 29, Series A, № 18, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (*Loizidou v. Turkey*), § 43, и пункт 1 статьи 31 Венской конвенции). Европейский Суд должен принять во внимание, что контекст положения принадлежит договору, направленному на эффективную защиту индивидуальных прав человека, и что Конвенция должна восприниматься как единое целое и толковаться таким образом, чтобы обеспечивать внутреннюю согласованность и гармонию различных ее положений (см. Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стек и другие против Соединенного Королевства» (*Stec and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, § 48, *ECHR* 2005-X). Следует также учитывать относимые правила и принципы международного права, применимые в отношениях между Договаривающимися Сторонами, и Конвенция должна, насколько это возможно, толковаться в гармонии с иными нормами международного права, частью которого она является (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Адсани против Соединенного Королевства» (*Al-Adsani v. United Kingdom*), жалоба № 35763/97, § 55, *ECHR* 2001-XI, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Демир и Байкара против Турции» (*Demir and Baykara v. Turkey*), § 67, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. United Kingdom*), жалоба № 13229/03, § 62, *ECHR* 2008-... и подпункт «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции).

275. Наконец, Европейский Суд подчеркивает, что объект и цель Конвенции как инструмента защиты прав отдельных лиц требуют, чтобы ее положения толковались и применялись таким образом, чтобы сделать ее гарантии практическими и эффективными (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Сёринг против Соединенного Королевства» (*Soering v. United Kingdom*) от 7 июля 1989 г., § 87, Series A, № 161, и Постановление Европейского Суда по делу «Артико против Италии» (*Artico v. Italy*) от 13 мая 1980 г., § 33, Series A, № 37»).

288. Европейский Суд также отметил, что отсутствие прямого указания на торговлю людьми в Конвенции неудивительно с учетом того, что Конвенция была принята под влиянием Всеобщей

декларации прав человека, которая запрещала только «рабство и работорговлю во всех их формах». При этом он подчеркнул, что при оценке сферы применения статьи 4 Конвенции не следует упускать из виду особые характеристики Конвенции и тот факт, что она представляет собой живой инструмент, который должен толковаться с учетом современных условий. Кроме того, необходимы все более высокие стандарты в сфере защиты прав человека и основных свобод, которые неизбежно требуют большей твердости при оценке нарушений фундаментальных ценностей демократического общества (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), § 277).

289. Европейский Суд также отметил, что «с учетом распространения самой торговли людьми и мер по борьбе с нею Европейский Суд считает целесообразным в настоящем деле рассмотреть пределы, в которых торговля людьми сама по себе может считаться противоречащей духу и цели статьи 4 Конвенции, чтобы относиться к сфере действия гарантий, предусмотренных указанной статьей, без необходимости оценки того, какой из трех видов запрещенного поведения охватывается конкретным обращением в рассматриваемом деле» (см. *ibid.*, § 279). Наконец, Европейский Суд пришел к следующему выводу:

«282. Не может быть сомнения в том, что торговля людьми угрожает человеческому достоинству и основным свободам потерпевших и не может считаться совместимой с демократическим обществом и ценностями, указанными в Конвенции. С учетом обязанности толковать Конвенцию сквозь призму современных условий Европейский Суд не считает необходимым устанавливать, составляет ли обжалуемое заявителем обращение “рабство”, “подневольное состояние” или “принудительный и обязательный труд”. Вместо этого Европейский Суд заключает, что торговля людьми сама по себе в значении пункта “а” статьи 3 Палермского протокола и пункта “а” статьи 4 Конвенции о противодействии торговле людьми относится к сфере действия статьи 4 Конвенции...».

290. Таким образом, из упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*) следует, что оспариваемые действия могут поднять вопрос о торговле людьми в соответствии со статьей 4 Конвенции только при наличии всех составных элементов (деяние, средства, цель) международного определения торговли людьми (см. выше §§ 113–114 и 155–156). Иными словами, в соответствии с принципом гармоничного толкования Конвенции и других инструментов международного права (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Демир и Байкара против Турции» (*Demir and Baykara v. Turkey*), жало-

ба № 34503/97, § 67, *ECHR* 2008), и ввиду того, что в самой Конвенции понятие «торговля людьми» не определено, действия или ситуацию можно охарактеризовать как торговлю людьми только в том случае, если они отвечают критериям, установленным в отношении данного явления в международном праве.

291. Европейский Суд также отмечает, что в последующих делах, регулярно ссылаясь на принципы, касающиеся торговли людьми, изложенные в упомянутом выше Постановлении по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), он пытался пояснить, каким образом такое явление, как торговля людьми, относится к сфере действия статьи 4 Конвенции. Например, в упомянутом выше Постановлении по делу «J. и другие против Австрии» (*J. and Others v. Austria*) Европейский Суд указал, что установленные элементы торговли людьми, обращение с людьми как с товаром, тщательное наблюдение, ограничение движения, применение насилия и угроз, ненадлежащие условия труда и быта, а также небольшая оплата или отсутствие оплаты присущи всем трем категориям, упомянутым в статье 4 Конвенции. Аналогичным образом в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Човдури и другие против Греции» (*Chowdury and Others v. Greece*) (§ 93) Европейский Суд подчеркнул, что «эксплуатация через работу является одной из форм эксплуатации, которая попадает под определение торговли людьми, и это подчеркивает неразрывную связь между принудительным или обязательным трудом и торговлей людьми».

292. Принимая во внимание вышеуказанные замечания, понятие «торговля людьми», по мнению Европейского Суда, может быть надлежащим образом включено в сферу действия статьи 4 Конвенции. Действительно, учитывая особые характеристики Конвенции как договора о правах человека и тот факт, что она представляет собой живой инструмент, который следует толковать в свете современных условий (см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хамтоху и Аксенчик против Российской Федерации» (*Khamtokhu and Aksenchik v. Russia*) от 24 января 2017 г., жалобы №№ 60367/08 и 961/11¹, § 73), имеются достаточные основания принять утверждение, сделанное в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*) о том, что торговля людьми как мировое явление противоречит духу и цели статьи 4 Конвенции и, следовательно, относится к сфере действия гарантий, предусмотренных указанной статьей Конвенции.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 3 (примеч. редактора).

293. Данный вывод также находит подтверждение в сравнении основных элементов понятий, перечисленных в статье 4 Конвенции, в толковании прецедентной практики Европейского Суда (см. выше §§ 279–285) и составных элементов явления торговли людьми (см. выше §§ 113–117 и 155–162). Кроме того, подобный подход к явлению торговли людьми убедительно изложен в материалах МОТ (см. выше §§ 144–145), которые традиционно играют ключевую роль в наполнении объема гарантий по статье 4 Конвенции (см. выше § 281). Также необходимо подчеркнуть, что из материалов сравнительного права, имеющихся в распоряжении Европейского Суда, следует, что торговля людьми повсеместно признана в качестве тяжкого преступления, которое охватывает, *inter alia*, сексуальную эксплуатацию. Действительно, все 39 государств – членов Совета Европы, в отношении которых имеется сравнительная информация, установили уголовную ответственность за торговлю людьми (см. выше § 210).

294. При этом следует отметить, что существует очевидная разница между положениями Палермского протокола и Конвенции о противодействии торговле людьми в том, что касается сферы их применения: последняя применима ко всем формам торговли людьми, будь то на национальном или транснациональном уровне, как связанным, так и не связанным с организованной преступностью, тогда как Палермский протокол касается транснациональной торговли людьми с участием организованной преступной группы (см. выше §§ 119 и 162). В связи с этим необходимо, чтобы Европейский Суд разъяснил свою позицию по данному вопросу.

295. По мнению Европейского Суда, следует придерживаться подхода, принятого в рамках Конвенции о противодействии торговле людьми, по нескольким причинам. Во-первых, это продиктовано тем, что исключение группы потерпевших от действий, охарактеризованных как торговля людьми в соответствии с Конвенцией о противодействии торговле людьми, из сферы защиты, предусмотренной Конвенцией, будет противоречить предмету и цели Конвенции как инструмента для защиты отдельных лиц, требующего толкования и применения его положений таким образом, который сделает предусмотренные им гарантии практическими и эффективными (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гюзельюртлу и другие против Кипра и Турции» (*Güzelyurtlu and Others v. Cyprus and Turkey*) от 29 января 2019 г., жалоба № 36925/07¹, § 234). В связи с этим необходимо отметить, что, как следует из международных документов и как указала одна из вступивших в дело третьих сто-

рон (см. выше § 269), в настоящее время торговля людьми внутри страны является наиболее распространенной формой торговли людьми. Во-вторых, Европейский Суд уже приходил к выводу, что позитивные обязательства государств – членов Совета Европы в соответствии со статьей 4 Конвенции должны толковаться в свете Конвенции о противодействии торговле людьми (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Човдури и другие против Греции» (*Chowdury and Others v. Greece*), § 104). В-третьих, ограниченный объем определения Палермского протокола относительно, поскольку при его прочтении во взаимосвязи с документом, на основе которого он был принят (КПТОП), он фактически запрещает торговлю людьми независимо от транснационального элемента или участия организованной преступной группы (см. выше §§ 111 и 120).

296. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу, что с точки зрения статьи 4 Конвенции понятие «торговля людьми» охватывает торговлю людьми как на национальном, так и на транснациональном уровне, независимо от того, связана ли она с организованной преступностью или нет, в той степени, в которой в ней присутствуют составные элементы международного определения торговли людьми в соответствии с Конвенцией о противодействии торговле людьми и Палермским протоколом.

297. Данные действия или случаи торговли людьми относятся к сфере действия статьи 4 Конвенции. Однако это не исключает возможности того, что при конкретных обстоятельствах дела определенные действия, связанные с торговлей людьми, могут также вызывать вопросы в соответствии с иными положениями Конвенции (см., например, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «М. и другие против Италии и Болгарии» (*M. and Others v. Italy and Bulgaria*), §§ 106–107, а также выше § 241).

(с) «Эксплуатация проституции»
в соответствии со статьей 4 Конвенции

298. Прежде всего важно отметить, как подчеркнула вступившая в дело некоммерческая организация социального назначения «Другое право» (см. выше § 271), текущая дискуссия вокруг понятия «эксплуатация проституции» затрагивает некоторые достаточно деликатные вопросы, касающиеся подхода к проституции в целом. В частности, существуют разные, часто противоречивые взгляды на то, может ли проституция как таковая быть основана на согласии, или она в любом случае представляет собой форму принудительной эксплуатации. В данном контексте следует указать, что в разных правовых системах приняты различные подходы к проституции в зависимости от понимания проституции в соответствующем обществе (см. выше § 180).

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 5 (примеч. редактора).

299. В упомянутом выше Постановлении по делу «V.T. против Франции» (V.T. v. France) (§§ 24–27 и 35), единственному на настоящий момент делу, где затрагивался данный вопрос, Европейский Суд отметил существенные отличия в правовых системах в отношении подхода к проституции. В обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд не счел целесообразным вступать в дискуссию о том, противоречит ли проституция сама по себе, в частности, статье 3 Конвенции. Вместе с тем он подчеркнул, что проституция несовместима с принципом человеческого достоинства, если она принудительна. Европейский Суд постановил, что, если лицо было принуждено заниматься или продолжать заниматься проституцией, возникает вопрос в свете статьи 3 Конвенции. Аналогичным образом, что касается статьи 4 Конвенции, Европейский Суд решил, что в отсутствие принуждения заявительницы к продолжению занятий проституцией, нельзя считать, что ее заставляли заниматься «принудительным или обязательным трудом» по смыслу указанного положения Конвенции.

300. Ссылаясь на представленный выше анализ прецедентной практики по статье 4 Конвенции (см. выше §§ 281–285), Европейский Суд считает, что понятие «принудительный или обязательный труд» в соответствии со статьей 4 Конвенции направлено на защиту от случаев серьезной эксплуатации, таких как принудительная проституция, независимо от того, происходят ли такие случаи в конкретных обстоятельствах дела в особом контексте торговли людьми. Кроме того, в подобных действиях могут содержаться элементы, квалифицирующие их в качестве «подневольного состояния» или «рабства» в соответствии со статьей 4 Конвенции, или может быть затронут вопрос в соответствии с иным положением Конвенции (см. выше §§ 241 и 280).

301. В данном контексте важно подчеркнуть, что понятие «принуждение» может охватывать изощренные формы насильственных действий, как определено в прецедентной практике Европейского Суда по статье 4 Конвенции (см. выше §§ 281–285), а также в документах МОТ и в иных международных документах (см., в частности, выше §§ 141–144).

302. Европейский Суд также отмечает, что вопрос о том, имеются ли в конкретной ситуации все составные элементы «торговли людьми» (деяние, средства, цель) и/или возникает ли в конкретной ситуации отдельный вопрос о принудительной проституции, является вопросом факта, который должен быть рассмотрен с учетом всех значимых обстоятельств дела.

(d) Вывод относительно сферы действия статьи 4 Конвенции в ее материально-правовом аспекте

303. В заключение с учетом изложенных выше соображений Европейский Суд приходит к следующим выводам:

(i) торговля людьми относится к сфере действия статьи 4 Конвенции. Однако это не исключает возможности того, что в конкретных обстоятельствах дела определенные действия, связанные с торговлей людьми, могут также вызвать вопросы в соответствии с иными положениями Конвенции (см. выше § 297);

(ii) какие-либо действия или ситуацию можно квалифицировать как торговлю людьми в соответствии со статьей 4 Конвенции только при наличии всех составных элементов (деяние, средства, цель) международного определения торговли людьми, содержащегося в Конвенции о противодействии торговле людьми и в Палермском протоколе. В связи с этим с точки зрения статьи 4 Конвенции понятие «торговля людьми» охватывает торговлю людьми как на национальном, так и на транснациональном уровне, независимо от того, связана ли она с организованной преступностью или нет (см. выше § 296);

(iii) понятие «принудительный или обязательный труд» в соответствии со статьей 4 Конвенции направлено на защиту от случаев серьезной эксплуатации, таких как принудительная проституция, независимо от того, происходят ли такие случаи в конкретных обстоятельствах дела в особом контексте торговли людьми. В подобных действиях могут содержаться элементы, квалифицирующие их в качестве «подневольного состояния» или «рабства» в соответствии со статьей 4 Конвенции, или может быть поднят вопрос в соответствии с иными положениями Конвенции (см. выше §§ 300–301);

(iv) вопрос о том, имеются ли в конкретной ситуации все составные элементы «торговли людьми» и/или возникает ли в конкретной ситуации отдельный вопрос о принудительной проституции, является вопросом факта, который должен быть рассмотрен с учетом всех значимых обстоятельств дела (см. выше § 302).

3. Позитивные обязательства государств в соответствии со статьей 4 Конвенции

(a) Объем позитивных обязательств государств в отношении торговли людьми и принудительной проституции

304. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что дела, связанные с торговлей людьми в соответствии со статьей 4 Конвенции, как правило, затрагивают вопрос о позитивных обязательствах государств в соответствии с Конвенцией. Действительно, заявители по подобным делам обычно являются потерпевшими от торговли людьми или действий, связанных с торговлей людьми, со стороны других частных лиц, действия которых не могут повлечь за собой непосредственную ответственность государства (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «J.

и другие против Австрии» (J. and Others v. Austria), §§ 108–109).

305. Характер и объем позитивных обязательств в соответствии со статьей 4 Конвенции исчерпывающим образом изложены в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (Rantsev v. Cyprus and Russia). Общие принципы, приведенные в указанном Постановлении, составляют основные подходы в существующей прецедентной практике и на текущий момент представляют собой соответствующие руководящие принципы Конвенции, в свете которых рассматриваются все дела о торговле людьми или связанные с этим дела. Указанные принципы гласят:

«283. Европейский Суд напоминает, что совместно со статьями 2 и 3 Конвенции статья 4 Конвенции воплощает одну из основных ценностей демократических обществ, образующих Совет Европы (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Силиадин против Франции” (Siliadin v. France), § 82). В отличие от большинства материально-правовых положений Конвенции, [пункт 1] статьи 4 Конвенции не предусматривает исключений, и отступления от нее в соответствии с пунктом 2 статьи 15 Конвенции не допускаются даже при наличии чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации.

284. При оценке наличия нарушения статьи 4 Конвенции должна учитываться существующая нормативная или регулятивная база (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Начова и другие против Болгарии” (Nachova and Others v. Bulgaria), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, § 93, ECHR 2005-VII). Европейский Суд полагает, что спектр гарантий, установленных в национальном законодательстве, должен быть достаточным для обеспечения практической и эффективной защиты прав потерпевших или потенциальных потерпевших от торговли людьми. Соответственно, в дополнение к уголовно-правовым мерам наказания лиц, занимающихся торговлей людьми, статья 4 Конвенции требует от государств-участников введения надлежащих мер, регулирующих направления деятельности, зачастую используемые для прикрытия торговли людьми. Кроме того, иммиграционные правила государств должны учитывать проблему поощрения, содействия торговле людьми и терпимости по отношению к ней (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу “Гуерра и другие против Италии” (Guerra and Others v. Italy) от 19 февраля 1998 г., §§ 58–60, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Z. и другие против Соединенного Королевства” (Z. and Others v. United Kingdom), жалоба № 29392/95, §§ 73–74, ECHR 2001-V, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Начова и другие против Болгарии” (Nachova and Others v. Bulgaria), §§ 96–97 и 99–102).

285. В Постановлении по делу “Силиадин против Франции” (Siliadin v. France) Европейский Суд подтвердил, что статья 4 Конвенции возлагает на государства-участников обязательство преду-

смотреть наказание и эффективно преследовать любое деяние, направленное на удержание лица в рабстве, подневольном состоянии или принудительном или обязательном труде (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Силиадин против Франции” (Siliadin v. France), §§ 89 и 112). В целях соблюдения данного обязательства государства-участники должны создать законодательную и административную основу для запрета торговли людьми и наказания за нее. Европейский Суд отмечает, что Палермский протокол и Конвенция о противодействии торговле людьми указывают на необходимость всеобъемлющего подхода в борьбе с торговлей людьми, который в дополнение к мерам по наказанию виновных включает в себя меры по предупреждению торговли людьми и по защите потерпевших (см. выше §§ 149 и 163). Из положений указанных двух актов следует, что государства-участники, включая почти все государства – члены Совета Европы, придерживаются мнения о том, что только сочетание мер, затрагивающих все три аспекта, может быть эффективным в борьбе против торговли людьми (см. также объяснения “Интерайтс” и Центра “Эй-Ай-Ар-И” в §§ 267 и 271 настоящего Постановления). Соответственно, обязанность предусмотреть наказание и преследовать торговлю людьми является только одним из аспектов общего обязательства государств-участников по борьбе с торговлей людьми. Пределы позитивных обязательств, вытекающих из статьи 4 Конвенции, должны быть рассмотрены в данном более широком контексте.

286. Как и статьи 2 и 3 Конвенции, статья 4 Конвенции может при определенных обстоятельствах требовать от государства принятия оперативных мер по защите потерпевшего или потенциального потерпевшего от торговли людьми (см., *mutatis mutandis*, [Постановление Европейского Суда по делу “Осман против Соединенного Королевства” (Osman v. United Kingdom) от 28 октября 1998 г., § 115, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VIII], и Постановление Европейского Суда по делу “Махмут Кая против Турции” (Mahmut Kaya v. Turkey), жалоба № 22535/93, § 115, ECHR 2000-III). Для возникновения позитивного обязательства о принятии оперативных мер при обстоятельствах конкретного дела должно быть установлено, что власти государства знали или должны были знать о наличии обстоятельств, порождающих обоснованное подозрение в том, что конкретное лицо подверглось или подвергается реальной и непосредственной угрозе торговли людьми или эксплуатации в значении пункта “а” статьи 3 Палермского протокола и пункта “а” статьи 4 Конвенции о противодействии торговле людьми. В случае утвердительного ответа непринятие властями целесообразных мер в пределах их полномочий по устранению ситуации или угрозы для данного лица будет являться нарушением статьи 4 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Осман против Соединенного Королевства” (Osman v. United Kingdom), §§ 116–117, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Махмут Кая против Турции” (Mahmut Kaya v. Turkey), §§ 115–116).

287. Однако, учитывая сложности поддержания порядка в современных обществах и оперативный

выбор, который должен быть сделан с точки зрения приоритетов и ресурсов, обязанность принимать оперативные меры должна толковаться способом, который не возлагает на власти невозможного или несоразмерного бремени (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Осман против Соединенного Королевства” (*Osman v. United Kingdom*), § 116). Для рассмотрения пропорциональности любого позитивного обязательства, возникающего в настоящем деле, существенно, что Палермский протокол, подписанный Кипром и Российской Федерацией в 2000 году, обязывает государства стремиться обеспечивать физическую безопасность потерпевших от торговли людьми на их территории и принимать всеобъемлющую политику и программы по профилактике торговли людьми и борьбе с нею (см. §§ 153–154 настоящего Постановления). Государства также должны обеспечить необходимую подготовку для должностных лиц правоохранительных и иммиграционных органов (см. § 155 настоящего Постановления).

288. Как и статьи 2 и 3 Конвенции, статья 4 Конвенции также влечет за собой процессуальное обязательство по расследованию случаев потенциальной торговли людьми. Требование о расследовании не зависит от жалобы потерпевшего или его ближайших родственников: как только ситуация попала в поле зрения властей, они должны действовать по собственной инициативе (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу “Пол и Одри Эдвардс против Соединенного Королевства” (*Paul and Audrey Edwards v. United Kingdom*), жалоба № 46477/99, § 69, *ЕCHR* 2002-II). Для того, чтобы расследование было эффективным, оно должно быть независимым от лиц, причастных к событиям. Оно также должно быть способно обеспечить установление личностей и наказание виновных в совершении преступления лиц, что составляет обязательство не результата, а средств. Требование о безотлагательности и разумной оперативности подразумевается во всех делах, но при наличии возможности устранить вредоносную для лица ситуацию расследование должно быть предпринято в срочном порядке. Потерпевший или его ближайшие родственники должны участвовать в процедуре в пределах, необходимых для защиты их законных интересов (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Пол и Одри Эдвардс против Соединенного Королевства” (*Paul and Audrey Edwards v. United Kingdom*), §§ 70–73).

306. Из вышеизложенного следует, что общие принципы, касающиеся позитивных обязательств по статье 4 Конвенции, охватывают (1) обязанность создать законодательную и административную основу для запрета торговли людьми и наказания за нее, (2) обязанность при определенных обстоятельствах принимать оперативные меры по защите потерпевших или потенциальных потерпевших от торговли людьми и (3) процессуальное обязательство по расследованию ситуаций потенциальной торговли людьми. В целом первые два аспекта позитивных обязательств могут быть обозначены как материально-правовые, тогда как тре-

тий аспект означает (позитивное) процессуальное обязательство государств.

307. В отношении последнего указанного обязательства, которое обсуждается в настоящем деле, будут даны более подробные пояснения ниже. Кроме того, учитывая концептуальную близость торговли людьми и принудительной проституции в соответствии со статьей 4 Конвенции, Европейский Суд считает, что соответствующие принципы, касающиеся торговли людьми, применимы и в случаях, связанных с принудительной проституцией (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «С.Н. против Соединенного Королевства» (*C.N. v. United Kingdom*), §§ 65–69, в котором затрагивался вопрос о подневольном состоянии в домашних условиях).

(b) Процессуальные обязательства государств в отношении торговли людьми и принудительной проституции

308. Процессуальные обязательства в соответствии со статьей 4 Конвенции в качестве элемента более широкого понятия позитивных обязательств в сущности связаны с обязанностью органов власти государства-ответчика применить на практике имеющиеся уголовно-правовые механизмы в целях запрета действий, противоречащих указанному положению Конвенции, и наказания за их совершение (см., например, упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), § 288, и «Човдури и другие против Греции» (*Chowdury and Others v. Greece*), § 116). Как будет подробно изложено ниже, это влечет за собой требование провести эффективное расследование утверждений об обращении, противоречащем статье 4 Конвенции.

309. Содержание данного процессуального обязательства, касающегося случаев торговли людьми, было изложено в общем виде в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*) (§ 288). Оно во многом основано на сложившейся прецедентной практике Европейского Суда в отношении процессуальных обязательств органов власти государств-ответчиков, которые были выработаны в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции (см. выше § 305). Действительно, в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Силиадин против Франции» (*Siliadin v. France*) (§ 89) сближающиеся принципы процессуального обязательства в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мокану и другие против Румынии» (*Mocanu and Others v. Romania*), жалоба № 10865/09 и две другие жалобы, § 314,

ECHR 2014 (извлечения)) традиционно определяли требования к процессуальному обязательству по статье 4 Конвенции (см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), § 288, «М. и другие против Италии и Болгарии» (*M. and Others v. Italy and Bulgaria*), §§ 157–158, «Л.Е. против Греции» (*L.E. v. Greece*), § 68, «J. и другие против Австрии» (*J. and Others v. Austria*), § 123, и «Човдури и другие против Греции» (*Chowdury and Others v. Greece*, § 116).

310. По мнению Европейского Суда, с учетом того, что статья 4 Конвенции совместно со статьями 2 и 3 Конвенции воплощает одну из основных ценностей демократических обществ, образующих Совет Европы (см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Силиадин против Франции» (*Siliadin v. France*), § 82, «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), § 283, а также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штуммер против Австрии» (*Stummer v. Austria*), § 116), отсутствуют основания для пересмотра данного устоявшегося подхода в отношении процессуального обязательства по статье 4 Конвенции. Кроме того, как отмечалось выше, указанные принципы соответственно применимы к случаям принудительной проституции (см. выше § 307).

311. Следовательно, принимая во внимание, что, как указано выше, процессуальное обязательство в соответствии со сближающимися принципами в рамках статей 2 и 3 Конвенции определяет специальное содержание процессуального обязательства по статье 4 Конвенции, а также с учетом того, что в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*) содержится указание только на самые общие аспекты данного обязательства (см. выше § 305), Европейский Суд считает важным изложить некоторые дополнительные принципы, сформированные в его прецедентной практике в этом отношении, в той степени, в которой это целесообразно и важно для настоящего дела.

312. В первую очередь следует отметить, что, хотя общий объем позитивных обязательств государства может различаться в случаях, когда к обращению, противоречащему Конвенции, причастны представители государства, и когда насилие применяют частные лица, процессуальные требования аналогичны (см. Постановление Европейского Суда по делу «Денис Васильев против Российской Федерации» (*Denis Vasilyev v. Russia*) от 17 декабря 2009 г., жалоба № 32704/04¹, § 100,

а также среди недавних примеров Постановление Европейского Суда по делу «Милена Фелича Думитреску против Румынии» (*Milena Felicia Dumitrescu v. Romania*) от 24 марта 2015 г., жалоба № 28440/07, § 52, и Постановление Европейского Суда по делу «Ованнисян против Армении» (*Hovhannisyann v. Armenia*) от 19 июля 2018 г., жалоба № 18419/13, § 55).

313. Указанные процессуальные требования касаются в первую очередь обязанности органов власти возбуждать и проводить эффективное расследование. Как поясняется в прецедентной практике Европейского Суда, это означает возбуждение и проведение расследования, способного привести к установлению фактов, выявлению и, если это целесообразно, наказанию виновных (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Йеронович против Латвии» (*Jeroničs v. Latvia*) от 5 июля 2016 г., жалоба № 44898/10², § 103, и Постановление Европейского Суда по делу «Цаликидис и другие против Греции» (*Tsalikidis and Others v. Greece*) от 16 ноября 2017 г., жалоба № 73974/14, § 86, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), § 288).

314. В связи с этим важно подчеркнуть, что в соответствии со своими процессуальными обязательствами органы власти должны действовать по собственной инициативе, как только о соответствующей ситуации им становится известно. В частности, они не вправе оставлять на усмотрение потерпевшего принятие ответственности за проведение каких-либо следственных действий (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*), жалоба № 23380/09³, § 119, *ECHR* 2015, и Постановление Европейского Суда по делу «Абдурахманова и Абдугамидова против Российской Федерации» (*Abdurakhmanova and Abdulgamidova v. Russia*) от 22 сентября 2015 г., жалоба № 41437/10⁴, § 76, см. также упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), § 288, «С.Н. против Соединенного Королевства» (*C.N. v. United Kingdom*), § 69, «Л.Е. против Греции» (*L.E. v. Greece*), § 68, «J. и другие против Австрии» (*J. and Others v. Austria*), § 107).

315. Процессуальное обязательство представляет собой требование наличия средств, а не достижения результата (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мустафа Тунч

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 2 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 6 (примеч. редактора).

³ См.: там же. № 2 (примеч. редактора).

⁴ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 5 (примеч. редактора).

и Фэджире Тунч против Турции» (Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey) от 14 апреля 2015 г., жалоба № 24014/05¹, § 173, и Постановление Европейского Суда по делу «Димитар Шопов против Болгарии» (Dimitar Shopov v. Bulgaria) от 16 апреля 2013 г., жалоба № 17253/07, § 48, см. также упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (Rantsev v. Cyprus and Russia), § 288, «С.Н. против Соединенного Королевства» (C.N. v. United Kingdom), § 69, «Л.Е. против Греции» (L.E. v. Greece), § 68, и «J. и другие против Австрии» (J. and Others v. Austria), § 107). Отсутствует абсолютное право добиваться уголовного преследования или осуждения какого-либо конкретного лица, если не было допущено виновного бездействия в попытках привлечь к ответственности лиц, виновных в совершении уголовных преступлений (см. Постановление Европейского Суда по делу «А, В и С против Латвии» (A, B and C v. Latvia) от 31 марта 2016 г., жалоба № 30808/11, § 149, с дополнительными ссылками). Таким образом, тот факт, что расследование завершилось без каких-либо конкретных результатов или только с ограниченными результатами, сам по себе не свидетельствует о наличии каких-либо недостатков (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Брекнелл против Соединенного Королевства» (Brecknell v. United Kingdom) от 27 ноября 2007 г., жалоба № 32457/04², § 66). Кроме того, процессуальное обязательство не должно толковаться таким образом, чтобы возлагать на органы государственной власти невозможное или несоразмерное бремя (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «J. и другие против Австрии» (J. and Others v. Austria), § 107).

316. Вместе с тем органы государственной власти должны принять все разумные меры для того, чтобы собрать доказательства и выяснить все обстоятельства дела. В частности, выводы расследования должны быть основаны на тщательном, объективном и беспристрастном анализе всех значимых элементов. Отказ следовать очевидному направлению расследования в значительной степени подрывает способность расследования установить обстоятельства дела и личности виновных (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хентшель и Штарк против Германии» (Hentschel and Stark v. Germany) от 9 ноября 2017 г., жалоба № 47274/15, § 94, с дополнительными ссылками, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «J. и другие против Австрии» (J. and Others v. Austria), § 107).

317. Что касается степени проверки со стороны Европейского Суда в этом отношении, важно под-

черкнуть, что, хотя Европейский Суд признал, что он должен проявлять осторожность при принятии на себя роли суда первой инстанции, рассматривающего факты, если это не является неизбежным ввиду обстоятельств конкретного дела, он обязан проводить «особенно тщательную проверку», даже если на внутрисударственном уровне уже были проведены расследования и судебные разбирательства (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (Bouyid v. Belgium), § 85, с дополнительными ссылками, а также Постановление Европейского Суда по делу «Акташ против Турции» (Aktaş v. Turkey), жалоба № 24351/94, § 271, ECHR 2003-V (извлечения), и Постановление Европейского Суда по делу «Y. против Словении» (Y. v. Slovenia), жалоба № 41107/10³, § 96, ECHR 2015 (извлечения)).

318. В контексте статей 2 и 3 Конвенции Европейский Суд приходил к выводу, что любой недостаток в расследовании, который подрывает его способность устанавливать обстоятельства дела или виновных лиц, может нарушить требуемую меру эффективности (см. в контексте статьи 2 Конвенции Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (Nachova and Others v. Bulgaria), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, § 113, ECHR 2005-VII, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Армани да Сильва против Соединенного Королевства» (Armani Da Silva v. United Kingdom) от 30 марта 2016 г., жалоба № 5878/08⁴, § 233, *in fine*, а также в контексте статьи 3 Конвенции упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Денис Васильев против Российской Федерации» (Denis Vasilyev v. Russia), § 100, и «Милена Фелича Думитреску против Румынии» (Milena Felicia Dumitrescu v. Romania), § 52). Однако в этом отношении невозможно свести разнообразие ситуаций, которые могут возникнуть, к простому перечню следственных действий или к иным упрощенным критериям (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мустафа Тунч и Фэджире Тунч против Турции» (Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey), § 176).

319. Иными словами, исполнение процессуального обязательства должно оцениваться на основе нескольких важных параметров (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (Bouyid v. Belgium), §§ 118–123, см. также упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Ранцев против Республики Кипр

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 8 (примеч. редактора).

² См.: Избранные постановления Европейского Суда. 2012. № 1 (примеч. редактора).

³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

⁴ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 3 (примеч. редактора).

и Российской Федерации» (Rantsev v. Cyprus and Russia), § 288, и «Човдури и другие против Греции» (Chowdury and Others v. Greece), §§ 89 и 116), включая указанные выше параметры (см. выше §§ 313–316). Данные элементы взаимосвязаны, и каждый из них, взятый в отдельности, не является самоцелью. Такие критерии в совокупности позволяют оценить степень эффективности расследования (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мустафа Тунч и Фэджире Тунч против Турции» (Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey), § 225, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николае Вирджилиу Тэнасе против Румынии» (Nicolae Virgiliu Tănase v. Romania) от 25 июня 2019 г., жалоба № 41720/13¹, § 171, см. также Постановление Европейского Суда по делу «Сарбянова-Пашалийска и Пашалийска против Болгарии» (Sarbyanova-Pashaliyska and Pashaliyska v. Bulgaria) от 12 января 2017 г., жалоба № 3524/14, § 37).

320. Изложенный выше подход в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции по существу совпадает с подходом, принятым Европейским Судом в упомянутом выше Постановлении по делу «Силиадин против Франции» (Siliadin v. France) (§ 130), в котором Европейский Суд подчеркнул, что возможные недостатки в соответствующих судебных разбирательствах и процесса принятия решений должны представлять собой существенные упущения, чтобы поднять вопрос в соответствии со статьей 4 Конвенции (см. также, например, Постановление Европейского Суда по делу «М.Г.С. против Румынии» (M.G.C. v. Romania) от 15 марта 2016 г., жалоба № 61495/11, §§ 60–61, касающееся сексуального насилия в соответствии со статьями 3 и 8 Конвенции). Иными словами, Европейский Суд не рассматривает утверждения об ошибках или отдельных упущениях, а занимается лишь существенными недостатками судебных разбирательств и соответствующего процесса принятия решений (см. соответствующий анализ в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции» (Söderman v. Sweden), жалоба № 5786/08, §§ 90–91, ECHR 2013), а именно недостатками, которые могут подорвать способность расследования устанавливать обстоятельства дела и личности виновных лиц.

4. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(а) Поднимают ли обстоятельства настоящего дела вопрос по статье 4 Конвенции

321. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что власти Хорватии оспаривали утверждение

о том, что обстоятельства настоящего дела поднимают вопрос по статье 4 Конвенции (см. выше §§ 230 и 238).

322. В связи с этим и с учетом доводов сторон, касающихся признания статуса заявительницы как потенциальной потерпевшей от торговли людьми (см. выше §§ 232 и 235), Европейский Суд в первую очередь считает необходимым уточнить, что административное признание статуса потенциальной потерпевшей от торговли людьми не может восприниматься как признание наличия элементов состава преступления в виде торговли людьми. Такой специальный режим для потенциальной потерпевшей от торговли людьми необязательно предполагает официальное подтверждение того, что преступление было установлено, и может не зависеть от обязанности органов власти провести расследование. Действительно, (потенциальные) потерпевшие нуждаются в поддержке даже до того, как факт совершения преступления в виде торговли людьми будет официально установлен, в противном случае это противоречило бы цели защиты потерпевших в делах о торговле людьми. Вопрос о том, имеются ли в наличии элементы состава преступления, должен быть разрешен в ходе последующего производства по уголовному делу (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «J. и другие против Австрии» (J. and Others v. Austria), § 115). В связи с этим Европейский Суд также подчеркивает необходимость защиты прав подозреваемых или обвиняемых, в частности, права на презумпцию невиновности и иные гарантии справедливого судебного разбирательства, предусмотренные статьей 6 Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шачашвили против Германии» (Schatschaschwili v. Germany), жалоба № 9154/10², §§ 101 и 103–104, ECHR 2015).

323. Следовательно, с учетом изложенных выше соображений Европейский Суд не может придавать решающее значение тому факту, что заявительница добилась административного признания Управлением по правам человека ее статуса потерпевшей от торговли людьми (см. выше § 85).

324. Что касается применимости защиты по статье 4 Конвенции к торговле людьми или принудительной проституции, Европейский Суд также отмечает, что, если жалоба заявителя по существу имеет процессуальный характер, как в настоящем деле, то Европейский Суд должен изучить, является ли при обстоятельствах конкретного дела жалоба заявительницы обоснованной или имелись ли *prima facie* доказательства (*commencement de preuve*) того, что она была подвергнута запрещенному обращению (см. в указанных целях упомянутые выше Постановления Европейского Суда

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. № 7 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 3 (примеч. редактора).

по делам «С.Н. против Соединенного Королевства» (С.Н. v. United Kingdom), § 72, и «J. и другие против Австрии» (J. and Others v. Austria), §§ 112–113, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (Rantsev v. Cyprus and Russia), § 288, в котором содержится указание на ситуацию «потенциальной торговли людьми»). Это по сути соответствует подходу Европейского Суда, принятому по другим делам, касающимся, в частности, статьи 3 Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хассан против Соединенного Королевства» (Hassan v. United Kingdom), жалоба № 29750/09, § 62, ECHR 2014, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (Bouyid v. Belgium), § 124, и Постановление Европейского Суда по делу «Беганович против Хорватии» (Beganović v. Croatia) от 25 июня 2009 г., жалоба № 46423/06, § 68).

325. В связи с этим вывод о том, возникло ли у властей государства-ответчика процессуальное обязательство, должен основываться на обстоятельствах, которые преобладали на момент соответствующих утверждений или на момент доведения до сведения органов государственной власти *prima facie* доказательств обращения, противоречащего статье 4 Конвенции, а не на последующем выводе, сделанном по завершении расследования или соответствующего судебного разбирательства (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «С.Н. против Соединенного Королевства» (С.Н. v. United Kingdom), § 72, а также см. для сравнения упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мустафа Тунч и Фэджире Тунч против Турции» (Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey), §§ 132–134, в отношении статьи 2 Конвенции, и Постановление Европейского Суда по делу «Алпар против Турции» (Alpar v. Turkey) от 26 января 2016 г., жалоба № 22643/07, § 42, в отношении статьи 3 Конвенции). Это особенно справедливо при наличии утверждений о том, что такие выводы и соответствующие судебные разбирательства на уровне государства-ответчика были омрачены существенными процессуальными недостатками. Действительно, ссылка на результаты и выводы, сделанные на внутригосударственном уровне, повлечет за собой риск возникновения рассуждений по замкнутому кругу. Это, в свою очередь, приведет к тому, что дело, касающееся обоснованной жалобы или *prima facie* доказательств обращения, противоречащего статье 4 Конвенции, останется вне контроля Европейского Суда в соответствии с Конвенцией.

326. В настоящем деле заявительница жаловалась в органы власти Хорватии на то, что Т.М. принуждал ее заниматься проституцией. Она пояс-

нила, каким образом он первоначально связался с ней через социальную сеть Facebook, представившись другом ее родителей, и пообещал помочь ей найти работу. Она также сказала, что у нее не было оснований подвергать сомнению намерения Т.М., и она продолжала обмениваться сообщениями с ним, в результате чего возникла первая ситуация, когда он настоял на том, чтобы она оказывала сексуальные услуги другим лицам. Как утверждала заявительница, в тот раз Т.М. уверил ее, что она будет делать это только до тех пор, пока он не найдет для нее подходящую работу. Однако, по словам заявительницы, впоследствии Т.М. начал оказывать на нее давление с помощью применения силы, угроз и постоянного контроля. Он также сделал необходимые приготовления для того, чтобы она могла оказывать сексуальные услуги, обеспечив ее жильем, транспортом и другими средствами, в частности, предоставив ей мобильный телефон и дав рекламу ее услуг. Заявительница также отметила, что Т.М. забирал у нее половину денег, которые она получала за оказание сексуальных услуг (см. выше §§ 12–17).

327. Предварительное расследование утверждений заявительницы со стороны полиции привело к обыску жилья Т.М. и его машины, в ходе которого полиция обнаружила презервативы, две автоматические винтовки, боеприпасы, ручную гранату и несколько мобильных телефонов (см. выше § 19). Кроме того, в ходе предварительного расследования было установлено, что Т.М. проходил обучение для службы в полиции и был осужден за склонение к занятию проституцией с применением принуждения и за изнасилование (см. выше §§ 20–21). На первом допросе Т.М. отрицал принуждение заявительницы к занятию проституцией, но признал, что однажды применил к ней силу, а также рассказал, что одолжил ей деньги на квартиру, которую она снимала (см. выше § 23). На основании жалобы заявительницы и результатов предварительного расследования Государственная прокуратура провела дополнительное расследование (см. выше §§ 24–37).

328. По мнению Европейского Суда, изложенные выше обстоятельства ясно свидетельствуют о том, что заявительница подала обоснованную жалобу и что в дополнение к этому имелись *prima facie* доказательства того, что она стала потерпевшей в результате обращения, противоречащего статье 4 Конвенции, как определено Европейским Судом (см. выше § 303).

329. Таким образом, личная ситуация заявительницы, несомненно, предполагала, что она относилась к уязвимой группе лиц (см. выше §§ 10 и 158), в то время как положение и опыт Т.М. позволяли предположить, что он мог занять доминирующее положение в отношении нее и злоупотреблять ее уязвимостью в целях эксплуатации проституции (см. выше §§ 20–21). Кроме того, средства, использованные Т.М., когда он предположительно впер-

вые связался с заявительницей и завербовал ее, также указывают на одно из средств, часто используемых лицами, которые занимаются торговлей людьми, для вербовки своих жертв. Это также относится и к предполагаемому обещанию трудоустройства, сопровождаемому убеждением заявительницы в том, что у нее нет причин для беспокойства (см. выше §§ 157–158).

330. Кроме того, утверждения заявительницы о том, что Т.М. сделал необходимые приготовления для того, чтобы она могла оказывать сексуальные услуги, обеспечив ее жильем и другими средствами, предполагают элементы укрывательства как одного из «деяний», составляющих торговлю людьми (см. выше §§ 113–114). Следует также отметить, что Т.М. признал применение силы в отношении заявительницы, что требовало тщательной и внимательной оценки в контексте такого элемента торговли людьми с целью эксплуатации проституции, как «средство». То же самое относится и к утверждению Т.М. о том, что он одолжил заявительнице денег, что поднимало вопрос о возможной долговой кабале как еще одного «средства» торговли людьми.

331. Необходимо также отметить, что вышеизложенные утверждения и обстоятельства, которые, в частности, предполагали, что Т.М. незаконно зарабатывал на оказании заявительницей сексуальных услуг в условиях, когда он, вероятно, занимал доминирующее положение по отношению к ней и прибегал к силе, угрозам и иным формам принуждения, в любом случае давали основания для подачи обоснованной жалобы и наличия *prima facie* доказательств принудительной проституции, которая сама по себе запрещена в соответствии со статьей 4 Конвенции (см. выше § 300).

332. Таким образом, по мнению Европейского Суда, заявительница представила обоснованную жалобу, и имелись *prima facie* доказательства того, что она была подвергнута обращению, противоречащему статье 4 Конвенции, торговле людьми и/или принудительной проституции, что в свою очередь повлекло за собой возникновение у органов власти Хорватии процессуальных обязательств в соответствии с указанной статьей (см. для сравнения упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «С.N. против Соединенного Королевства» (С.N. v. United Kingdom), § 72). Следовательно, Европейский Суд отклоняет предварительное возражение властей Хорватии относительно применимости статьи 4 Конвенции, рассмотрение которого он объединил с рассмотрением жалобы по существу (см. выше § 238).

(b) *Исполнение процессуального обязательства, предусмотренного статьей 4 Конвенции*

333. Европейский Суд напоминает, что жалоба заявительницы имеет процессуальный характер

(см. выше § 229). Соответственно, принимая во внимание объем позитивных обязательств государства-ответчика (см. выше § 306), в настоящем деле Европейский Суд рассмотрит жалобу заявительницы на недостаточное реагирование властей Хорватии на ее утверждения о торговле людьми и/или о принудительной проституции.

334. При проведении такой оценки Европейский Суд проанализирует наличие существенных ошибок или недостатков в соответствующих судебных разбирательствах и в процессе принятия решений на внутригосударственном уровне (см. выше § 320). В частности, Европейский Суд оценит, были ли утверждения заявительницы в соответствии со статьей 4 Конвенции надлежащим образом расследованы и подвергнуты тщательной проверке согласно применимым стандартам прецедентной практики Европейского Суда (см. выше §§ 317–320).

335. При этом следует отметить, что заявительница ясно не сформулировала свои жалобы в отношении соответствующих процессуальных недостатков и упущений, что послужило причиной возникновения вопроса о пределах рассмотрения дела в Европейском Суде. Соответственно, учитывая свои выводы относительно пределов рассмотрения дела (см. выше §§ 227–229), Европейский Суд, хотя и может принять во внимание конкретные процессуальные упущения, которые он считает значимыми в контексте общей оценки жалобы заявительницы, в настоящем деле он должен проявить осторожность при оценке исполнения властями государства-ответчика их процессуального обязательства, предусмотренного статьей 4 Конвенции. В любом случае согласно вышеизложенным общим принципам Европейский Суд сосредоточит свое внимание только на существенных недостатках процессуального реагирования властей Хорватии на утверждения заявительницы о торговле людьми и/или о принудительной проституции, а именно на тех, которые могли подорвать способность расследования установить соответствующие обстоятельства дела (см. выше § 320).

336. В настоящем деле, хотя органы, осуществлявшие уголовное преследование, а именно полиция и соответствующие органы Государственной прокуратуры, незамедлительно отреагировали на утверждения заявительницы в отношении Т.М., в ходе расследования они не следовали некоторым очевидным направлениям следствия, которые могли бы прояснить обстоятельства дела и установить истинный характер отношений между заявительницей и Т.М. Как указано выше, такое требование следует из процессуального обязательства органов государственной власти и не зависит от инициативы заявителя принимать на себя ответственность за проведение каких-либо следственных действий (см. выше § 314, а также Постановление Европейского Суда по делу «Михайлов против Эстонии» (Mihhailov v. Estonia)

от 30 августа 2016 г., жалоба № 64418/10, § 126). Действительно, поскольку органы, осуществлявшие уголовное преследование, находятся при проведении расследования в лучшем положении, чем потерпевшие, любые действия или бездействие со стороны потерпевшего не могут оправдывать бездействие со стороны органов, осуществляющих уголовное преследование (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Аслани против Македонии» (*Asllani v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*) от 10 декабря 2015 г., жалоба № 24058/13, § 62, *in fine*).

337. В связи с этим, например, следует отметить, что отсутствуют какие-либо признаки того, что органы, осуществлявшие уголовное преследование, предприняли какие-либо попытки выяснить обстоятельства общения заявительницы и Т.М. через Facebook, хотя, как отмечалось выше, такое общение представляет собой один из признанных способов, которые лица, занимающиеся торговлей людьми, используют для вербовки своих жертв. Действительно органы, осуществлявшие уголовное преследование, не пытались проверить учетные записи заявительницы или Т.М. в социальной сети Facebook и выяснить таким образом характер первых контактов заявительницы и Т.М. и их последующей переписки. Кроме того, имеющиеся доказательства свидетельствуют о том, что Т.М. использовал Facebook, чтобы угрожать заявительнице после того, как она ушла от него (см. выше §§ 37 и 67), но отсутствуют какие-либо указания на то, что органы государственной власти предприняли действия в этом направлении, чтобы установить реальный характер их отношений, а также определить, предполагали ли такие угрозы использование средств принуждения со стороны Т.М.

338. Кроме того, ни в ходе расследования, ни после того, как соответствующая информация стала известна в ходе судебного разбирательства, органы, осуществлявшие уголовное преследование, не рассматривали вопрос о получении показаний от родителей заявительницы, в частности, от ее матери. Однако мать заявительницы, по-видимому, ранее имела контакты и трудности в отношениях с Т.М., что Т.М., по имеющимся доказательствам, использовал в качестве одного из средств давления и угроз в отношении заявительницы (см. выше §§ 62, 67 и 73).

339. Органы, осуществлявшие уголовное преследование, также не пытались установить личность и допросить собственницу квартиры, где заявительница проживала с Т.М., чтобы выяснить обстоятельства, при которых квартира была арендована, и, таким образом, узнать, кто на самом деле арендовал квартиру, что могло иметь значение для установления факта потенциального «укрывательства» как элемента торговли людьми. Кроме того, хотя позднее в ходе производства по делу заявительница утверждала, что собственница

квартиры иногда приходила и осматривала квартиру (см. выше § 63), Государственная прокуратура не пыталась допросить собственницу квартиры, чтобы выяснить ее мнение об атмосфере в квартире и об отношениях между заявительницей и Т.М. в критический период.

340. Также следует отметить, что органы, осуществлявшие уголовное преследование, не установили личности и не допросили ни одного из соседей. Соседи также, вероятно, могли бы сообщить информацию об обстоятельствах проживания заявительницы и Т.М. в квартире, в частности, в связи с тем, выходила ли заявительница из квартиры и как часто, выходила ли она одна или вместе с Т.М., а также покидал ли Т.М. квартиру и как часто. Указанные сведения могли бы уточнить утверждения заявительницы относительно обстоятельств, при которых она находилась под контролем Т.М. во время их нахождения в квартире. При этом предполагается, что сам факт того, что заявительница периодически выходила из квартиры, не позволяет с точностью утверждать, что Т.М. не применял к ней принуждение (см. для сравнения упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Силиадин против Франции» (*Siliadin v. France*), § 127).

341. С учетом изложенных выше недостатков следует отметить, что, помимо обыска квартиры и автомобиля Т.М., а также допроса заявительницы и Т.М., единственным следственным действием, которое предприняли органы, осуществлявшие уголовное преследование, был допрос подруги заявительницы М.И. (см. выше §§ 32–37). Однако показания, которые она дала в ходе расследования и судебного разбирательства, в некоторых частях противоречили информации, представленной заявительницей. Более того, из показаний М.И. следовало, что основными лицами, у которых имелись сведения о предполагаемом побеге заявительницы от Т.М., были ее (М.И.) мать и молодой человек (см. выше §§ 33 и 66).

342. Весте с тем органы, осуществлявшие уголовное преследование, не пытались допросить мать и молодого человека М.И., которые могли бы сообщить подробную информацию о предполагаемом побеге заявительницы от Т.М., и показания которых могли бы подтвердить последовательность утверждений М.И. и достоверность ее устных показаний. То же самое относится к противоречивым показаниям заявительницы и М.И. в отношении обстоятельств, при которых заявительница забирала свои вещи из квартиры, где она проживала вместе с Т.М., что можно было прояснить, допросив собственницу квартиры. Тем не менее, как указано выше, органы, осуществлявшие уголовное преследование, не пытались допросить собственницу квартиры.

343. По мнению Европейского Суда, изложенные выше факты позволяют предположить, что органы, осуществлявшие уголовное преследова-

ние, не провели эффективного расследования всех важных обстоятельств дела и не следовали некоторым очевидным направлениям следствия, чтобы собрать имеющиеся доказательства в соответствии с их процессуальным обязательством по статье 4 Конвенции. Вместо этого они в значительной степени опирались на показания заявительницы и, таким образом, по существу создали ситуацию, когда в ходе дальнейшего судебного разбирательства ее утверждения были просто противопоставлены отрицанию со стороны Т.М. без предоставления каких-либо дополнительных доказательств.

344. В связи с этим Европейский Суд отмечает позицию ГРЕТА и иных международных органов в отношении требований эффективного расследования и уголовного преследования за преступления, связанные с торговлей людьми. В частности, принимая во внимание тот факт, что органы, осуществлявшие уголовное преследование, придали решающее значение показаниям заявительницы (см. выше §§ 40, 80 и 92), и их неспособность следовать некоторым очевидным направлениям следствия, Европейский Суд отмечает, что в работе ГРЕТА и других экспертных органов уже были установлены определенные причины, по которым потерпевшие от торговли людьми и различных форм сексуального насилия могут неохотно сотрудничать с органами государственной власти и сообщать все подробности дела. Кроме того, возможное влияние психологической травмы должно было быть принято во внимание. Таким образом, существует риск чрезмерного использования одних только показаний потерпевшего, что приводит к необходимости уточнить и, если это целесообразно, подтвердить показания потерпевшего иными доказательствами (см. выше §§ 138, 171, 206 и 260).

345. Европейский Суд полагает, что указанные выше многочисленные недостатки в расследовании дела органами, осуществлявшими уголовное преследование, существенно подорвали способность органов государственной власти, включая соответствующие суды, установить истинную природу отношений заявительницы и Т.М., а также тот факт, подвергалась ли она эксплуатации с его стороны, как она утверждала (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макарацис против Греции» (*Makaratzis v. Greece*), жалоба № 50385/99, § 77, *ECtHR* 2004-XI).

346. Таким образом, вышеизложенного достаточно для того, чтобы Европейский Суд мог сделать вывод о наличии существенных недостатков в процессуальном реагировании властей Хорватии на обоснованную жалобу и *prima facie* доказательства того, что заявительница была подвергнута обращению, противоречащему статье 4 Конвенции. Соответственно, Европейский Суд считает, что способ применения уголовно-правовых механизмов в настоящем деле имел настолько существенные

недостатки, что представлял собой нарушение процессуального обязательства властей Хорватии по статье 4 Конвенции.

347. Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение требований статьи 4 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

348. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. УЩЕРБ

349. В Палате Европейского Суда заявительница требовала выплаты 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Власти Хорватии оспорили данное требование как необоснованное, чрезмерное и неподтвержденное.

350. Палата Европейского Суда с учетом принципа справедливости приняла решение присудить заявительнице 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

351. В ходе разбирательства в Большой Палате Европейского Суда стороны не изменили свои доводы по данному вопросу. Большая Палата Европейского Суда подтверждает решение Палаты Европейского Суда в отношении требования о возмещении ущерба и присуждает заявительнице ту же сумму, что и Палата Европейского Суда: 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

352. В ходе производства в Палате Европейского Суда заявительница требовала выплатить ей 4 376,15 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в связи с рассмотрением ее дела в Европейском Суде. Власти Хорватии утверждали, что интересы заявительницы представлял адвокат, предоставленный ей неправительственной организацией «Центр “Роза”», соответствующая деятельность которой в значительной степени финансировалась государством. Власти Хорватии также считали, что требование заявительницы о компенсации расходов и издержек было неподтвержденным и чрезмерным.

353. Палата Европейского Суда отклонила требование заявительницы о компенсации судебных расходов и издержек, поскольку она не опровергла утверждение властей Хорватии о том, что представительство ее интересов было уже оплачено за счет государственных средств.

354. В ходе производства по делу в Большой Палате Европейского Суда заявительница требовала выплатить ей 62 353,85 хорватских кун в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в связи с производством в Палате Европейского Суда и в Большой Палате Европейского Суда. Власти Хорватии оспорили данное требование.

355. Европейский Суд отмечает, что заявительница не предоставила каких-либо доказательств оплаты или обязательства оплатить требуемые судебные расходы и издержки, будь то в отношении производства в Палате Европейского Суда или в Большой Палате Европейского Суда. В отсутствие данных документов Европейский Суд не находит оснований для признания того, что заявительница фактически понесла заявленные судебные расходы и издержки (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (*Merabishvili v. Georgia*) от 28 ноября 2017 г., жалоба № 72508/13¹, §§ 371–372). Европейский Суд также отмечает, что заявительнице была предоставлена правовая помощь в целях производства по делу в Большой Палате Европейского Суда. В связи с этим он отклоняет требование заявительницы о компенсации судебных издержек и расходов.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

356. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда единогласно:

1) *объединила* рассмотрение предварительного возражения властей Хорватии относительно применимости статьи 4 Конвенции с рассмотрением дела по существу и *отклонила* указанное возражение;

2) *отклонила* иные предварительные возражения властей Хорватии;

3) *постановила*, что имело место нарушение требований статьи 4 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте;

4) *постановила*, что власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев выплатить заявительнице 5 000 (пять тысяч) евро, а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда, что указанная сумма подлежит переводу в хорватские куны по курсу, действующему на день выплаты, и что с даты истечения указанно-

го трехмесячного срока и до момента выплаты на данную сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) *отклонила* оставшуюся часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Родерик ЛИДДЕЛ
Секретарь Большой
Палаты Суда

Роберт СПАНО
Председатель
Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) совпадающее мнение судьи Ксении Туркович;

(б) совместное совпадающее мнение судей Шюфры О'Лири и Жоржа Раварани;

(с) совпадающее мнение судьи Пере Пастора Вилановы;

(d) совпадающее мнение судьи Георгия А. Сергидеса.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КСЕНИИ ТУРКОВИЧ

Хотя я согласна с выводом Европейского Суда, я хотела бы сделать несколько замечаний относительно процессуальных обязательств в соответствии с Конвенцией.

Во-первых, критерии для того, чтобы расследование считалось эффективным, являются одинаковыми в соответствии со статьями 2–4 Конвенции (см. §§ 310 и 319 настоящего Постановления), и в соответствии со всеми этими тремя статьями Европейский Суд проводит проверку одинаковой степени, которая должна быть особенно тщательной (см. § 317 настоящего Постановления). Фактически критерии эффективного расследования (независимость, тщательность, оперативность, общественный контроль и участие потерпевшего, см. § 305 настоящего Постановления) должны быть одинаковыми для всех статей Конвенции (например, в контексте статьи 5 Конвенции в таких ситуациях, как задержание лица, все доказательства которого впоследствии были утеряны, или произвольное лишение свободы², а также в кон-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 10 (примеч. редактора).

² См. Постановление Европейского Суда по делу «Курт против Турции» (*Kurt v. Turkey*) от 25 мая 1998 г., § 124, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-III, Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*) от 18 июня 2002 г., жалоба № 25656/94, § 369 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8 (примеч. редактора)), Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Варнава и другие против Турции» (*Varnava and Others v. Turkey*), жалоба № 16064/90 и восемь других жа-

тексте серьезных нарушений прав, гарантированных статьями 8–11 Конвенции, такими, как сексуальное насилие¹, оскорбление и угрозы², незаконный поиск квартиры³, нападения на членов определенных религиозных групп⁴, нападения на журналистов⁵ и протестующих⁶, насилие по мотивам дискриминации, как определено статьей 14 Конвенции⁷, и нарушение имущественных прав, как определено статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции⁸).

Во-вторых, при наличии обоснованной жалобы на эффективность расследования Европейский Суд обязан рассмотреть каждый из указанных критериев в отдельности (даже если некоторые из них специально не затрагивались заявителем в жалобе, вопросы, поставленные на стадии коммунцирования жалобы, должны быть достаточно широкими, чтобы охватить все критерии), и только при выполнении всех этих условий расследование может считаться эффективным. Как отметил Европейский Суд, ни один из критериев не является самоцелью (см. § 319 настоящего Постановления). Однако только существенные недостатки в выполнении какого-либо из указанных критериев, то есть недостатки, которые могут подорвать способность расследования устанавливать обстоятельства дела

лоб, § 208, *ECHR* 2009 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 3 (примеч. редактора)), Постановление Европейского Суда по делу «Аль-Нашири против Польши» (*Al Nashiri v. Poland*) от 24 июля 2014 г., жалоба № 28761/11, § 529.

¹ См. Решение Европейского Суда по делу «В.В. и другие против Хорватии» (*B.V. and Others v. Croatia*) от 15 декабря 2015 г., жалоба № 38435/13, § 154.

² См. Постановление Европейского Суда по делу «Р.В. против Венгрии» (*R.B. v Hungary*) от 12 апреля 2016 г., жалоба № 64602/12, § 80.

³ См. Постановление Европейского Суда по делу «Багиева против Украины» (*Bagiyeva v. Ukraine*) от 28 апреля 2016 г., жалоба № 41085/05, §§ 47 и 64.

⁴ См. Постановление Европейского Суда по делу «Члены Глданской общины религиозной организации “Свидетели Иеговы” и другие против Грузии» (*Members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and Others v. Georgia*) от 3 мая 2007 г., жалоба № 71156/01, § 114, и Постановление Европейского Суда по делу «Караахмед против Болгарии» (*Karaahmed v. Bulgaria*) от 24 февраля 2015 г., жалоба № 30587/13, § 110.

⁵ См. Постановление Европейского Суда по делу «Озгур Гундем против Турции» (*Ozgur Gundem v. Turkey*), жалоба № 23144/93, § 45, *ECHR* 2000-III.

⁶ См. Постановление Европейского Суда по делу «Организация “Промо-Лекс” и другие против Республики Молдова» (*Promo Lex and Others v. Republic of Moldova*) от 24 февраля 2015 г., жалоба № 42757/09, § 23.

⁷ См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (*Nachova and Others v. Bulgaria*), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, § 161, *ECHR* 2005-VII.

⁸ См. Постановление Европейского Суда по делу «Блумберга против Латвии» (*Blumberga v. Latvia*) от 14 октября 2008 г., жалоба № 70930/01, § 67.

и личности виновных лиц, оправдывают вывод о том, что расследование не было эффективным (см. § 320 настоящего Постановления). В то же время факт соблюдения одного критерия не может компенсировать серьезный недостаток или недостатки в выполнении других критериев.

В-третьих, Европейский Суд указал, что в соответствии со статьей 4 Конвенции власти государства – участника Конвенции обязаны провести эффективное официальное расследование, если лицо подает «обоснованную жалобу» на то, что оно подверглось обращению, противоречащему статье 4 Конвенции, или, в отсутствие явно выраженной жалобы, если имеются *prima facie* доказательства того, что лицо подверглось такому обращению. Европейский Суд также подчеркнул, что это по сути соответствует подходу Европейского Суда, принятому по иным делам, касающимся, в частности, статьи 3 Конвенции (см. § 324 настоящего Постановления). Следовательно, в рамках обеих статей применяется один и тот же стандарт, который служит основанием для возникновения у властей государств – участников Конвенции обязательства инициировать проведение эффективного расследования в какой-либо форме. Таким образом, *prima facie* доказательства, на которые Европейский Суд ссылается в настоящем Постановлении (см. §§ 324, 325, 331 и 332), соответствуют понятию «достаточно явные признаки», на которое Европейский Суд обычно ссылается в свете статьи 3 Конвенции в этом отношении (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хассан против Соединенного Королевства» (*Hassan v. United Kingdom*), жалоба № 29750/09, § 62, *ECHR* 2014, Постановление Европейского Суда по делу «М.С. против Хорватии (№ 2)» (*M.S. v. Croatia*) (№ 2) от 19 февраля 2015 г., жалоба № 75450/12, § 76, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Члены (97) Глданской общины религиозной организации “Свидетели Иеговы” и другие против Грузии» (*Members (97) of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and Others v. Georgia*), § 97, и Постановление Европейского Суда по делу «Бати и другие против Турции» (*Bati and Others v. Turkey*), жалобы №№ 33097/96 и 57834/00, § 133, *ECHR* 2004-IV (извлечения)).

В-четвертых, в настоящем деле заявительница подала обоснованную жалобу на внутригосударственном уровне, и в то же время имелись достаточно явные признаки (*prima facie* доказательства) того, что она подверглась торговле людьми и принудительной проституции. Это отражено в формулировках, использованных в §§ 331 и 332 настоящего Постановления. Однако это не означает, что оба элемента, обоснованная жалоба и достаточно явные признаки, должны совпадать, чтобы у властей государств – участников Конвенции возникла обязанность провести эффективное расследова-

ние. Для этого достаточно наличия любого элемента (см. § 324 настоящего Постановления). Данный вывод четко следует из обязательства органов власти действовать по собственной инициативе, как только им становится известно о соответствующей ситуации (см. § 314 настоящего Постановления).

В-пятых, поскольку органы власти должны действовать по собственной инициативе, Европейский Суд подчеркнул, что они не вправе оставлять на усмотрение потерпевшего принятие на себя ответственности за проведение каких-либо следственных действий (см. *ibid.*). В связи с этим важно иметь в виду, что, по мнению Европейского Суда, положения, которые часто встречаются в современном уголовно-процессуальном законодательстве государств – участников Конвенции в отношении различных прав потерпевших, не следует понимать как возлагающие на потерпевших обязательство использовать такие права в контексте исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тадич против Хорватии» (*Tadić v. Croatia*) от 23 ноября 2017 г., жалоба № 10633/15, § 43).

В-шестых, важно отметить, что, когда расследование приводит к возбуждению разбирательства во внутригосударственных судах, производство по делу в целом, включая стадию судебного разбирательства, должно соответствовать изложенным выше критериям эффективного расследования (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерилдыз против Турции» (*Öneriylidiz v. Turkey*), жалоба № 48939/99, §§ 95–96, *ECHR* 2004-XII, Постановление Европейского Суда по делу «Али и Айше Дуран против Турции» (*Ali and Ayşe Duran v. Turkey*) от 8 апреля 2008 г., жалоба № 42942/02, § 61, и Постановление Европейского Суда по делу «Човдури и другие против Греции» (*Chowdury and Others v. Greece*) от 30 марта 2017 г., жалоба № 21884/15, §§ 123 и 127–128). Внутригосударственные суды не должны позволять нарушителю оставаться безнаказанным. Соблюдение процессуального обязательства государства в соответствии с Конвенцией требует, чтобы внутригосударственная правовая система демонстрировала свою способность и готовность применять уголовное законодательство в отношении тех лиц, кто незаконно лишил жизни, нарушил физическую неприкосновенность другого человека (см. Постановление Европейского Суда по делу «Агдаш против Турции» (*Ağdaş v. Turkey*) от 27 июля 2004 г., жалоба № 34592, § 102, и Постановление Европейского Суда по делу «Маккерр против Соединенного Королевства» (*McKerr v. United Kingdom*), жалоба № 28883/95, § 134, *ECHR* 2001-III) или грубо нарушил иное гарантированное право лица, например, подвергнув лицо принудительному труду (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу

«Човдури и другие против Греции» (*Chowdury and Others v. Greece*). Уголовное разбирательство в независимом и беспристрастном суде, в котором соблюдается принцип совещательности, как правило, обеспечивает достаточные возможности для установления фактов и уголовной ответственности (см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Агдаш против Турции» (*Ağdaş v. Turkey*), § 102, и «Маккерр против Соединенного Королевства» (*McKerr v. United Kingdom*), § 134).

Кроме того, хотя суды государств – участников Конвенции наделены значительными пределами усмотрения при назначении надлежащего наказания за серьезные нарушения прав человека, за Европейским Судом сохраняется определенная степень контроля, и он имеет возможность вмешиваться в случаях явного несоответствия между совершенным преступлением и наложенным наказанием (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Армани да Сильва против Соединенного Королевства» (*Armani Da Silva v. United Kingdom*) от 30 марта 2016 г., жалоба № 5878/08¹, § 285, см. также Постановление Европейского Суда по делу «Касап и другие против Турции» (*Kasap and Others v. Turkey*) от 14 января 2014 г., жалоба № 8656/10, §§ 60–62, Постановление Европейского Суда по делу «Дарраж против Франции» (*Darraj v. France*) от 4 ноября 2010 г., жалоба № 34588/07, § 49, Постановление Европейского Суда по делу «Копылов против Российской Федерации» (*Kopylov v. Russia*) от 29 июля 2010 г., жалоба № 3933/04², § 141, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Човдури и другие против Греции» (*Chowdury and Others v. Greece*), §§ 124–127). Контроль со стороны Европейского Суда не ограничивается степенью суровости наказания, примененного внутригосударственными судами, а охватывает также и способ исполнения наказания (см. Постановление Европейского Суда по делу «Енукидзе и Гиргвлиани против Грузии» (*Enukidze and Girgvliani v. Georgia*) от 26 апреля 2011 г., жалоба № 25091/07, §§ 269 и 275, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Али и Айше Дуран против Турции» (*Ali and Ayşe Duran v. Turkey*), § 69, Постановление Европейского Суда по делу «А. против Хорватии» (*A. v. Croatia*) от 14 октября 2010 г., жалоба № 55164/08³, §§ 75–80, и Постановление Европейского Суда по делу «Бранко Томашич и другие против Хорватии» (*Branko Tomašić and Others v. Croatia*) от 15 янва-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 3 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 6 (примеч. редактора).

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8 (примеч. редактора).

ря 2009 г., жалоба № 46598/06, §§ 55–61 и 65). Наконец, у властей государств – участников Конвенции есть обязательство безотлагательно приводить в исполнение окончательные судебные постановления в отношении правонарушителей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Китановская-Станойкович и другие против Македонии» (*Kitanovska Stanojkovic and Others v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*) от 13 октября 2016 г., жалоба № 2319/14, § 32).

Вызывает сожаление тот факт, что в настоящем деле Европейский Суд, установив многочисленные недостатки в рассмотрении дела органами, осуществлявшими уголовное преследование, прекратил свою проверку и пришел к выводу, что этого было достаточно для установления того, что способ применения уголовно-правовых механизмов в настоящем деле имел настолько существенные недостатки, что представлял собой нарушение процессуального обязательства властей государства-ответчика по статье 4 Конвенции (см. §§ 345–346 настоящего Постановления). Ввиду предполагаемых нарушений (см. §§ 254 и 255 настоящего Постановления и §§ 46 и 47 Постановления Палаты Европейского Суда) настоящее дело предоставляло возможность более подробно раскрыть процессуальные обязательства, возникающие не только в контексте эффективного расследования, но и в контексте эффективного судебного разбирательства.

Наконец, Европейский Суд отметил, что в работе ГРЕТА и иных экспертных органов уже были установлены различные причины, по которым потерпевшие от торговли людьми и различных форм сексуального насилия могут неохотно сотрудничать с органами государственной власти и сообщать все подробности дела. Европейский Суд также признает необходимость учета внутрисударственными органами власти, включая суды, возможного влияния на потерпевшего психологической травмы (см. § 344 настоящего Постановления). Таким образом, Европейский Суд указал, что недостатки в защите потерпевших, а также в обращении с ними и с их показаниями, в частности, игнорирование их возможной психологической травмы и чрезмерное использование показаний потерпевших, являются элементами, которые необходимо учитывать при анализе процессуальных обязательств властей государств – участников Конвенции в рамках производства по уголовному делу. Европейский Суд всё чаще признает права потерпевших в уголовном процессе в качестве прав человека, и, как продемонстрировано в настоящем деле, он готов признать необходимость защищать их не только в соответствии со статьей 8 Конвенции в рамках эффективного уважения частной жизни и личной неприкосновенности (см. Постановление Европейского Суда по делу «У. против Словении» (*U. v. Slovenia*), жало-

ба № 41107/10¹, §§ 100–101 и 103–104, *ECHR* 2015 (извлечения)), но и в рамках процессуального обязательства внутрисударственных властей (см. § 344 настоящего Постановления) при условии достижения справедливого баланса между конкурирующими интересами защиты и правами потерпевших (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «У. против Словении» (*U. v. Slovenia*), § 103).

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ШИОФРЫ О’ЛИРИ И ЖОРЖА РАВАРАНИ

С некоторыми колебаниями мы проголосовали за установление нарушения требований статьи 4 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте в настоящем деле.

Причина, по которой мы поддержали установление факта ограниченного процессуального нарушения, заключается в определенных недостатках расследования на внутрисударственном уровне по жалобе заявительницы на ее принуждение к занятию проституцией (см. §§ 341–355 настоящего Постановления).

Кроме того, в основе жалобы заявительницы на внутрисударственном уровне и жалобы по существу, которую она подала в Европейский Суд, лежит отказ суда первой инстанции, который решил, что элемент состава принуждения не может быть установлен для вынесения Т.М. обвинительного приговора за принуждение к занятию проституцией в соответствии с Уголовным кодексом Хорватии, и переквалифицировал обвинение в основной состав склонения к занятию проституцией. Она утверждала, что с учетом имеющихся доказательств он мог быть осужден за данное преступление. Поскольку такая жалоба на отсутствие переквалификации, поданная предполагаемой потерпевшей, с трудом находит надлежащую опору в Конвенции и в прецедентной практике Европейского Суда, установление факта отсутствия нарушения еще более усугубило бы безнаказанность, которой воспользовался обвиняемый и на которую по сути жаловалась заявительница.

1. Сложности с определением пределов рассмотрения дела

Первая сложность, с которой мы столкнулись, связана с пределами рассмотрения дела. Как справедливо отметила судья П. Коскело в своем особом мнении, приложенном к Постановлению Палаты Европейского Суда, существует явный риск того, что Большая Палата Европейского Суда будет рассматривать дело и попытается выработать

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

общие принципы со ссылкой на факты, которые заявительница не выдвигала на внутригосударственном уровне и не указывала в своей жалобе в Европейский Суд (см. пункты 2–10 особого мнения, приложенного к Постановлению Палаты Европейского Суда).

Жалобы в Европейский Суд подают заявители, которые зачастую не имеют средств и действуют без юридического представительства, хотя в случае заявительницы это было не так. Общеизвестно, что заявитель может пояснить или уточнить свои первоначальные доводы в ходе производства по делу в соответствии с Конвенцией (см. § 219 настоящего Постановления и приведенные в нем источники). Также признается, что Европейский Суд должен рассматривать данные жалобы с определенной степенью гибкости, чтобы права, гарантированные Конвенцией, были практическими и эффективными. На наш взгляд, вывод, который сделала судья в своем особом мнении, приложенном к Постановлению Палаты Европейского Суда, о том, что заявительница не затрагивала вопросов, касающихся расследования ее жалобы на принуждение к занятию проституцией или на сбор доказательств, является слишком строгим. Если суд первой инстанции не установил элемент состава принуждения, то заявительница при оспаривании оправдательного приговора, возможно, косвенно, но, тем не менее, логично возражала против расследования, которое привело к данному результату. Однако ее основная жалоба касалась неспособности суда первой инстанции и апелляционного суда признать обвиняемого виновным в совершении преступления меньшей степени тяжести.

Принцип *ne ultra petitem* буквально означает, что суд не должен выходить «за пределы ходатайства» или «за пределы спора». Имеется ограничение гибкости, которая может быть предоставлена одной стороне, без дискредитации процессуальных прав и принципов, составляющих основу собственной прецедентной практики Европейского Суда по статье 6 Конвенции. Большая Палата Европейского Суда признала, что «ясно не сформулировала свои жалобы в отношении соответствующих процессуальных недостатков и упущений, что послужило причиной возникновения вопроса о пределах рассмотрения дела в Европейском Суде» (см. §§ 220 и 335). Можно согласиться с тем, что «ядро» жалобы на процессуальные недостатки в связи с ее жалобой на принуждение к занятию проституцией можно выделить в первоначальной жалобе, в которой она ссылалась на статьи 3, 6, 8 и 14 Конвенции и на статью 1 Протокола № 12 к Конвенции. Указанный минимум заявительница впоследствии дополнила новым содержанием в своих письменных доводах в Палате Европейского Суда.

В соответствии с его сложившейся прецедентной практикой Европейский Суд правомочен проверять обжалуемые по делу обстоятельства

с учетом всей Конвенции и может рассматривать представленные факты, перекалифицируя их по статье Конвенции, на которую заявители изначально не ссылались. В то же время он ограничен фактами, указанными заявителями в свете внутригосударственного законодательства. Система защиты, установленная Конвенцией, не позволяет Европейскому Суду использовать факты, которые не были представлены заявителем, и анализировать их на предмет соответствия Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (*Radomilja and Others v. Croatia*) от 20 марта 2018 г., жалобы №№ 37685/10 и 22768/12¹, §§ 110–125, и Постановление Европейского Суда по делу «Фоти и другие против Италии» (*Foti and Others v. Italy*) от 10 декабря 1982 г., жалобы №№ 7604/76, 7719/76, 7781/77 и 7913/77, § 44).

Однако если дело коммуницировано в соответствии со статьей Конвенции, отличной от той, на которую первоначально ссылался заявитель, что, без сомнения, является применением принципа *jura novit curia* из наилучших побуждений, нельзя допускать, чтобы заявитель пытался расширить пределы рассмотрения дела, чтобы охватить факты и правовые доводы, которые выходят за пределы рассмотрения дела, переданного в Европейский Суд в соответствии со статьей 32 Конвенции. Кроме того, нельзя допускать, чтобы заявители в дальнейшем пытались расширить пределы рассмотрения дела после его передачи в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. В настоящем деле произошло именно это.

На внутригосударственном уровне через шесть недель после того, как Т.М. были предъявлены обвинения в принуждении к занятию проституцией, заявительница была признана потенциальной потерпевшей от торговли людьми – административный статус, которой был присвоен ей междисциплинарным органом государственной власти Хорватии. Цель присвоения данного статуса заключалась в том, чтобы гарантировать потенциально уязвимому лицу получение необходимой помощи по мере расследования производства по делу на внутригосударственном уровне. Как признает Большая Палата Европейского Суда, это не означает, что были установлены три элемента состава преступления в виде торговли людьми, и может не зависеть от обязанности органов власти провести расследование (см. § 322 настоящего Постановления). Подав изначально жалобу на отсутствие надлежащего расследования принуждения к занятию проституцией или осуждения Т.М. за преступление меньшей степени тяжести в виде склонения к занятию проституцией, если

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

было невозможно установить совершение первого преступления, заявительница в своих письменных доводах, представленных в Палате Европейского Суда, жаловалась также и впервые на то, что органы государственной власти не предъявили обвинения и не осудили Т.М. за совершение более тяжкого преступления в виде торговли людьми по статье 175 Уголовного кодекса Хорватии. Такое расширение пределов ее жалобы продолжалось и в ее доводах, представленных в Большой Палате Европейского Суда, где критике подвергалась ошибочная характеристика органами, осуществляющими уголовное преследование, ее утверждений, «из которых, несомненно, следовало, что она была потерпевшей от торговли людьми, как вопрос о принуждении к проституции» (см. § 250 настоящего Постановления).

Как и судья, которая выразила особое мнение, приложенное к Постановлению Палаты Европейского Суда, мы не считаем, что принцип *jura novit curia* можно применять как предложение заявителям менять по мере рассмотрения дела фактические и правовые доводы, на которых основаны их жалобы. С какой бы гибкостью суд по правам человека не действовал в целях обеспечения того, чтобы голоса обездоленных и уязвимых лиц были услышаны, он не может игнорировать основополагающие принципы судебного производства и должен продолжать функционировать в качестве суда.

Следует добавить, что на стадии коммуникации жалобы посредством следующего вопроса «Имело ли место нарушение обязательств государства по статье 4 Конвенции в связи с утверждениями заявительницы о торговле людьми[...]?» Палата Европейского Суда расширила пределы рассмотрения дела, чтобы охватить торговлю людьми, несмотря на отсутствие подобных утверждений со стороны заявительницы как в следственных органах Хорватии, так и в ее жалобе, направленной в Европейский Суд. С указанного момента внимание заявительницы более не было сконцентрировано на отказе признать Т.М. виновным в ее принуждении к занятию проституцией или в совершении преступления меньшей степени тяжести в виде склонения к занятию проституцией, но вместо этого было направлено на неспособность предъявить правильное, по ее мнению, обвинение в совершении уголовного преступления в виде торговли людьми. С учетом такого изменения, ошибочного или намеренного, пределов рассмотрения дела Палатой Европейского Суда, а затем заявительницей в ее ответе Большая Палата Европейского Суда должна была проявить большую осторожность в своей правовой квалификации, сосредоточившись на четких фактических утверждениях, выдвинутых заявительницей, которые касались (исключительно) принуждения к занятию проституцией. Ведь именно указанные фактические утверждения были предметом рас-

следования, судебного преследования и судебного разбирательства.

2. Отсутствие четкости в общих принципах по статье 4 Конвенции

Вторая сложность настоящего дела связана с последствиями правового анализа Европейского Суда, что, по-видимому, следует из расширения пределов рассмотрения дела.

Выражая совпадающее мнение, мы не оспариваем, что заявительница довела свою жалобу до сведения полиции Хорватии. Она представила обоснованное утверждение об обращении, которое могло быть признано противоречащим статьям 3, 8 и даже статье 4 Конвенции.

Вместо того, чтобы уделить внимание уточнению механизма, который приводит в действие позитивное процессуальное обязательство, и последствий, которое данное обязательство влечет для властей Хорватии в таком деле, как настоящее, Большая Палата Европейского Суда в своем Постановлении чрезвычайно объемно и с усердием изучает понятие «торговля людьми». Более 100 параграфов Постановления посвящены международному праву, праву ЕС и правоприменительной практике главным образом в сфере торговли людьми. Торговля людьми, как Европейский Суд уже разъяснил в предыдущих делах, зависит от наличия в совокупности трех составных элементов: деяния, средства и цели (см. разработку принципов в Постановлении Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*) от 7 января 2010 г., жалоба № 25965/04, §§ 277–289). Как указано в § 290 настоящего Постановления:

«действия или ситуацию можно охарактеризовать как торговлю людьми только в том случае, если они отвечают критериям, установленным в отношении данного явления в международном праве».

Подчеркнув значимость указанных трех составных элементов, изложив существующую прецедентную практику, касающуюся торговли людьми, и пояснив, что последняя может иметь место на национальном и транснациональном уровнях, настоящее Постановление не дает четкого ответа на вопрос о том, должны ли были следственные органы государства-ответчика проводить расследование в отношении торговли людьми, принудительной проституции или сексуальной эксплуатации в целом. Разработанное таким образом решение концептуальной неопределенности заключается в том, чтобы в общих чертах сослаться на «обращение, противоречащее статье 4 Конвенции» (см. §§ 308, 325, 328, 332 и 346 настоящего Постановления), и отметить, что независимо от того, сталкивается ли Европейский Суд (или, что более важно, сталкивались ли власти государства-ответчика) с торговлей людьми или принуди-

тельной проституцией, основное процессуальное обязательство, а именно обязательство провести эффективное расследование, является одинаковым.

Цель передачи дела в Большую Палату Европейского Суда состоит в том, чтобы внести ясность в случае ее отсутствия и разрешить судебнo-правовой конфликт или противоречие. Допуская неоправданное расширение пределов рассмотрения дела заявительницы и настаивая на том, что настоящее дело касалось торговли людьми, Большая Палата Европейского Суда не внесла ясности в свою прецедентную практику по статье 4 Конвенции. Настоящее Постановление размывает границу между принуждением к занятию проституцией и торговлей людьми. Это нецелесообразно и, разумеется, не являлось необходимым, поскольку Европейский Суд должен был только принять решение о том, имело ли место в деле заявительницы нарушение статьи 4 Конвенции в ее процессуально-правовом или материально-правовом аспекте.

3. Смещение позитивных процессуальных обязательств с одной статьи Конвенции на другую

Третья сложность заключалась в *поверхностном* смещении со статей 2 и 3 Конвенции на статью 4 Конвенции (а в некоторых случаях даже на статью 8 Конвенции) позитивных процессуальных обязательств, разработанных со ссылкой на первые положения Конвенции (см. §§ 309–311 настоящего Постановления).

Характер и объем позитивных обязательств в соответствии со статьями 2–4 Конвенции подробно изложены в §§ 283–288 упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*). В сущности они охватывают обязательства по предупреждению, защите и наказанию. Однако первые два позитивных обязательства возникают тогда, когда государственные органы знали или должны были знать об обстоятельствах, дающих основания для обоснованных подозрений в том, что определенное лицо подвергалось реальной и непосредственной угрозе. Напротив, процессуальное обязательство по проведению расследования, по-видимому, зависит от чего-то меньшего. Согласно подходу, изложенному в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), оно возникает, «как только ситуация попала в поле зрения властей» (см. *ibid.*, § 288). В настоящем деле заявительница должна была предъявить обоснованную жалобу и/или должны были иметь место *prima facie* доказательства «обращения, противоречащего статье 4 Конвенции» (§§ 324–325, 331–332 и 346 настоящего Постановления).

Существует риск того, что при поверхностном смещении не будет учитываться специфика типа расследования, которое органы государственной власти должны инициировать, столкнувшись с «обоснованной жалобой» или *prima facie* доказательством в соответствии со статьей 2 Конвенции, в отличие от статей 3 и 4 Конвенции, а также не будет учитываться характер фактов, которые представляют собой такое требование в соответствии с указанными различными статьями Конвенции. Что касается первого положения, дело «Мустафа Тунч и Фэджире Тунч против Турции» служит ярким примером того, с чем, как правило, сталкиваются органы государственной власти в деле по статье 2 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Мустафа Тунч и Фэджире Тунч против Турции» (*Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey*) от 14 апреля 2015 г., жалоба № 24014/05¹, § 133):

«Если в самом начале четко не установлено, что смерть наступила в результате несчастного случая или другого непреднамеренного действия, и если версия о незаконном убийстве исходя из фактов является вероятной, то Конвенция требует, чтобы расследование, удовлетворяющее минимальному уровню эффективности, было проведено для выяснения обстоятельств смерти».

В деле по статье 2 Конвенции, если говорить прямо, обычно имеются вещественные доказательства смерти или конкретные элементы, свидетельствующие о риске смерти. Аналогичным образом в делах по статье 3 Конвенции органы государственной власти сталкиваются с утверждениями о жестоком обращении, которые зачастую сопровождаются физическими следами на теле предполагаемого потерпевшего в результате обжалуемого обращения. Могут возникнуть вопросы в связи с достижением уровня жестокости или возможностью оправдания отсутствия вещественных доказательств, если заявитель находился под контролем государства, которое только и могло узнать или установить обжалуемые факты (см. в качестве недавнего примера Постановление Европейского Суда по делу «Ибрагимов и Маммадов против Азербайджана» (*Ibrahimov and Mammadov v. Azerbaijan*) от 13 февраля 2020 г., жалоба № 63571/16 и пять других жалоб).

Однако в делах по статье 4 Конвенции, как нам представляется исходя из фактов по делу заявительницы, имеющиеся доказательства, с которыми могут столкнуться следственные органы, могут принять совершенно иной характер. В настоящем деле имели место первый контакт через социальную сеть Facebook, дружеские приглашения выпить, поиск работы, предполагаемая попытка принуждения к занятию проституцией, продолжение социальных контактов, физические отноше-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 8 (примеч. редактора).

ния, продолжавшиеся в течение нескольких месяцев, которые могли быть основаны или не основаны на согласии или согласии на которые могло прекратиться с течением временем, утверждения об угрозах и домашнем насилии, аренда и оплата квартиры заявительницей, которая в некоторых случаях могла покидать квартиру и продолжала пользоваться документами, удостоверяющими ее личность, мобильным телефоном и частью денежных средств, полученных от предполагаемой принудительной проституции. Важно отметить, что в настоящем деле имелись и показания подруги заявительницы, с которой она проживала, подтверждающие угрозы, которым подвергалась заявительница, но и свидетельствующие о том, что ее занятие проституцией было добровольным.

В настоящем деле неясно, каких действий Европейский Суд ожидал от полиции, которая столкнулась с жалобой заявительницы на принуждение к занятию проституцией. Должны ли сотрудники полиции, когда к ним обращается сравнительно молодая женщина, которая, возможно, занималась проституцией и которая, по-видимому, состояла в каких-то отношениях со старшим по возрасту, агрессивным и предположительно жестоким мужчиной, в первую очередь пытаться установить, не следует ли исключить из рассмотрения совершение более тяжкого преступления, такого как торговля людьми, прежде чем приступить к расследованию заявленного преступления, а именно принуждение к занятию проституцией? Каковой на практике будет обоснованная жалоба на то, что обращение, противоречащее статье 4 Конвенции, имело место, и из чего, в отсутствие жалобы, будут состоять *prima facie* доказательства? Что именно потребуется от полиции, а затем от прокуратуры? Реальность дела заявительницы заключалась в том, что представленные ею факты, по-видимому, не соответствовали элементам состава торговли людьми, и впоследствии основные доказательства не были собраны. Это не означает, что ее жалоба на принуждение к занятию проституцией была тщательно и в достаточной степени расследована и что по ней осуществлялось преследование в уголовном порядке. Установление факта нарушения является результатом выявленных недостатков. Тем не менее это означает, что решение органов власти Хорватии не подвергать судебному преследованию по более тяжкому обвинению в торговле людьми, которое заявительница критиковала впоследствии, представляется далеко не произвольным.

Еще одна причина, по которой ясность в отношении основания для возникновения процессуального обязательства по проведению расследования настолько важна, состоит в том, что, возникнув однажды, оно становится обязательством «по собственной инициативе» для органов власти государства – участника Конвенции. Согласно прецедентной практике Европейского Суда органы власти

не вправе оставлять на усмотрение потерпевшего принятие ответственности за проведение каких-либо следственных действий (см. § 314 настоящего Постановления). Заявитель не обязан указывать на недостатки в сборе доказательств органами власти государства-ответчика или на упущения в отношении допроса возможных дополнительных свидетелей. Кроме того, когда жалоба в связи с процессуальным обязательством по проведению расследования поступает в Европейский Суд, все этапы расследования, судебного преследования и судебного разбирательства подвергаются проверке – проверке, которая имеет преимущества ретроспективного анализа. Как указано в § 227 настоящего Постановления:

«[...] прецедентная практика Европейского Суда [...] свидетельствует о том, что он готов принимать во внимание любые конкретные недостатки в проведении расследования, которые он считает значимыми, в контексте общей оценки процессуальной жалобы заявителя на неэффективное применение уголовно-правовых механизмов».

В настоящем деле, хотя жалоба заявительницы касалась недостатков на стадии судебного разбирательства, Европейский Суд вместо этого сосредоточил свое внимание на стадии проведения расследования, из которой, по его мнению, следовали любые последующие недостатки, относящиеся к обвинению и судебному разбирательству. Как отметила судья, выразившая особое мнение, приложенное к Постановлению Палаты Европейского Суда, Европейский Суд должен избегать роли непосредственного следователя и арбитра первой инстанции в вопросах качества уголовного расследования на внутригосударственном уровне не в последнюю очередь потому, что он не обладает для этого достаточной квалификацией. При этом смещение стандартов, предусмотренных статьями 2 и 3 Конвенции, на статью 4 Конвенции и далее на статью 8 Конвенции предполагает именно такой неминуемый риск. В настоящем Постановлении указано, что недостатки соответствующего производства на внутригосударственном уровне должны быть существенными, чтобы поднять вопрос в соответствии со статьей 4 Конвенции, и в нем подчеркивается, что Европейский Суд не рассматривает утверждения об ошибках или отдельных упущениях. При этом остается неясным, что будет квалифицироваться как «существенный» недостаток, и очевиден риск того, что Европейский Суд слишком легко примет на себя роль суда первой инстанции (фактически). Характер и объем обязательства по проведению расследования по собственной инициативе, которое может возникнуть в результате подачи обоснованной жалобы в соответствии со статьей 4 Конвенции или наличия *prima facie* доказательств обращения, противоречащего указанной статье, не согласуются, с одной стороны, со значитель-

ным уважением, которое, по словам Европейского Суда, он должен проявлять в отношении выбора судами государств-ответчиков соответствующих мер (см. Постановление Европейского Суда по делу «Беганович против Хорватии» (*Beganović v. Croatia*) от 25 июня 2009 г., жалоба № 46423/06, § 78, и Постановление Европейского Суда по делу «Пулфер против Албании» (*Pulfer v. Albania*) от 20 ноября 2018 г., жалоба № 31959/13, § 81), и, с другой стороны, с правилом, запрещающим Европейскому Суду использовать факты, которые не были представлены заявителем, и анализировать эти факты на предмет их соответствия Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Фоти и другие против Италии» (*Foti and Others v. Italy*), § 44).

Хотя процессуальное нарушение статьи 4 Конвенции в настоящем деле могло считаться подтвержденным с учетом недостатков в расследовании жалобы заявительницы на принуждение к занятию проституцией, мы не убеждены в том, что Большая Палата Европейского Суда в достаточной степени рассмотрела последствия изложенных процессуальных обязанностей для полиции и органов прокуратуры (см. аналогичные опасения, высказанные в отношении дел по статье 3 Конвенции судом государства – участника Конвенции в Постановлении по делу «Комиссар полиции Метрополиса (истец) против DSD и других (ответчики)» ((*Commissioner of Police of the Metropolis (Appellant) v. DSD and another (Respondents)*) [2018] UKSC11, судья лорд Манс (Lord Mance) в § 142).

Выводы

В докладе от 2017 года о торговле людьми Европейская комиссия сослалась на тот факт, что в 2013–2014 годах в Европейском союзе были «зарегистрированы 15 846 потерпевших» (выявленных и предполагаемых) от торговли людьми, что торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации по-прежнему является наиболее распространенной формой торговли людьми (67% зарегистрированных потерпевших) и что более трех четвертей зарегистрированных потерпевших составляли женщины (76%) (доклад о результатах работы в области борьбы с торговлей людьми, СОМ(2016)267, окончательный). В указанном докладе подчеркивается, что уровень уголовного преследования и вынесения обвинительных приговоров за торговлю людьми остается крайне низким, особенно по сравнению с количеством выявленных потерпевших, и что, хотя расследования в данной области требуют значительной доказательственной базы для вынесения обвинительного приговора, по информации, собранной в целях доклада, государства – члены ЕС в недостаточной степени используют эффективные ин-

струменты расследования и что на потерпевших возлагается чрезмерное бремя как до, так и в ходе производства по уголовному делу.

Положение, описанное в докладе Европейской комиссии, в Девятом общем докладе, опубликованном ГРЕТА в апреле 2020 года, а также изложенное третьими сторонами, вступившими в производство по настоящему делу, может обосновать вынесение в дальнейшем постановлений Большой Палаты Европейского Суда, таких как упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации» (*Rantsev v. Cyprus and Russia*), подчеркивающих крайне тяжелую ситуацию в сфере торговли людьми, развивающих прецедентную практику Европейского Суда и устанавливающих, в соответствующих случаях, нарушение статьи 4 Конвенции в результате неспособности государства-ответчика предотвращать такие преступления, защитить от них и наказать за их совершение.

Однако хотя определенные недостатки производства в отношении заявительницы на внутригосударственном уровне означают невозможность голосовать против установления нарушения статьи 4 Конвенции, мы не согласны с тем, каким образом Европейский Суд решил подойти к настоящему делу. Мы также считаем, что мало что было сделано в отношении ясности прецедентной практики Европейского Суда по статье 4 Конвенции, и разделяем некоторые опасения, высказанные нашей коллегой из Палаты Европейского Суда по делу, как оно было представлено заявительницей и ее законными представителями как на уровне государства-ответчика, так и в Европейском Суде после коммунцирования жалобы.

На Большую Палату Европейского Суда возложено решение серьезных вопросов, касающихся толкования или применения Конвенции или Протоколов к ней, а также серьезных вопросов общего значения. Для того, чтобы она могла эффективно исполнять свои функции, необходимо выбрать подходящее дело в качестве надлежащего средства разрешения указанных вопросов и проблем. Хотя мы поддерживаем установление процессуального нарушения, настоящее дело могло и должно было быть рассмотрено по более узким основаниям на уровне Палаты Европейского Суда. Оно никогда не сможет успешно играть роль более широкого судебного механизма, для которой оно, по-видимому, предназначалось.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПЕРЕ ПАСТОРА ВИЛАНОВЫ

(Перевод)

1. В настоящем деле Большая Палата Европейского Суда установила нарушение статьи 4 Кон-

венции в ее процессуально-правовом аспекте. Я полностью согласен с данным выводом.

2. При этом у меня имеются некоторые сомнения относительно ответа Большой Палаты Европейского Суда на важнейший вопрос, связанный с эксплуатацией проституции другим лицом. Хотя Большая Палата Европейского Суда сначала ставит вопрос о том, «[подпадает ли эксплуатация проституции]... в сферу действия статьи 4 Конвенции» (см. § 277 настоящего Постановления), она, в конечном счете, приходит к выводу, что защита, предусмотренная статьей 4 Конвенции, охватывает «случаи серьезной эксплуатации, такие как принудительная проституция» (см. § 300 настоящего Постановления), и далее утверждает (см. § 301 настоящего Постановления), что «понятие “принуждение” может охватывать изощренные формы насильственных действий, как определено в прецедентной практике Европейского Суда по статье 4 Конвенции (см. выше §§ 281–285), а также в документах МОТ и иных международных документах (см., в частности, выше §§ 141–144)». Таким образом, Большая Палата Европейского Суда ссылается на определенную степень тяжести, на свою собственную прецедентную практику и на международное право. Что касается первого требования, оно обладает ограниченной эффективностью в данном контексте, тем более что Большая Палата Европейского Суда не рассматривает дело по существу. Поэтому оно представляет собой изложение принципа. Что касается второго требования, то ни в одном из приведенных дел речь не идет именно о проституции. Таким образом, представляется, что данные ссылки на прецедентную практику не имеют отношения к делу. Наконец, ссылки на МОТ прямо не связаны с проституцией, хотя следует отметить, что указанная организация связывает проблему принудительного труда с тем фактом, что потерпевший не предлагает свои услуги «добровольно».

3. Ответ Большой Палаты Европейского Суда кажется мне слишком двусмысленным. Об этом свидетельствует, в частности, прецедентная практика, изложенная в §§ 281–285 настоящего Постановления. На сегодняшний день для квалификации ситуации в качестве принудительного труда Европейский Суд действительно требует наличия угрозы, но и отсутствия подлинного согласия. Однако, по-видимому, последний элемент в итоге был исключен, либо ему была приписана наименьшая значимость в настоящем деле, поскольку Большая Палата Европейского Суда концентрируется на понятии «принуждение».

4. Тем не менее пришло время рассмотреть вопрос о том, совместима ли эксплуатация проституции как таковая с Европейской конвенцией о правах человека. В целом я так не считаю. За человеческое достоинство нельзя заплатить. Принцип, согласно которому человеческое тело не является

собственностью, также несовместим с превращением тела в товар (*res extra commercium*¹) и не подходит для контекста трудового договора, который предусматривает вознаграждение соответствующих лиц за их (физические или интеллектуальные) усилия, а не за то, что они предоставляют свое тело в распоряжение других лиц по указанию их работодателя.

5. Научные исследования показывают, что лица, которые свободно выбрали полностью посвятить себя проституции, составляют меньшинство. Те, кто не желают или более не хотят этого делать, либо те, кто, наперекор себе, не имеют другого выбора, должны находиться под защитой Конвенции и Высоких Договаривающихся Сторон.

6. Вредные физические последствия и психологическое воздействие проституции таковы, что никто не должен подвергаться им без своего свободного и осознанного согласия. В связи с этим в 2013 году Французская национальная федерация ассоциаций приема и социальной интеграции (ФНАРС) и Институт мониторинга здоровья (ИВС) провели опрос о состоянии здоровья лиц, занимающихся проституцией, которые были опрошены в социальных и медицинских учреждениях. Из всех опрошенных более половины (56%) описали состояние своего здоровья как удовлетворительное, плохое или очень плохое, а 35% отметили, что у них имеются хронические заболевания (например, ВИЧ) или психологические проблемы. Большинство опрошенных сообщили о случаях бессонницы, тревоги или депрессии в течение прошедшего года. В опросе отмечалось, что «чаще всего сообщалось о таких видах насилия, как оскорбления и психологическое насилие: 64% респондентов подверглись такому насилию как минимум один раз за последние 12 месяцев». В опросе отмечалось, что «треть респондентов были вынуждены вступать в сексуальные отношения в определенный момент их жизни». В разделе, посвященном социальным условиям жизни респондентов, говорится следующее: «Опрошенных лиц объединял ряд признаков социальной уязвимости, о чем свидетельствуют их социальная изоляция (42%, в особенности женщины, не имели близкого родственника или друга, к которому можно было бы обратиться в случае возникновения сложностей) или их жилищные условия (39% проживали в случайных местах, таких как гостиницы, приюты, с друзьями или семьей, на улице или в пустующих домах)».

7. По моему мнению, эксплуатация проституции в широком смысле, в котором данное понятие употребляется в § 117 настоящего Постановления, то есть как факт незаконного извлечения финансовой или иной материальной выгоды от проституции другого лица, должна рассматриваться как про-

¹ *Res extra commercium* (лат.) – вещь, изъятая из оборота (примеч. переводчика).

тиворечащая статье 4 Конвенции. Единственным исключением должно быть занятие проституцией со свободного, осознанного и явно выраженного согласия, которое нельзя квалифицировать как принудительный труд. Таким образом, все иные формы проституции без согласия попадают в сферу применения статьи 4 Конвенции.

8. Как мне кажется, согласие на занятие проституцией можно считать свободным и осознанным, если, и только в этом случае, оно явно выражено и получено неоспоримым способом. Никакая форма неявного согласия не может быть принята и не может оправдать эксплуатацию одного человека со стороны другого. Молчание или отсутствие сопротивления нельзя считать неявным согласием. В противном случае это открывало бы широкие возможности для всякого рода злоупотреблений, не говоря уже об очевидных трудностях, с которыми столкнутся сами потерпевшие. Уступить – это не то же самое, что дать согласие (Николь-Клод Матье) (*Nicole-Claude Mathieu*)! Пункт «b» статьи 3 Палермского протокола и правило 70 Правил процедуры и доказывания Международного уголовного суда отражают данный подход.

Пункт «b» статьи 3 Палермского протокола предусматривает:

«Согласие потерпевшего от торговли людьми на запланированную эксплуатацию, о которой говорится в подпункте “a” настоящей статьи, не принимается во внимание, если было использовано любое из средств воздействия, указанных в подпункте “a”».

Правило 70 Правил процедуры и доказывания Международного уголовного суда гласит:

«В делах, связанных с сексуальным насилием, Суд руководствуется следующими принципами и, в соответствующих случаях, применяет их...

(b) согласие не может предполагаться на основании каких бы то ни было слов или поведения потерпевшего, если у него отсутствует способность давать подлинное согласие;

(c) согласие не может предполагаться на основании молчания или отсутствия сопротивления со стороны потерпевшего в ответ на предполагаемое сексуальное насилие;

(d) доверие, характер и предрасположенность к половым связям потерпевшего или свидетеля не могут предполагаться на основании сексуального характера предшествующего или последующего поведения потерпевшего или свидетеля».

9. Таким образом, согласие не может быть свободным и осознанным, если лицо, занимающееся проституцией, не способно дать согласие, и такое согласие становится недействительным вследствие насилия, заблуждения или обмана. Кроме того, должна быть предусмотрена возможность отозвать согласие в любое время. Человек не может дать согласие на то, о чем он знает мало или совсем ничего не знает. Лица, занимающиеся проституцией, могут впоследствии осознать, что эта деятельность

никоим образом не соответствует тому, как они представляли ее себе ранее, особенно если они занимаются этой деятельностью в изнуряющих условиях, зарабатывая меньше, чем они ожидали, или ввиду разрушительного воздействия этой деятельности на их физическое и психическое здоровье. Возможность изменить свое мнение должна быть подлинной, а не просто теоретической. Если проституция является результатом истинного выбора, то должна быть возможность прекратить ее в любой момент без какого-либо долгосрочного воздействия. Аналогичным образом не может быть согласия в ситуации отсутствия выбора. Проституция зачастую является крайней мерой. Если лицо испытывает экономические трудности, проституция не является подлинным решением. Если, и только в этом случае, все указанные условия будут выполнены, мы можем говорить о действительно свободном выборе, сделанном добровольно и с полной осознанностью.

10. Подавляющее большинство государств – членов Совета Европы устанавливают уголовную ответственность за причастность к оказанию другим лицом сексуальных услуг, даже в отсутствие принуждения лица, оказывающего такие услуги (см. § 211 настоящего Постановления). Это необязательно является моральной проблемой, поскольку опыт занятия проституцией никого не оставляет без последствий (см. выше пункт 6). Тем не менее Большая Палата Европейского Суда, по-видимому, игнорирует этот консенсус. Действительно, некоторые государства регулируют эксплуатацию проституции (например, Германия, Нидерланды, Словения, Испания и Швейцария). Однако тщательного правового регулирования деятельности недостаточно для того, чтобы сделать ее совместимой с Конвенцией. Факт ее регулирования никоим образом не означает, что согласие лица является полностью свободным, осознанным и явно выраженным и, прежде всего, подтвержденным. В связи с этим я отмечаю законодательство, инициированное несколькими европейскими странами, которые решили определять сексуальное насилие на основе отсутствия согласия, а не только с учетом насилия или угроз (например, Швеция, Исландия, Соединенное Королевство и Ирландия). Следовательно, отсутствие насилия необязательно означает согласие.

11. Наконец, статья 4 Конвенции также накладывает позитивные обязательства на Высокие Договаривающиеся Стороны. В связи с этим им следует как минимум создать правовую основу, достаточную для того, чтобы запрет на рабство и принудительный труд был эффективным, проводить тщательное расследование при наличии обоснованных подозрений в том, что права лиц, пользующихся защитой, были нарушены, и, наконец, принимать оперативные меры по защите потенци-

альных или реальных потерпевших. Что касается последнего аспекта, это предполагает, во-первых, укрепление гарантий и механизмов защиты, связанных с легальной проституцией, иными словами, установление подлинности данного согласия. Во-вторых, перечень позитивных обязательств государств в соответствии со статьей 4 Конвенции следует расширить путем принятия превентивных мер, таких как выявление и поддержка лиц, находящихся в нестабильных или уязвимых условиях (подавляющее большинство из которых составляют женщины), которым грозит опасность попасть в ловушку принудительной проституции, и оказание помощи и защиты тем, кто хочет выбраться из порочного круга проституции.

12. В своем произведении «Отверженные» 1862 года Виктор Гюго отметил: «Говорят, что рабство упразднено европейской цивилизацией. Это заблуждение. Оно всё еще существует, но теперь его тяжесть падает только на женщину, и имя его – проституция»¹. Конвенция – это живой инструмент. Указать путь развития может лишь Европейский Суд.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЕОРГИЯ А. СЕРГИДЕСА

1. Заявительница – молодая женщина, безработная на соответствующий момент времени, которая предположительно подверглась физическому и психологическому принуждению в целях занятия проституцией со стороны некоего Т.М., бывшего сотрудника полиции. Ее жалоба в Европейский Суд состояла в том, что органы власти государства-ответчика не смогли эффективно применить соответствующие уголовно-правовые механизмы в отношении указанных утверждений.

2. Европейский Суд, в компетенцию которого входит правовая квалификация обстоятельств дела, в своем Постановлении справедливо решил (см. § 243 настоящего Постановления) рассмотреть настоящее дело в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Конвенции, который запрещает принудительный труд.

3. Я согласен с содержащимся в Постановлении выводом о том, что имело место нарушение статьи 4 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте (см. § 347 настоящего Постановления), но я прихожу к такому выводу, используя более простой и прямой методологический подход, который я изложу ниже. Затем я более подробно поясню свои опасения относительно возможного влияния настоящего Постановления на сферу действия пункта 2 статьи 4 Конвенции, обозначив взаимосвязь между двумя измерениями логики (интенция и экстенция) в отношении понятия «принудитель-

ный и обязательный труд» в соответствии с указанным положением. Это даст дополнительное понимание моего предпочтения прямого методологического подхода, который, по моему мнению, в большей степени соответствует принципу эффективности².

I. Прямой методологический подход

4. В настоящем Постановлении предпринимается сложная задача дать определение понятий «торговля людьми» и «эксплуатация проституции» – задача, которую Европейский Суд считает важной для того, чтобы установить, попадает ли обращение, на которое жаловалась заявительница, под действие пункта 2 статьи 4 Конвенции. При всем уважении я считаю такую задачу излишней. Данные понятия, которые в любом случае прямо не упомянуты в пункте 2 статьи 4 Конвенции, являются лишь частными случаями или подкатегориями «принудительного или обязательного труда» и не исчерпывают всю широту последнего. Как следует из прецедентной практики Европейского Суда (см. §§ 281–285 настоящего Постановления), «принудительный или обязательный труд» в целом означает любую работу или услугу, которые были получены от лица вопреки его воли путем применения силы (то есть с использованием физических или психологических ограничений либо тех и других) или принуждения (то есть запугивания применением какого-либо наказания или путем серьезной угрозы либо того и другого).

5. Я считаю подход, использованный в настоящем Постановлении, сомнительным по двум основным причинам: во-первых, несоразмерно большая часть правового анализа посвящена установле-

² В отношении данного принципа см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «О некоторых аспектах законов об использовании языков в процессе обучения в Бельгии» (по существу) от 23 июля 1968 г., р. 24, 26, Series A, № 6, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции», жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, § 123, ECHR 2005-I; *Rietiker, Daniel*. The principle of «effectiveness» in the recent jurisprudence of the European Court of Human Rights: its different dimensions and its consistency with public international law – no need for the concept of treaty sui generis // *Nordic Journal of International Law*, 79 (2010), pp. 245 *et seq.*; *Georgios A. Serghides*, The Principle of Effectiveness in the European Convention on Human Rights, in Particular its Relationship to the Other Convention Principles, in (2017), 30 // *Hague Yearbook of International Law*, 1 *et seq.*; *Georgios A. Serghides*. The Principle of Effectiveness as Used in Interpreting, Applying and Implementing the European Convention on Human Rights (its Nature, Mechanism and Significance), in: *Julia Motoc, Paulo Pinto de Albuquerque and Krzysztof Wojtyczek*. New Developments in Constitutional Law – Essays in Honour of András Sajó, The Hague, 2018, pp. 389 *et seq.* См. также актуальный недавний сборник соответствующих работ: *Daniel Rietiker*. Effectiveness and Evolution in Treaty Interpretation // *Oxford Bibliographies* (в редакции от 25 сентября 2019 г.): <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199796953/obo-9780199796953-0188.xml>

¹ Цит. по: Гюго В. Отверженные. Пер. с фр. В. Левик, Н. Коган, М. Вахтерова, К. Локс, Н. Эфрос, Д. Лившиц. – М.: Эксмо, 2011 (примеч. переводчика).

нию того, попадает ли обжалуемое обращение под определение «торговли людьми» и/или «эксплуатации проституции», что отвлекает от более общего вопроса о наличии «принудительного или обязательного труда», который лежит в основе дела; во-вторых, такой анализ приводит к неоправданному сужению сферы действия пункта 2 статьи 4 Конвенции. Я останавливаюсь на этом более подробно, чтобы пояснить, почему я предпочитаю прямой методологический подход.

6. Во-первых, как указано выше, большая часть правового анализа в настоящем Постановлении посвящена определению понятий «торговля людьми» и «эксплуатация проституции». Это может иметь значение для установления того, попадает ли обжалуемое обращение к сфере действия пункта 2 статьи 4 Конвенции. Однако данный анализ следует проводить, рассматривая понятие «принудительный или обязательный труд» во всей его широте, а не ограничивая сферу применения данного положения только указанными двумя подкатегориями принудительного или обязательного труда. Чрезмерная концентрация на определении понятий «торговля людьми» и «эксплуатация проституции» отвлекает от центрального и более общего вопроса, как указано выше.

7. Во-вторых, принятый в настоящем Постановлении подход ограничивает сферу действия пункта 2 статьи 4 Конвенции, приравнивая «принудительный или обязательный труд» к «торговле людьми» и «эксплуатации проституции». Методология, принятая в настоящем Постановлении, может привести к ситуации, когда потребуется разрешение, своего рода «резолюция» со словами «торговля людьми» и/или «эксплуатация проституции», чтобы жалоба могла попадать под действие пункта 2 статьи 4 Конвенции.

8. Следовательно, такая методология: (а) ошибочна, поскольку сфера действия понятия «принудительный или обязательный труд» шире и не ограничивается указанными двумя подкатегориями, что настоящее Постановление, по-видимому, упускает из виду; (b) в высшей степени ограничена; (c) противоречит предмету и цели пункта 2 статьи 4 Конвенции, а именно обеспечению практической и эффективной защиты права не подвергаться «принудительному или обязательному труду», и, следовательно, нарушает принцип эффективности. Таким образом, подход, принятый в настоящем Постановлении, является излишним и не соответствует духу пункта 2 статьи 4 Конвенции.

9. По изложенным выше причинам я предпочитаю прямой методологический подход, который позволяет избежать указанных проблем. На мой взгляд, вопрос, который необходимо задать, заключается в том, можно ли считать жалобу заявительницы (то есть ее фактические утверждения) равносильной «принудительному или обязательному

труду» по смыслу пункта 2 статьи 4 Конвенции. Данное понятие носит общий и автономный характер и допускает эволюционное толкование, которое позволяет развивать живой инструмент. Общий характер этого понятия усиливается положениями следующего параграфа указанной статьи, а именно подпунктами «a»–«d» пункта 3, который прямо исключает четыре категории или вида работ или услуг из понятия «принудительный или обязательный труд».

10. Понятия «торговля людьми» и «эксплуатация проституции» в силу своей природы попадают под понятие «принудительный или обязательный труд», поскольку такое поведение представляет собой достаточно серьезное средство принуждения лица к выполнению работы против его воли. «Принудительный или обязательный труд» может иметь место во многих различных контекстах и не ограничивается «торговлей людьми» и/или «эксплуатацией проституции». Сама природа шокирующей эксплуатации лиц, вовлеченных в «торговлю людьми» и/или «эксплуатацию проституции», такова, что подобная эксплуатация должна автоматически относиться к сфере действия пункта 2 статьи 4 Конвенции.

11. В свете вышеизложенного прямой методологический подход устраняет необходимость предпринимать попытку, как это делается в настоящем Постановлении, определять понятия «торговля людьми» и/или «эксплуатация проституции», которые очень сложно определить, и вместо этого смещает основной акцент на актуальный и более общий вопрос, который Европейский Суд должен разрешить, как указано выше.

12. Чтобы более подробно пояснить сферу действия пункта 2 статьи 4 Конвенции, я рассмотрю значение понятия «принудительный или обязательный труд» сквозь призму двух измерений логики. Это позволит проиллюстрировать, насколько прямой методологический подход, которому я отдаю предпочтение, в большей степени совместим с интенцией и экстенцией и каким образом подход, принятый в настоящем Постановлении, приводит к неоправданному сужению его объема.

II. Понятие «принудительный или обязательный труд» сквозь призму двух измерений логики, интенции и экстенции, и принципа эффективности

13. Как указано выше, по моему мнению, подробный анализ того, можно ли считать жалобу заявительницы (то есть ее фактические утверждения) «торговлей людьми» и/или «эксплуатацией проституции» по смыслу пункта 2 статьи 4 Конвенции, при всем уважении, был излишнем. На мой взгляд, как и любое другое понятие, используемое в Конвенции, объем понятия «принудительный или обязательный труд» по смыслу пункта 2

статьи 4 Конвенции можно лучше понять, если рассмотреть его в контексте двух измерений логики, то есть интенции и экстенции¹, а также сквозь призму взаимосвязи между указанными измерениями².

14. В логике интенция (иначе коннотация, понимание, определение или глубина) охватывает важные качества, признаки и характеристики понятия, а экстенция (иначе объем понятия, классификация или широта) включает в себя предметы или случаи, к которым относится понятие. Различие между ними можно четко проиллюстрировать на примере понятия «корабль». Интенцию данного понятия можно сформулировать как «транспортное средство для передвижения по воде», а экстенция будет охватывать грузовые суда, пассажирские суда, линкоры и парусные суда³.

15. Указанные два измерения важны в толковании понятий, используемых в Конвенции, поскольку они содействуют целостному представлению об их значении: в их глубине и широте. Для эффективной защиты прав человека требуется более глубокое понимание понятий, используемых в Конвенции. Такой целостный подход к толкованию положения Конвенции является аспектом или свойством принципа эффективности как нормы международного права и метода толкования. Х.Э. Каннингем (*H.E. Cunningham*) справедливо отмечает, что «экстенция и интенция в применении к понятиям могут в некотором смысле применяться к отношениям»⁴. Следовательно, на мой взгляд, то же самое относится и к правам человека, которые основаны на человеческих отношениях в обществе и затрагивают их. Хотя интенция понятия тоже описывается как определение понятия, следует отметить, что понятия отношений и прав человека могут быть очень сложными для определения, а иногда даже не поддающимися определению⁵.

16. С учетом этого можно легко объяснить, почему Европейский Суд предпочитает не определять права или понятия, касающиеся прав, предусмотренных Конвенцией. Любое определение прав, если только оно не носит самого общего характера, не оставляет места для развития Конвенции как живого инструмента – доктрины, которой придерживается Европейский Суд. Тем не менее более тщательное изучение указанных двух измерений может способствовать эволюции, чтобы надлежащим образом установить значение права в отношении конкретной совокупности обстоятельств, обеспечивая при этом соблюдение основополагающей защиты, гарантированной соответствующей статьей Конвенции.

17. Я утверждаю, что определение права не подвергаться «принудительному или обязательному труду» должно отражать два элемента значения, которое данное понятие имеет в логике. Интенция понятия «принудительный или обязательный труд» определяется как любой труд, который можно охарактеризовать как принудительный или обязательный и, следовательно, происходящий против воли человека. «Торговля людьми» и «эксплуатация проституции», несомненно, входят в экстенцию данного понятия, но его экстенция не ограничивается указанными двумя примерами. Это лишь некоторые случаи, охватываемые экстенцией или широтой понятия «принудительный или обязательный труд», но, как указано выше, они не исчерпывают всю широту последнего.

18. Таким образом, по моему мнению, если квалифицировать жалобу заявительницы как «торговлю людьми» или «эксплуатацию проституции», чтобы она могла считаться «принудительным или обязательным трудом» по смыслу пункта 2 статьи 4 Конвенции, как это сделано в настоящем Постановлении, это неоправданно сузит сферу применения указанного положения. Неспособность осознать экстенцию понятия «принудительный или обязательный труд» в полном объеме и направление внимания лишь на две ее подкатегории можно уподобить неспособности увидеть лес за деревьями.

19. Кроме того, данная или любая аналогичная попытка ограничить экстенцию понятия «принудительный или обязательный труд» не только ошибочно приведет к уменьшению и стагнации экстенции, но и расширит интенцию понятия «принудительный или обязательный труд» до такой степени, чтобы приравнять ее к указанным двум случаям экстенции. В конечном счете это приведет к устранению различия между интенцией и экстенцией, поскольку они будут отождествляться с «торгов-

конкретным, то есть определение путем примера. Интенцию или коннотацию отношения сложнее констатировать. Отношения не поддаются с легкостью абстрактному определению, и многие считают их не поддающимися определению» (см. *ibid.*, at p. 37).

¹ О значении понятий «экстенция» и «интенция» в логике см.: *Cunningham H.E. Textbook of Logic*, New York. 1924. P. 26–27; *Wolf A. Textbook of Logic*, London, 1938, 1st Indian edition, reprinted 1976. P. 323; *Horace William Brindley Joseph. An Introduction to Logic*, 2nd edition (revised), Oxford, 1916. P. 136, 142–143, 155; *Stanley W. Jevons. The Principles of Science: A Treatise on Logic and Scientific Method*, 2nd edition, New York, 1887. P. 25–26; *Evangelos P. Papanoutsos. Logic (in Greek)*, 2nd edition, Athens, 1974. P. 52–53.

² Я также ссылаюсь на указанные измерения логики в § 46 моего совпадающего мнения, к которому присоединился судья Д. Дедов, приложенного к Постановлению Европейского Суда по делу «Оботе против Российской Федерации» (*Obote v. Russia*), от 19 ноября 2019 г., жалоба № 58954/09 (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2020. № 4 (примеч. редактора)).

³ *Adam Augustyn* (ed.). *Encyclopaedia Britannica*, online under «Intension and extension» (March 2020) // <https://www.britannica.com/topic/intension>

⁴ *Cunningham*. Op. cit. P. 37.

⁵ Как отмечает Х.Э. Каннингем в связи с этим: «Экстенция приводит к такому типу определения, которое называется

лей людьми» и «принуждением к проституции». Как я поясню ниже, такой результат противоречит обусловленной логикой взаимосвязи между экстенцией и интенцией понятия, а также принципу эффективности, который поддерживает такую взаимосвязь в интересах эффективной защиты права.

20. В логике существует обратная зависимость между экстенцией и интенцией: по мере того, как интенция уменьшается, экстенция увеличивается, и, наоборот, когда экстенция уменьшается, интенция увеличивается¹. Одним словом, если говорить словами Горация Уильяма Бриндли Джозефа (*Horace William Brindley Joseph*), «экстенция и интенция слов изменяются обратно пропорционально»². Чем менее конкретно определение, тем больше ситуаций и предметов, по всей вероятности, будут входить в область такого определения. А. Вольф (*A. Wolf*)³ привел следующий показательный пример обратной зависимости между интенцией и экстенцией. Если определять интенцию понятия «треугольник», добавляя прилагательное «равносторонний», интенция понятия «треугольник» будет увеличиваться, а его экстенция уменьшаться. И наоборот, если опустить из понятия «равносторонний треугольник» прилагательное «равносторонний», то интенция понятия будет уменьшаться, а его экстенция увеличиваться.

21. В настоящем деле значение понятия «принудительный или обязательный труд» позволяет квалифицировать в качестве такового широкий спектр ситуаций и контекстов, это требует широкой экстенции и узкой интенции. Однако если бы вместо этого понятие «принудительный или обязательный труд» определялось как «торговля людьми» и «эксплуатация проституции», это существенно ограничило бы экстенцию, и, следовательно, данное понятие не охватывало бы другие случаи «принудительного или обязательного труда». Такое толкование было бы *contra legem*, поскольку общему понятию, содержащемуся в пункте 2 статьи 4 Конвенции, было бы неоправданно придано специальное значение. Напротив, прямой методологический подход, изложенный выше, позволяет пункту 2 статьи 4 Конвенции обеспечивать защиту лиц от эксплуатации труда, совершаемой против их воли.

22. На мой взгляд, учет указанных двух измерений «принудительного или обязательного труда» может показать, что описанный выше прямой методологический подход является предпочти-

тельным, поскольку он сохраняет узкую интенцию и, следовательно, не приводит к ошибочному ограничению экстенции жалоб, которые могут быть предъявлены в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Конвенции. В отличие от подхода, принятого в настоящем Постановлении, предлагаемый прямой методологический подход совместим с принципом эффективности, который в сущности основан на логике и справедливости. Данный принцип, как в качестве нормы международного права, так и в качестве метода толкования служит для расширения понятий, используемых в Конвенции, понимается, в границах текста и предмета соответствующего положения Конвенции. Этого можно достичь либо уменьшением его интенции, либо увеличением его экстенции. В любом случае это приведет к одинаковому результату, а именно к расширению общего значения понятия.

III. Вывод

23. В свете вышеизложенных соображений я решил использовать прямой методологический подход к рассмотрению жалобы заявительницы в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Конвенции. Я сочетаю такое рассмотрение с подходом, который я заимствовал из логики и который состоит в определении понятия «принудительный или обязательный труд» сквозь призму его интенции и экстенции с сохранением необходимой обратной зависимости между указанными измерениями в соответствии с принципом эффективности.

24. В заключение, не считая отличного методологического подхода, которого я придерживался, я согласен с выводом настоящего Постановления о том, что власти государства-ответчика нарушили свои процессуальные обязательства по статье 4 Конвенции, и по этой причине я голосовал «за» по всем пяти пунктам резолютивной части. Однако, на мой взгляд, данное нарушение явилось следствием неспособности применить уголовно-правовой механизм, который позволяет провести расследование, обеспечить запрет «принудительного или обязательного труда» и наказание за него таким образом, чтобы облегчить защиту, применяя данное понятие во всей его широте, вместо того, чтобы ограничивать защиту рамками «торговли людьми» или «принуждения к занятию проституцией», как это сделано в настоящем Постановлении.

¹ Wolf A. Op. cit. P. 324; Evangelos P. Papanoutsos. Op. cit. P. 52–53.

² См. H.W.B. Joseph, op. cit., at p. 137. На странице 146 (см. *ibid.*) Джозеф также утверждает: «...нельзя расширить или сузить экстенцию понятия, не ограничив или не расширив при этом его интенцию, и наоборот».

³ Wolf A. Op. cit. P. 324.